

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

ИСТОРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (8) апрель-август 2017 года

Подпрапорщик Л.-гв.
Преображенского полка
Н. Т. Митин
Худ. В. П. Поярков, 1916 г.

Глумов, старший унтер-офицер
Л.-гв. Финляндского полка
Худ. В. П. Поярков, 1916-1917 г.

Подпрапорщик на должности
фельдфебеля Л.-гв. 1-го
Стрелкового Его Величества
полка
Худ. И. Стреблов, 1917 г.

Н. С. Полищук, подпрапорщик
на должности фельдфебеля Л. гв.
Петроградского полка
Худ. И. Стреблов, 1916-1917 г.

Подпрапорщик Л.-гв.
Финляндского полка
И. А. Ветлугин
Худ. В. П. Поярков, 1916 г.

Подпрапорщик Л.-гв.
Московского полка
Н. Я. Воробьев
Худ. В. П. Поярков, 1916 г.

Подпрапорщик Л.-гв.
Павловского полка
Г. Ф. Славков
Худ. В. П. Поярков, 1916 г.

Подпрапорщик на должности
фельдфебеля Л.-гв. 1-го
Стрелкового Его Величества
полка
Худ. И. Стреблов, 1916-1917 г.

Ананий Кузнецов,
ст. унтер-офицер,
знаменщик Л.-гв.
Павловского полка
Худ. С. Ф. Александров-
ский, 1887 г.

Подпрапорщик
на должности
фельдфебеля Л.-гв.
Егерского полка
Иустин Иванович в
парадной форме
Худ. Н. Н. Бунин, 1911 г.

Ефрейтор Л.-гв.
Семёновского полка
Кудрин
Худ. неизвестен, 1911 г.

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

№ 2 (8)

апрель – июнь 2017 года

Историко-информацион-
ный краеведческий журнал

Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:

Александр Толкачёв
Владимир Крюков

Редколлегия:

Сергей Зинченко
Сергей Косяченко
Владимир Скидан
Владимир Иванов-Ардашев
и казаки России

Музыкальный редактор:

Валерий Федорец

Вёрстка:

Артём Калинин

Корректор:

Ирина Киселёва

Электронный адрес редакции:

KazzaK1949@mail.ru

**Мнения авторов
не всегда совпадают
с мнением редакции**

Журнал выходит
при поддержке
казачьих спонсоров
и Администрации
Томской области

В номере:

<i>Стихи</i>	
В Сибирь. Д. Караганов.....	4
<i>Слово редактора</i>	
Год столетнего юбилея чего?.....	4
<i>Информационное сообщение</i>	
Заседание атаманского правления МОО «Сибирское казачье войско».....	5
Круг во Владивостоке.....	5
<i>Письмо атамана.....</i>	8
<i>Информационное сообщение</i>	
В Ставрополе прошло заседание комиссии по делам казачества при Президенте РФ.....	10
Визит атамана.....	10
В Томске открылась выставка о трагической судьбе казачества.....	11
Круг в Парабели.....	12
В память героям-казакам.....	13
Автопробег Мурманск – Донбасс – Москва.....	14
<i>Письма из зарубежья</i>	
Бранденбург 9 мая 2017 г.....	14
<i>Новости</i>	
Три дня на казачьих сборах.....	15
Юные жители Искитима и района встали под знамёна казачества и «Юнармии».....	17
Беловодье Алтая.....	18
<i>Письма с мест</i>	
И. Лисиенко.....	19
Г. Коваленко.....	19
<i>История</i>	
Как царя предали семья, церковь.....	20
Банда из Амура.....	26
Дело «японского шпиона» казака Ф. И. Аксёнова.....	27
<i>Письма из зарубежья</i>	
Австрия.....	30
Германия.....	30
<i>История</i>	
Керчь помнит о Русском Исходе.....	31
Российское казачество на Донбассе.....	33
В России больше всего казаков, которые не входят ни в какие казачьи общества.....	35
Казачество. Санкции или дурость?.....	36
День в истории: Кровавая расправа большевиков над жителями Новочеркаска.....	37
Атаманша.....	42
«Мы давали присягу Вере, Царю...».....	46
<i>Литературная страница</i>	
Обида.....	48
<i>Казаки сегодня</i>	
Пики к бою, шашки вон! В лаву арш, арш!.....	67
<i>Политика</i>	
«Они жедети...».....	68
Было или не было, кто ж знает.....	68
<i>Страницы истории</i>	
2-я батарея сотника Красноусова.....	70
Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI–XVII вв.....	72
Проект реформ атамана Ионова.....	80
О некрасовцах.....	86
<i>Советы бывалого человека</i>	
25 советов по выживанию на войне, в плену и в тюрьме.....	87
<i>Воспоминания о войне</i>	
Отдать трибунал под трибунал или Рассказ о настоящем Офицере и Человеке.....	90
<i>Детская страничка</i>	
А. Ишимова. «История России в рассказах для детей».....	91
<i>Культура и искусство</i>	
«Русские забавы» – движение вместе.....	94
Композитор из Парабели.....	96

На первой обложке:

Н. Самокиш «Конвоец»

На последней обложке:

Сотня 8-го ДКП 14Г

В Сибирь

Сколько эта Земля приняла,
Ведомых по трактам в кандалах и оковах...
СИБИРЬ... Всех вместила и поняла,
А туда ссылали всё новых и новых.

Люди в каторгу шли не по воле своей –
По велению Царей, ЧК и правительств.
У меня вопрос к тебе, Брат мой Сергей:
«В Сибирь идти нам приказ дал какой
повелитель?».

Мы шли по следам наших умерших предков,
Ушедших на Север под лай конвойных собак...
Развивали «нефтянку», занимались разведкой...
Всех приглашаю в Сибирь, если ты не слабак...

Слово редактора

А. Толкачёв

Год столетнего юбилея чего?

То, что от прошлого не спрятаться, не скрыться, известно всем. Правда, его можно замолчать, это ужасное прошлое, отлакировать, покрыв ложью и искажёнными фактами, уничтожить настоящие документы и сделать «новые», фальшивые... Но приходит время, когда ложь изобличается, истинные документы находятся где-то совсем в другом месте, новые методы изучения и открытия науки дают возможность уличить «свидетелей» и их хозяев в подделках и фальсификациях, правда, иногда слишком поздно для современников, пострадавших от этой лжи. Но радует то, что так будет всегда, пока есть заинтересованные в правде люди.

Сто лет прошло с тех пор, как в России произошли страшные события, которые не оставили в стороне никого в нашем мире. Десятки миллионов убитых в разных частях земного шара стали для многих стран всего лишь результатом калки с нашего государственного переворота 1917 года, ещё больше оказалось людей, искалеченных физически и духовно. Две непримиримые силы, называющие себя единственными спасителями человечества, самозабвенно ведут наш общий хрупкий мир к взаимному уничтожению. При этом каждая вываливает на головы человечества горы пропагандистского мусора: фальшивые документы, инсценированные со-

бытия, обвинения в провокациях, которые сами же и устраивают, страшилки всенепременного апокалипсиса в СМИ и так далее... И обе стороны учат всех и вся, как нужно жить.

Есть хорошая шутка: «не учите меня жить, лучше помогите деньгами». А вот денег-то и нет, хотя, сложив все потенциалы враждующих сторон (хоть у нас в стране, хоть в мире), можно было бы обеспечить сносную жизнь всем на земном шарике. Конечно, не у всех появятся яхты, как у Абрамовича, но хлеб с маслом может появиться в каждой семье и общая цифра смертности населения снизится. Как это сделать – не знаю, но точно не так, как это происходит в настоящее время. Эта истина очевидна уже всем. Поэтому, чтобы элементарно выжить в этом мире, мы должны мысленно вернуться в начало всех наших проблем XX и XXI века и внимательно присмотреться к ним, потому как события сегодняшних дней уж как-то очень опасно напоминают предреволюционные события столетней давности. Не хотелось бы повторения всего того, что происходило потом, после октября 1917 года.

А вот что касается денег, которых «нет, но вы держитесь», то в интернете ходит такое высказывание, приписываемое А. С. Пушкину:

«Кто проповедь читать захочет людям, тот жрать не должен слаще, чем они».

Информационное сообщение

Заседание атаманского правления МОО «Сибирское казачье войско»

29 мая 2017 года в г. Омске состоялось заседание атаманского правления Межрегиональной общественной организации «Сибирское казачье войско».

На правлении присутствовали: председатель Совета старейшин МОО «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» и МОО «Сибирское казачье войско» В. А. Павлов, член Совета старейшин МОО «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков», МОО «Сибирское казачье войско», генеральный директор ООО «Пожарное дело» Г. Ф. Луконенко.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Итоги работы МОО «Сибирское казачье войско» и Союза казаков Омской области за первое полугодие и план основных мероприятий на второе полугодие 2017 г.

(Доклад атамана Союза сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков С. М. Толмачёва.)

Организационные вопросы Союза казаков Омской области.

О кадровых назначениях в Союзе казаков Омской области.

О плане строительства конно-спортивного центра «Атаман».

(Информация атамана Союза казаков Омской области С. М. Шалаева).

Разное

Пресс-служба МОО «Сибирское казачье войско»

Круг во Владивостоке

04 июля 2017 года во Владивостоке состоялся Объединённый Большой Круг военно-патриотической организации «Уссурийское казачье войско» Дальневосточного федерального округа, куда были приглашены все казаки Дальнего Востока для обсуждения наиболее важных на сегодняшний день вопросов. На Объединённом Большом Круге собралось большое количество выборных казаков от всех казачьих обществ Дальнего Востока.

Казаки обсуждали следующие вопросы по повестке дня:

1. Информация атамана ВПОО УКВ о проделанной работе за год.

2. Взаимодействие казачества и ДОСААФ.

3. Роль казаков в сохранении природных богатств Дальнего Востока.

4. О восстановлении исторической справедливости – возрождении Амурского казачьего войска. Разное.

Наиболее важным на Круге было обсуждение четвёртого пункта повестки дня, в котором обсуждалась судьба Амурского казачьего войска, незаслуженно и незаконно введённого в Уссурийское казачье войско.

Приводим выступления и постановление Объединённого Большого Круга:

1) По четвёртому вопросу слушали атамана общественной казачьей организации «Якутский казачий полк» казачьего генерала Козырь А. Д.

Поздравив казаков-уссурийцев со 128-й годовщиной, он сделал небольшой экскурс по истории казачества на дальневосточной земле, напомнив присутствующим, как формировались казачьи общины и казачьи войска, какую боль-

шую роль они сыграли в освоении территорий Дальнего Востока. Исторически было сформировано 11 казачьих войск, в том числе и Амурское казачье войско. А. Д. Козырь рассказал, что Уссурийское казачье войско формировалось из Забайкальского, Амурского казачьих войск и Якутского казачьего полка. Это необходимо помнить и восстановить историческую несправедливость, которую в угоду чиновникам и их амбициям совершили в 2010 году казаки, объединив два войска – Амурское, Уссурийское – и Якутский казачий полк в одно реестровое казачье общество, тем самым породив раскол в рядах казаков. Обращаясь к казакам объединённого Большого Круга, старикам, члену Совета при Президенте РФ по делам казачества генерал-полковнику Колмакову А. П., духовенству, донести до Беглова А. Д. – председателя Совета при Президенте РФ по делам казачества, а надо – и до Президента Российской Федерации вопрос о восстановлении Амурского казачьего войска.

2) С обращением казаков Амурского казачьего войска к казакам Дальнего Востока и Российской Федерации выступил ветеран становления казачества, первый председатель Совета стариков Амурского казачьего войска казачий полковник Гаврилов А. В.

– На протяжении всей истории Российского государства казаки показывали примеры истинного героизма, отваги и любви к Родине. Открытие новых территорий, обустройство, охрана и расширение границ государства – всё это в большей мере заслуга казачества. На протяжении столетий Россия сохранялась как сильная держава потому, что казаки, жившие среди многочисленных народов страны, перенимали лучшие обычаи этих народов, наши предки укрепляли мир и согласие, стремились к дружбе и сотрудничеству, обеспечивали единство и защиту Отечества.

04 декабря 2005 года казаки-амурцы приняли решение о воссоздании Амурского казачьего войска. Это шаг по выполнению напутствия Президента РФ В. В. Путина: «По реке Амур казаков делить не будем». В связи с этим советник Президента РФ по делам казачества, Герой России, генерал-полковник Г. Н. Трошин вручил войсковое знамя атаману Амурского казачьего войска.

За период с 2010 года, когда устойчивое противодействие возрождению амурского казачества достигло своего апогея, казаки-амурцы всё равно продолжают свою работу. Список позитивных дел амурцев огромен, но вопреки логике происходит беспрецедентное противодействие чиновников от казачества, исправно живущих на налоги казака-налогоплательщика, но все свои силы направляющих на подрыв доверия к казакам-амурцам и их пребывание в казачьих общинах. Незнание истории, тради-

ций и обычаев, а также несбывшиеся меркантильные ожидания явились для многих казаков определяющими в принятии решения о выходе из казачества. Пройти через все преграды смогли только истинные казаки, люди, преданные своему Отечеству и Церкви Православной.

Сегодня мы, старики и ветераны Амурского казачьего войска, обращаемся к члену Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества с вопросом о воссоздании Амурского казачьего войска и придании ему достойного исторического места среди казачьих войск России. А также обращаемся к братьям-казакам уссурийцам, ко всем не равнодушным к делу возрождения казачества – поддержать восстановление исторической справедливости. В этом обращении подчёркиваем, что нашей задачей является организация и осуществление взаимовыгодной деятельности, оказание взаимопомощи между казачьими организациями Приамурья. Это наш край, это наша земля. И да поможет нам Бог!

3) О необходимости реанимировать Амурское казачье войско сказал в своём выступлении войсковой атаман Уссурийского войскового казачьего общества (реестрового) казачий полковник Степанов В. Н.

Исторически в российском государстве было 11 казачьих войск, в том числе и Амурское.

Надо поднимать этот вопрос перед председателем Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества Бегловым А. Д. Сегодня в России официально около семи миллионов – казаки. В основном они проживают на юге России. На Дальнем Востоке, объединяющем восемь субъектов Российской Федерации, – 34,2 процента земли от всей территории нашего государства, а проживает здесь мизерное количество людей. Нам необходимо всем объединиться. О роли общественной организации в жизни казачества уже идёт предметный разговор. Этот вопрос будет обсуждаться на Всероссийском казачьем форуме 4–5 октября с. г., который состоится в Краснодаре. От каждого войска будет по 10 представителей: атаман, товарищ атамана, председатель Совета стариков, священник и по два окружных, станичных и первичных обществ. В правительстве прорабатывается закон объединения всего казачества – образования единого Всероссийского казачьего войска во главе с Верховным атаманом. В этом главная задача, т. к. в единстве наша сила.

4) От имени Совета стариков Амурского окружного казачьего общества выступил его старейшина, казачий полковник В. Ф. Мищенко.

Свыше 25 лет прошло с тех пор, как началось движение возрождения казачества на Дальнем Востоке. Одним из первых было возрождено Амурское казачье войско (АКВ). Преодолев многие организационные трудности, АКВ с 1998 года,

объединив в себе несколько казачьих организаций, стало реестровым, избрав Государственный реестр в качестве дальнейшего этапа развития. С 2005 года штаб АКВ находился в Хабаровске, войско уверенно двигалось по пути развития. С 2010 года АКВ волевым путём вошло в состав Уссурийского войскового казачьего общества. С этого времени амурское казачество оказалось на периферии движения, что существенно затруднило работу с Администрацией Амурской области, существенно снизившей внимание к казакам. За период слияния в одно мало управляемое Уссурийское казачье общество, войсковой атаман всего один раз посетил Амурскую область. Произшедшее разделение Амурского окружного казачьего общества на две группировки, продолжающееся по сей день, не принесло пользы для развития амурского казачества.

В настоящее время Амурское окружное казачье общество ведёт активную работу по консолидации деятельности различных казачьих организаций. Заключено соглашение о взаимодействии с Союзом амурских казаков Амурского казачьего войска по ряду совместных проектов ведётся большая работа по сближению позиций и консолидации казаков в ходе совместной деятельности. Всё большее количество казаков и руководства общественных и реестровых организаций склоняются к мысли об объединении и воссоздании исторического Амурского казачьего войска на основе Государственного реестра. Обращаемся к вам, господа казаки Дальнего Востока, к Вам, Александр Петрович, как члену Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Председателю ДОСААФ России с просьбой поддержать амурцев и рассмотреть вопрос о воссоздании Амурского казачьего войска и устранения исторической несправедливости.

5) Со словами благодарности за участие в объединённом Большом Круге казаков Дальнего Востока и поздравлением со 128-й годовщиной образования Уссурийского казачьего войска выступил атаман общественной организации «Казачий эскадрон» войсковой старшина Осокин В. Г. Поддержав предыдущих выступающих о восстановлении исторической справедливости – воссоздании Амурского казачьего войска, – он акцентировал внимание казаков на том, что атаман каждого отдельно взятого войска – это фигура. И когда батьки-атаманы консолидируются, представляя каждый своё войско, получается мощный актив, способный представлять в Совете при Президенте Российской Федерации по делам казачества весь Дальний Восток. Мы – казаки и представители ДОСААФ – решаем одну общую задачу – подготовку подрастающего поколения к службе в Вооружённых Силах. В связи с этим казаки «Казачьего эскадрона» совместно с региональным отделением ДОСААФ Приморского края проводят обучение казаков и казачат

фехтованию, джигитовке, владению оружием на коне, рубке шашкой, стрельбе из пистолета и другим прикладным видам спорта. Пользуясь случаем, приглашаю всех казаков, казачат и казачек на чемпионат и первенство города Владивостока по джигитовке, которое состоится 23 июля 2017 года.

6) Знаковым событием назвал объединённый Большой Круг казаков Дальнего Востока в своём выступлении председатель регионального отделения ДОСААФ Приморского края войсковой старшина Доценко И. Г.

Поздравив казаков и гостей со 128-й годовщиной образования Уссурийского казачьего войска, он сказал, что сегодня мы наконец-то собрались все вместе и спокойно обсуждаем насущные вопросы о жизни казаков, не разделяясь на реестровых и общественных. У нас одно общее дело – развитие казачества на Дальнем Востоке. И будет справедливо, когда Дальний Восток в центре будет представлять и атаман Амурского казачьего войска. Управлять такой территорией одному атаману не под силу, знаю то из собственной практики. Будучи товарищем атамана Уссурийского войскового казачьего общества, побывал практически во всех субъектах Федерации, где расположены окружные казачьи общества, входящие в состав УВКО. Поэтому восстановление права представлять в Совете при Президенте Российской Федерации по делам казачества полноправных трёх атаманов – Амурского, Уссурийского казачьих войск и Якутского отдельного казачьего полка было бы правильно и справедливо, как было и раньше.

В подтверждение своих слов, что одному атаману не под силу управлять всеми субъектами Федерации, где расположены окружные и отдельские казачьи общества, я доношу информацию до всех казаков-дальневосточников, что в каждом крае, области есть казачьи земли.

Как-то я спросил у войскового атамана УВКО Степанова В. Н., сколько у него в войске земли. И получил ответ: «Восемь соток моей дачи». Казаки общественной организации «Уссурийское казачье войско» не сидят сложа руки, за последнее время проведена большая работа по вопросу казачьих земель. И вот что мы обнаружили: Уссурийскому казачьему войску принадлежат 15 тысяч гектаров земли в Хасанском районе Приморского края – с пожизненным пользованием. Конечно, за последнее время 7 тысяч га мы уже потеряли, но осталось ещё 8 тысяч га на предмет целевого использования. Поле деятельности для казаков огромное – это и охрана государственной границы, заповедников, в том числе и морского, это и охотничьи угодья, и сельхозполя. Передаю документы нынешнему войсковому атаману Уссурийского войскового казачьего общества казачьему полковнику Степанову В. Н., чтобы он справедливо и по-хозяйски распорядился этим богатством.

7) С поздравления казаков и гостей объединённого Большого Круга начал своё выступление атаман межнациональной общественной организации «Амурское казачье войско» есаул Стрельцов А. В. Уссурийское казачье войско вышло из Амурского и теперь с помощью уссурийских казаков мы просим восстановить историческую справедливость возрождения и воссоздания Амурского казачьего войска, чтобы оно стало полноправным в составе казачьих войск России. Общественная организация Амурского казачьего войска заключила договор с реестровым войском о взаимодействии. Мы поднимаем общественную организацию и уверены, что Амурское казачье войско имеет право быть и должно быть.

Моё предложение – заключить соглашение о взаимопартнёрстве между всеми казачьими организациями по охране государственной границы, охране общественного порядка, взаимодействию с МЧС.

8) Поздравив казаков и гостей с войсковым праздником, со знаковым событием – объединением казаков Дальнего Востока, атаман отдельного Камчатского казачьего округа Уссурийского войскового казачьего общества казачий полковник Бянкин Н. В. поддержал обращение ко всем казакам о восстановлении исторической справедливости – воссоздании Амурского казачьего войска. Чтобы смотреть вперёд, развиваться и преуспевать в общем деле, нам необходима управляемая территория. 34,2 процента территории Дальнего Востока – одна треть всей страны – в нынешних условиях не может управляться одним атаманом войска. Для эффективного взаи-

модействия и решения задачи по развитию казачества необходимо создать четыре войска:

1. Амурское казачье войско;
2. Северо-Восточный союз казаков, который действует как общественная организация, и я являюсь его атаманом;
3. Уссурийское казачье войско;
4. Якутский казачий отдельный полк.

Четыре атамана – это мощный кулак, мощная сила, представляющая весь Дальний Восток, способная оперативно решать возложенные на казачество задачи.

9) Председатель Совета стариков ВПОО Уссурийского казачьего войска и Приморского отдельного казачьего общества УВКО войсковой старшина Ноздрин С. И., поздравив всех с войсковым праздником, был короток. Он призвал всех казаков поддержать обращение амурских казаков о воссоздании Амурского казачьего войска!

По четвёртому вопросу постановили:

Поддержать и принять обращение к казакам Дальнего Востока и России, Совету при Президенте Российской Федерации по делам казачества о восстановлении исторической справедливости – воссоздании Амурского казачьего войска и придании ему достойного исторического места среди казачьих войск России.

Голосовали:

«за» – 138 голосов;

«против» – нет.

Единогласное мнение казаков – «Любо!», теперь остаётся ждать решения Президента, ведь в России даже незначительные вопросы решает только Президент.

Письмо атамана

*Амурское казачье войско Крюкова Владимира Викторовича
680014, г. Хабаровск, ул. Иркутская, д. 6*

*В Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВПОУ «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)».
644001, г. Омск, ул. Куйбышева, д. 79 а, каб. № 206.*

*Директору филиала,
Мамаеву Олегу Алексеевичу
От Почётного атамана*

Уважаемый Олег Алексеевич!

Являясь Почётным атаманом Амурского казачьего войска и прямым потомком амурских казаков, я вынужден обратиться к Вам с настоящим письмом и выразить своё крайнее возмущение относительно оформления плаката, на котором обозначены казачьи войска России, размещённого в здании возглавляемого Вами учебного заведения.

После посещения казаками-амурцами Сибирского казачьего института технологий и управления мне были продемонстрированы фотографии карты расположения казачьих войск России (Приложение № 1 к настоящему письму), которая является неполной и недостоверной, а также затрагивает и умаляет культурные, нравственные, исторические

и этнические права казаков-амурцев, искажая историю России.

На данном графическом материале изображены 11 казачьих войск, а также предоставлена краткая справка о дате их образования и географическом месте расположения, однако полностью отсутствует информация об Амурском казачьем войске, которое, как и другие казачьи войска России, заслуживает особого места в истории российского казачества.

Амурское казачье войско сыграло огромную роль в заселении и освоении Приамурья, охране дальневосточных рубежей, развитии экономики региона. Казаки-амурцы активно возрождают казачество на Дальнем Востоке, соблюдают старые добрые обычаи и традиции, по которым жили их предки, которые создавали силу и крепость казачьих обществ. Именно из Амурского казачьего войска вышло и получило активы Уссурийское казачье войско в 1889 году.

Неуказание составителем карты на существование Амурского казачьего войска, а также размещение информации, не соответствующей действительности, в стенах государственного образовательного учреждения является проявлением акта неуважения к российской истории, традициям и заслугам амурского казачества в целом.

Необходимо учесть, что Амурское казачье войско воссоздавалось по решению Совета по делам казачества при полномочном представителе Президента Российской Федерации в ДФО. В апреле 2005 года на Совете по делам казачества советник Президента Российской Федерации Г. Н. Трошев передал казакам-амурцам напутствие Президента РФ Владимира Владимировича Путина: «По реке Амур казаков делить не будем».

Не могу понять, чем руководствовался автор спорного плаката, хотел ли он отобразить исторически образованные казачьи войска России, или отметить места расположения казачьих войск, внесённых в государственный реестр казачьих обществ, однако в случае преследования второй цели будет правильным и корректным узнать в Минюсте, какие войска де-юре внесены в реестр, и делать на это специальное указание, чтобы не затрагивать и не нарушать права и законные интересы других представителей российского казачества, а также не вводить в заблуждение студентов Вашего вуза.

Кроме того, прошу Вас обратить особое внимание на тот факт, что наличие либо отсутствие записи в государственном реестре казачьих обществ не является основанием для отнесения (не отнесения) объединившихся граждан к такой сложной этно-социальной культуре, как казачество.

Приложение 1.

Фотоснимок плаката «Казачьи войска России»

Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации – это всего лишь информационный ресурс, содержащий сведения о казачьих обществах, о чём прямо указано в Федеральном Законе от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества».

Российское казачество – форма самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, сохранения его традиционного образа жизни, форм хозяйствования и самобытной культуры, является составной частью гражданского общества Российской Федерации.

Судьба амурского казачества великая и в то же время трагичная. Революции, Гражданская война, расказачивание и раскулачивание, ссылка из родных амурских станиц на Север, репрессии и расстрелы – через всё это прошли наши деды и прадеды. Но потомки амурских казаков прилагают большие усилия для воссоздания Амурского казачьего войска на Дальнем Востоке нашей родины. Амурское казачье войско, как и его достойное место среди российского казачества, признаётся всеми представителями казачьего сообщества.

Отсутствие данных об Амурском казачьем войске на схеме казачьих войск России, которая используется в учебном заведении, фактически вычёркивает целый пласт истории Дальнего Востока, что приводит к заслуженному возмущению и критике со стороны амурского казачества.

Надеюсь, что Вам как директору филиала Первого казачьего университета известны вышеприведённые факты и обстоятельства, которым будет дана надлежащая и справедливая оценка, а также, что будут предприняты меры по исправлению допущенной несправедливости в отношении Амурского казачьего войска.

С уважением,
Почётный атаман
Амурского казачьего войска
Крюков В. В.

Информационное сообщение

В Ставрополе прошло заседание комиссии по делам казачества при Президенте РФ

24 июня 2017 г. в г. Ставрополе прошло заседание постоянной профильной комиссии по работе с общественными объединениями казаков Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества.

В совещании приняли участие члены постоянной профильной комиссии по работе с общественными объединениями казаков Совета при Президенте РФ по делам казачества, председатель комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества Александр Писаренко, атаман Ставропольского казачьего войска СКР Дмитрий Владимирович Стригунов и атаман Донского казачьего войска СКР Владимир Васильевич Скабелин.

Очередное заседание постоянной профильной комиссии по работе с общественными объединениями казаков Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества открыл заместитель председателя постоянной профильной комиссии по работе с общественными объединениями казаков Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Верховный атаман общероссийской общественной организации «Союз казаков» Павел Филиппович Задорожный.

В рамках работы комиссии участники обсудили доклады атаманов общественных (не реестровых) организаций: заместителя председателя профильной комиссии по работе с общественными объединениями казаков Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества Верховного атамана общероссийской общественной организации «Союз казаков» Павла Филипповича Задорожного и заместителя председателя общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» Павла Ивановича Платова.

По итогам заседания глава комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества Александр Писаренко отметил, что взаимодействие общественных объединений казаков с органами государственной власти является важной частью развития казачьего движения в нашей стране и в Ставропольском крае в частности. Казаки представляют консолидированную, патриотически настроенную часть российского общества, которая уже более 25 лет служит на благо Отечества, несмотря на то, состоят они в госреестре или нет. Это активные граждане нашей страны, и на них всегда могла опереться Россия. Участники совещания, прибывшие в Ставрополь, также посетили Государственный архив Ставропольского края и ознакомились с историко-документальной выставкой «Казачество Ставрополья: из века в век», отражающей историю казачества на Ставрополье с XVII века до наших дней.

Пресс-служба СКР

Визит атамана

18 июля 2017 года, в Томск с рабочим визитом приезжал атаман СВКО генерал Привалов Г. Н. Состоялся сход атаманов ТОКО СВКО, на котором присутствовали: атаман СВКО генерал Г. Н. Привалов, атаман ТОКО СВКО М. В. Палагин, представитель Администрации Томской области А. С. Ульянов и атаманы хуторов и станиц.

Прошёл серьёзный разговор о положении дел в Томском отделе.

В частности, были озвучены вопросы:

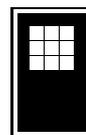
- о предоставлении помещений для штаба ТОКО СВКО и казачьего центра культуры;
- о реальной помощи отделу со стороны атамана СВКО, а не только требования;
- о финансировании отдела ТОКО СВКО для регистрации в Минюсте в целом и на местах (хутора, станицы);
- об отчётности отдела, станиц и хуторов;
- о выстраивании взаимоотношений с Министерством обороны (техника, форма и т. д.) в соответствии с опытом работы с го-

сударственными организациями других обществ СВКО;

- об отсутствии финансирования командировок атамана и атаманского правления ТОКО СВКО за пределы Томска и Томской области;
- о возможности введения, для улучшения работы отдела, нескольких ответственных работников ТОКО СВКО в штат Томской областной администрации, как это делается в других регионах страны;
- разное.

Пресс-центр ТОКО СВКО

В Томске открылась выставка о трагической судьбе казачества

МЕМОРИАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ
«СЛЕДСТВЕННАЯ
ТЮРЬМА НКВД»

3 июля в мемориальном музее Томска «Следственная тюрьма НКВД» состоялось открытие выставки «Казачи: история и судьбы», сообщает сайт «Православие в Томске». Выставка посвящена истории и трагической судьбе казачества в годы советской власти.

На выставке представлены образцы оружия казаков XVIII–XX веков, казачье обмундирование, образцы наград и семейные реликвии томских казаков, картины на исторические казачьи темы, издания по истории казачества. Инициатором выставки выступил Александр Александрович Толкачёв – писатель, художник, издатель, главный редактор иллюстрированного журнала «Казачи за камнем», и Сергей Николаевич Зинченко, историк казачества.

В открытии выставки по благословению митрополита Томского и Асиновского Ростислава принял участие и выступил с приветственным словом настоятель Воскресенской церкви г. Томска иерей Дионисий Мелентьев, который сказал о том, что даже трагический опыт нашей истории может послужить к нашей духовной пользе.

4 июля 2017 г.
<https://vk.com/nkvdtomsk>

Круг в Парабели

8 июля 2017 года в селе Парабель Томской области прошёл отчётно-перевыборный круг хуторского казачьего общества. На круг из Томска приехал атаман ТОКО СВКО М. В. Палагин с казаками отдела. 400 километров пути на север области гости преодолели чуть больше чем за четыре часа, и практически сразу постарались вникнуть в проблемы села и хутора.

На круге, выслушав выступление атамана ТОКО СВКО М. В. Палагина, местного священника о. Александра, заслушав отчёт хуторского атамана С. А. Дубровина и выступления рядовых казаков, собравшиеся хуторяне единогласно переизбрали своим атаманом сотника С. А. Дубровина.

После круга состоялось совещание, на котором было решено поставить 1 августа этого года рядом с памятником воинам Великой

Отечественной войны деревянный крест и памятный камень в честь казаков, воевавших на фронтах Первой мировой войны.

Камень уже найден и подготовлен для перевозки из Томска.

В память героям-казакам

В 2012 году указом Президента Российской Федерации Владимиром Путиным были внесены изменения в статью Федерального Закона «О днях воинской славы и памятных датах России». Теперь 1 августа – это официальный День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

В связи с государственным праздником казаки Хуторского казачьего общества приняли решение установить памятный деревянный крест в честь героев-казаков, погибших в Первой ми-

ровой войне. На данном мероприятии присутствовал протоиерей, настоятель храма Преображения Господня отец Александр, который дал благословение и освятил памятный крест. Как объяснили казаки, этот крест установлен на время. В дальнейшем представители штаба Томского отделения Сибирского войскового казачьего войска доставят в село Парабель памятный камень, который будет установлен в честь казаков, воевавших на фронтах Первой мировой войны, рядом с памятником воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, установленном на территории Кирзаводского СДК.

Теперь каждый год 1 августа казаки собираются проводить уроки патриотизма, митинги, приглашать молодёжь и рассказывать им об истории Первой мировой войны. Потому как верят, что молодое поколение должно чтить и знать историю своей страны.

На фото: установка памятного деревянного креста в честь героев-казаков, погибших в Первой мировой войне.

Автопробег Мурманск – Донбасс – Москва

3–4 июля в Томске встречали гостей из Мурманска, совершающих автопробег Мурманск – Донбасс – Москва. Участники пробега везут гуманитарную помощь и книги детям Донбасса, но главное – с ними этот маршрут преодолевают две православные иконы: икона Божьей Матери и икона св. Матроны.

После Донбасса автопробег посетит Белоруссию, и в финале окажется в Москве, где вручит икону Божьей Матери Президенту РФ В. В. Путину.

Столь длительный маршрут пробега требует большой физической подготовки и немалого водительского мастерства. Удивительнее всего, что среди участников автопробега есть инвалид

первой группы, человек без обеих ног, совершающий автопробег на своей собственной машине с ручным управлением. Воистину велик и могуч русский человек!

Участники пробега встретились с митрополитом Томским и Асиновским владыкой Ростиславом, начинавшим свою деятельность священнослужителем в Магадане. В ходе встречи, которая прошла в очень тёплой, дружеской обстановке, гости подарили томским казакам икону Казанской Божьей Матери.

Из Магадана участников автопробега провожал губернатор Магаданской области В. П. Печёный, надеемся, что в финале встречать их будет Президент России В. В. Путин.

Письма из зарубежья

Николай Огняник

Бранденбург 9 мая 2017 года

Стало уже традицией в конце апреля посещать памятник и воинское захоронение советских воинов, погибших при освобождении Бранденбурга! Вот, как и в прежние годы, мы с казаками приехали с венком от сибирских казаков почтить всех тех, кто, не щадя своей жизни, воевал до победного конца! В этом году было не так многолюдно, но когда мы подошли к месту проведения этого мероприятия памяти, к нам подошла доктор Диетлинд Тиеманн, первое лицо г. Бранденбурга, и спросила у нас разрешения с нами сфотографироваться!

Возложение венков с цветами воинам-освободителям города Бранденбурга. 30. 05. 2017 г. Сибирские казаки, представитель Российского посольства, руководитель военно-мемориального отдела Алёшин Евгений Леонидович и Dr. Dietlind Tiemann – Oberbürgermeisterin.

Просьба бюргермастера отнюдь не случайна: на протяжении последних лет мы регулярно присутствуем в этом значимом мероприятии, и немецкие власти на самом высоком уровне заметили и оценили наше искреннее участие. Расценить это можно как уважение к казачеству, которое мы достойно представляем в Гер-

мании! Обратился с просьбой возложить венок от Посольства Российской Федерации руководитель военно-мемориального отдела Алёшин Евгений Леонидович, конечно, с радостью выполнили и эту просьбу.

<https://www.facebook.com/izdatocom/videos/vb.538593346283254/546379645504624/?type=2&theater> – 1945 год, Германия.

Новости

Три дня на казачьих сборах

2–4 июня 2017 года прошли военно-полевые сборы Кавказского казачьего отдела Кубанского казачьего войска. Казаки собрались на территории воинской части в станице Кавказской, которая является историческим плацдармом 1-го Кавказского полка князя Потёмкина-Таврического. В сборах приняли участие более 300 казаков, казачат и казачек из десяти районных казачьих обществ Кавказского отдела.

В течение сборов с казаками проводилась вневойсковая подготовка по различным общеармейским и казачьим дисциплинам, а также соревнования по разным видам спорта.

Казаки оснастили лагерь всеми сопутствующими пунктами жизнеобеспечения. Питание было налажено просто замечательно, повара старались. Кроме того, вечерами, после занятий, казаки по курням традиционно приготовили в казанах замечательную уху, плов, шулюм.

Команда инструкторов Кубанской казачьей спортивной школы Геленджикского Центра РФС «Баско» уже в пятый раз принимала участие в военно-полевых сборах Кавказского отдела ККВ. Наша команда провела практические занятия по тактике и приёмам с АК и ножевому бою. Все казаки отдела с удовольствием пости-

гали азы воинского искусства. Особенно можно отметить казаков Тбилисского, Новопокровского, Гулькевического, Кореновского РКО, которые совершенно не жалели себя на занятиях по тактике и приёмам с АК.

Перекаты, смена положений, нижняя акробатика, скоростная перезарядка одной и двумя руками в движении стоя, лёжа, сидя, «звёздочка», уходы, перемена направления движения и стрельбы и т. д. Все выкладывались по полной. А на занятиях по спортивному и армейскому ножевому бою казаки «бережно не жалели ни

себя, ни друг друга». Отрабатывали основные движения: «нож против ножа» (надрез – отвод – удар) и технику «руки против ножа» (отвод – серия ударов, чтобы «потушить» противника – обезоруживание).

В конце занятий по ножевому бою провели контактные спарринги. Как казаки удивлялись своей точности, скорости и азарту! Глаза горели у всех. Именно в этот момент на сборы с инспекцией прибыл атаман ККВ Н. Долуда.

Он внимательно посмотрел на схватку, и была в его глазах и радость, и гордость за казаков, и грусть за свой год.

Во время небольшого перерыва в занятиях наши инструкторы успели отстреляться из ПМ и АК в положении сидя и лёжа на боку.

После стрельб прошли основы горной подготовки на подготовленной казаками полосе, и участники вернулись на свои учебные точки, где продолжили вести занятия. Ближе к вечеру совместно с руководством отдела организовали и провели турнир Кавказского отдела ККВ по рубке казачьей шашкой.

Наши инструктора подготовили Положение о турнире, протоколы, предоставили судейскую бригаду, казачью шашку и привезённые с собой конусы (80 штук полуторалитровых бутылок).

Сколько же восторга вызывает результативный удар! Как радовались и стар, и млад! Турнир прошёл в дружественной обстановке.

Многие имели возможность после окончания соревнования попробовать свою удачу.

Места распределились следующим образом.

Общеконандное первенство:

- 1 место – команда Выселковского РКО,
- 2 место – команда Кавказского РКО,
- 3 место – команда Кореновского РКО.

Личное первенство:

Наши инструкторы не первый год приезжают к братьям-казакам Кавказского отдела и проводят занятия по казачьим дисциплинам, в том числе и по фланкировке казачьей шашкой.

Шашкой владеют многие, но вот уметь преподавать, научить другого чувствовать душу клинка – это от Бога.

В этом году мы не проводили фланкировку на сборах, так как наш ведущий инструктор по фланкировке Анна Тюнькина занимается воспитанием своего годовалого сына. Но посеянные в предыдущие годы зёрна дали свои всходы!..

Рубка одного конуса

- 1 место – Шафоростов А. С., Выселковское РКО,
- 2 место – Мотрошинов В. С., Кавказское РКО,
- 3 место – Карасько И. В., Тимашевское РКО,
- 3 место – Митрофанов А. А., Гулькевичское РКО,
- 3 место – Казаков Е. В., Новопокровское РКО.

Рубка двух конусов

- 1 место – Задорожний А. В., Выселковское РКО,
- 1 место – Иванов С. В., Тбилиское РКО,
- 2 место – Криворучко В., Кавказское РКО,
- 3 место – Ушаков А.А., Тихорецкое РКО.

Рубка трёх конусов

- 1 место – Кобзарь В. А., Кореновское РКО,
- 2 место – Сухинин И. П., Кавказское РКО,
- 3 место – Винников Н. А., Выселковское РКО.

Сразу после турнира по рубке мы впервые провели турнир Кавказского отдела ККВ по фланкировке казачьей шашкой! Турнир прошёл под большим эмоциональным накалом!

Выходили в круг и выступали под казачью музыку и совсем юные казаки и казачки, и взрослые атаманы станиц. Было красиво!

Казаки аплодировали выступавшим стоя и как могли поддерживали всех, кто вышел в круг с клинком.

В круг выходили и опытные, и те, кто только начал осваивать казачью науку. Каждый старался как можно лучше выступить за свою станицу! Больше всего аплодировали тем казакам, кто, имея меньший опыт в навыке владения шашкой, тем не менее своим куражом, яркостью и характером производил сильное впечатление. Что-то было у них внутри, что зажигало остальных!

Это был настоящий праздник казачьего боевого искусства!

Казакам очень понравилось вот именно так выплёскивать свою лихость!

В номинации «работа с одной шашкой» выиграла юная казачка из клуба «Казачья удаль» станицы Новорождественской.

После турнира заместитель атамана ККВ Валерий Васильевич Ефремов сказал, что он весьма впечатлён, и поблагодарил наших инструкторов за многолетнюю работу.

Итоги турнира.

Общекорпусное первенство:

1 место – команда Гулькевичского РКО;

2 место – команда Тихорецкого РКО;

3 место – команда Кавказского РКО.

Личное первенство:

Завершились полевые учения торжественным построением личного состава 1-го Кавказского полка имени генерала-фельдмаршала, князя Потёмкина-Таврического.

Подведены итоги.

Программа сборов выполнена. Наши впечатления – сборы прошли на высоком организационном уровне, в чём несомненная заслуга атамана Кавказского отдела ККВ С. П. Бикеева, его штаба, атаманов и казаков.

Фланкировка одной шашкой:

1 место – Плодунова Е., Тихорецкое РКО;

2 место – Кобзарь Д. В., Кореновское РКО;

2 место – Жданов А. С., Гулькевичское РКО;

3 место – Жученко Л. Л., Новопокровское РКО.

Фланкировка двумя шашками:

1 место – Митрофанов Д.А., Гулькевичское РКО;

2 место – Тарасов Н., Тихорецкое РКО;

3 место – Тупикин А. А., Кавказское РКО.

Отдел общественных связей Кубанской казачьей спортивной школы Геленджикского Центра РФС «Баско»

https://vk.com/doc-44020980_446514526

Юные жители Искитима и района встали под знамёна казачества и «Юнармии»

«Служу Отечеству, казачеству и вере православной!» – с такими словами принимали присягу кадеты объединения православных казачьих военно-патриотических клубов «Родина». Событие это произошло накануне Дня защитника Отечества в Духовно-просветительском центре Искитима.

В Духовно-просветительском центре в воскресенье, 19 февраля 2017 года, собрались воспитанники объединения православных казачьих военно-патриотических клубов «Родина» из Искитима, Сузунского, Черепановского и Болотненского районов, а также кадеты Бердского казачьего кадетского корпуса имени Героя России

О. В. Куянова и кадетских классов р. п. Линево. В рамках фестиваля «Русь православная» прошло торжественное освящение казачьих и юнармейских знамён упомянутых организаций. Эти хоругви вместе с добрыми напутствиями были вручены отрядам юных защитников Родины.

Знамёна освятил епископ Искитимский и Черепановский Лука. Он отметил, что хоругви – это символ армейской доблести и чести, высоты духа воинов, и пожелал Божией помощи всем защитникам Отечества.

В прошлом году по инициативе Министерства обороны России при поддержке Президента РФ Владимира Путина было создано Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое движение «Юнармия». Основной целью его стало военно-патриотическое воспитание молодёжи, граждан, бережно относящихся к истории и традициям России, готовых строить светлое будущее для себя и своей страны.

Во многих регионах России появляются отряды «Юнармии», в которые вступают лучшие из лучших представителей молодого поколения. Начальник регионального штаба «Юнармии» Новосибирской области Дмитрий Семёнов рассказал, что в этот день в Искитиме впервые в истории движения были освящены знамёна юнармейцев. В области зарегистрированы местные отделения организации пока только в Бердске и Сузуне, но планируется сделать это во всех городах и районных центрах. Необходимо объединить молодёжные движения, органы государственной власти, муниципалитеты и военные части в деле патриотического воспитания молодёжи, подготовки настоящих патриотов своей страны.

Теперь под знамёна «Юнармии» встанут и кадеты из военно-патриотического объединения «Родина», где, без сомнения, занимаются достойные и подготовленные юноши и девушки. Перед лицом своих товарищей, родителей и наставников они принесли клятву на верность Родине. Кадеты обещали быть верными России, гордиться её прошлым, настойчиво овладевать знаниями, укреплять физическое и духовное здоровье, выполнять Божьи заповеди и «не щадя живота своего» защищать Родину.

Напечатано: Искитимская газета. – Искитим. – 2017. – 23 февраля. – № 8. – С.1.

<http://iskitimgazeta.ru/index.php/novosti/lenta-novostej/2581-yunye-zhiteli-iskitima-i-rajona-vstali-pod-znamena-kazachestva-i-yunarmii>

Беловодье Алтая

Песня в жизни человека играет очень важную роль. Она сопутствует человеку на протяжении всей его жизни от рождения и до смерти. Ещё младенцем человек засыпает под колыбельные песни в исполнении самого родного и дорогого человека – своей матери; подрастая, он знакомится с другими песнями: обрядовыми, праздничными, грустными и весёлыми. С песней казаки шли даже в последний бой, как поётся в старинной казачьей песне: «...с песней разудалой мы пойдём на смертный бой!». Столетиями русский народ шлифовал свои песни, доводя эти бриллианты мировой культуры до совершенства. Звучат песни на огромных пространствах России, Казахстана, и везде, где живёт русский человек.

Более трёхсот лет пел свои песни русский человек в Сибири и Средней Азии, слушал песни народов, населяющих эти необъятные просторы. Пел свои песни при Петре Первом, продолжает петь и в наш век скоростей и компьютерных технологий. Одним из таких людей, что сохраняет и изучает богатство русского фольклора, является

организатор и инициатор фестиваля «Беловодье» А. А. Яковлев. По его инициативе был проведён в далёком 2001 году первый фестиваль под названием «Беловодье», тогда ещё однодневный. И вот 3 и 4 июня был проведён уже 15-й по счёту фестиваль, но уже Международный Казахстанско-Российский фестиваль русского традиционного фольклора «Беловодье».

За 15 лет своего существования на гостеприимной земле Восточного Казахстана фестиваль собирал около 120 коллективов, более 1500 участников. Вот и на этот раз приехало более 20 коллективов из городов Казахстана и России. Всех их объединяет любовь к русской культуре, к традициям и обычаям русского народа. Этот фестиваль имеет и большое образовательное значение, так как участники и гости фестиваля могут с малых лет прикоснуться к кладезю русской фольклорной культуры, ставшей одним из бриллиантов мировой культуры.

Вот и наш казачий коллектив из Семипалатинска уже третий раз выступил на сцене этого фестиваля. Третий раз стал лауреатом. Два дня концертов в старинном городе Усть-Каменогорске и близлежащих деревнях и сёлах. В этот раз, помимо традиционных народных песен «Козел», «Кадриль», «Люба» и других, «Казачи Прииртышья» привезли и свою новую песню «Казачьи Станицы», впервые прозвучавшую на сцене фестиваля.

Казачи остались довольны приёмом, который им был оказан, и уехали к себе домой, надеясь, что через год встретятся снова, и снова будут звучать на Алтае казачьи песни.

Письма с мест

«Здорово живёте!

В субботу, 21 мая, казаки ЮВСКСиС провели обряд посажения на коня. Семь молодых парней удостоились чести быть казаками. Перед началом официальной части мероприятия молебен прочитал войсковой священник отец Евгений. Радостно и любо было видеть, как молодых казачат сажают на коня, как некоторые из них, что постарше, достаточно уверенно держатся в седле. В завершение официальной части атаман ЮВСКСиС войсковой старшина Иванов Виталий Николаевич вручил от имени всех казаков кубанку войсковому священнику и родовому донскому казаку отцу Евгению. С большой радостью отец Евгений принял этот скромный дар. На такой замечательной ноте закончилась официальная часть, потом казаки и гости мероприятия смогли поучаствовать в дружественных соревнованиях по рубке. Казачата, кто помладше, играли в мяч, кто постарше, катались на конях.

Закончилось мероприятие дружным обедом, после чего все разъехались отдохнувшими и довольными».

И. Лисиенко

«...Очень часто в казачьих СМИ появляются темы, призывающие к возрождению казачьих традиций и обычаев. Почти в ста процентах случаев

эти призывы раздаются от тех, кого ваш покорный слуга называет асфальтно-паркетными казаками, то есть людьми городскими. Никто из них вообще не задумывается, как это, собственно, сделать. Зачем думать? Главное – прокукарекать и получить заветные лайки от таких же асфальтно-паркетных. Между тем традиционный образ жизни и собственно казачьи традиции формировались в среде казаков –землепашцев и скотоводов – людей земли. Как эти традиции можно перенести на асфальт, никто не задумывается, так как у 90 % нынешних казаков представление о казачестве и его традициях ассоциируется с фланированием по городским улицам слегка подшофе, при шашке и нагайке, а также с песнями и плясками под водочку и селёдочку. Ну, может быть, те, кто призывает возрождать традиции казачества, показали всем пример и вернулись на землю предков – возрождать станицы и хутора, о которых они на словах так пекутся? Ничего подобного! Никто из них переезжать туда не собирается, их и колом туда не загонишь. Не барское это дело – дерьмо из-под скота выносить, землю пахать и сено косить, то есть жить казачьей жизнью, со всеми её традициями. У асфальтно-паркетных казачков сразу находятся десятки отговорок, почему они не желают жить в станицах и хуторах. А между тем в них прямых потомков казаков не осталось.

На днях с соседом-стариком считали, сколько казачьих семей проживало в хуторе Средне-Митякинском после ВОВ и сколько сейчас. Подсчёт этот меня убил. В 1945 году из 134 хуторских семей иногородних было чуть больше десятка.

На 30 января 2017 года в хуторе насчитали аж 91 двор: население сократилось втрое, а из тех, кто живёт в хуторе, прямых потомков казаков осталось 10 семей!!!»

Геннадий Коваленко

История

«Февральский дворцовый переворот». Как царя предали семья, церковь, купечество и будущие «белые»

И почему их «потомки» проповедуют нынешний «культ Николая II»

В ельцинский период отношение к событиям 1917 г. было однозначным – Россия в тот период развивалась семимильными шагами, империя двигалась к победе в Первой мировой, и одним из прогрессивных витков развития стал Февраль.

Переворот привёл к власти честных и образованных людей, они решали, будет ли путь у России республиканский или есть возможность сохранить монархию по британской схеме «царь правит, но не управляет».

Хоть в том дискурсе царь оставался фигурой положительной и трагической, но, согласно постперестроечному мышлению, в феврале к власти в России пришли наконец-то демократы-либералы, и до процветания оставался буквально шаг...

Но тут, спустя восемь месяцев прогресса, как чёрт из табакерки, выпрыгнул Владимир Ильич, и понеслась птица-тройка к пропасти коммунизма. Понять, почему в ельцинский период *Временное правительство* приобрело исторический ореол мессианства, несложно – именно с ним себя и ассоциировала «демократическая власть», которая «наконец-то вернулась». Так родовой травмой Российской Федерации стал миф о Прекрасном Феврале с белогвардейщиной и монархизмом.

Акценты за 25 лет сместились, теперь трактовка Февраля не такая патетическая – всё же государственный переворот-с! Но и «белые», и эмигранты, и церковь – те, кто поддержали Февральский переворот, – остались по при-

Елена Кирякова

вычке положительными персонажами драмы, разыгранной сотню лет назад. Удивительно в унисон о Российской Империи поют хвалебные гимны сегодня силы, в 1917 г. разобщённые – и те, кто свергал царя, и те, кто просто не мешал, но «оставался в душе монархистом».

Так в 2017 г. история страны получила биполярное расстройство общества.

Ситуация на момент последнего месяца монархии в России сложилась нелёгкая – февраль был узлом заговоров и интриг, во многом потому, что, стоит уже признать, – Николай мало у кого вызывал симпатию, даже у своих родственников.

«В царской фамилии тоже были антиникалаевские настроения и настроения против императрицы – мы это знаем, – говорит в беседе с Накануне.RU доктор исторических наук, профессор МПГУ Александр Пыжиков. – Возникло такое явление, которое в истории называется «великокняжеская фронда». Великие князья действительно были бы не прочь, если бы не монархию убрали, а убрали Николая II с супругой, это отвечало их интересам. Церковь отрёклась от Николая II – она поддерживала всё, что происходило».

Мы не совсем верно называем это Февральской революцией – на самом деле это был дворцовый переворот. Многие события февральских дней нельзя считать случайностью, стихией, было много продуманного заранее – например, начались проблемы со снабжением Петрограда хлебом, но при этом хлеб был. Каким-то образом, по замечаниям исследователей – вроде бы незначительная деталь, – мобилизовали на фронт всех хлебопёков города. Путиловский завод восстал.

Социальное недовольство в своих целях использовали и оппозиционеры, и родственники царя – они давно мечтали видеть на троне малолетнего Алексея с регентом из их числа. Царь уже не пользовался любовью народа, скандалы с Распутиным, подозрения, что царица связана с Германией, сделали своё дело – против Николая была развёрнута информационная война, которой царь значения не придавал – какая разница, что думает *этой*, как *его... народ*.

Что серьёзней – его решения критиковались и генералитетом, второй слой многоуровневого заговора – *заговор генералов (Рузский, Алексеев)*. Эти две силы – военные и родственники – просто хотели убрать царя, но речи об упразднении монархии не вели. Радикальней, хоть и ненамного, были думцы – они видели Россию либо республикой, либо конституционной монархией (видели смутно, застилала глаза простая жажда власти и наживы, тщеславная мечта многих поколений – свергнуть самодержца). Стоит упомянуть, что практически все поголовно политические деятели Думы были масонами, так что можно назвать этот третий уровень масонским заговором.

Как рассказывает историк Андрей Фурсов, в январе 1917 г. масонским организациям Петрограда была дана директива составить списки людей, которые попадут во власть – потом эти люди и оказались во Временном правительстве.

И, наконец, четвёртый пласт заговора, о котором стали много говорить уже в наши дни, – это заговор союзников. Сегодня именно на подлых иностранцев и перекладывают большую часть ответственности за внутренний переворот и революцию.

И таки да – британцы и французы использовали Российскую Империю как таран, чтобы бороться с такими же точно, как она, империями Германской и Австро-Венгерской. Наверное, тогда и стоило бы задуматься, почему у твоих союзников другой политический строй, а ты борешься с точно такими же империями, нет ли здесь подвоха?

Большой ошибкой Николая было вступление в эту войну. С одной стороны, союзникам нельзя было никак допустить, чтобы Россия из войны вышла, с другой – выиграть она тоже не могла. Посол Великобритании Бьюкенен, по словам современников, вёл себя крайне нагло, и даже намекал, что Николаю не место на троне. Любой другой самодержец выдворил бы из страны такого дипломата, но это не в привычках Николая – конфликтовать по пустякам.

Во время войны британское посольство было центром сбора и оппозиционных сил, на всё это охранка смотрела сквозь пальцы, продолжая побивать «свой народ» за стачки. Удивительно, как Николай плясал под дудку англосаксов. Смирение и мягкость сделали ему славу великомученика вполне заслуженно. Собственно, эти качества и привели его на свой собственный эшафот в Екатеринбурге.

Кстати, если говорить про британцев, брат Николая, так удивительно на него похожий внешне, Георг V, осмотрительно не принял венценосную семью родственника в Англии, хотя прошение такое было. И только тогда Романовых отправили в Тобольск и далее.

Народ уже не обожествлял царя и откровенно ненавидел царицу – во многом сказывалась та самая информационная война, развёрнутая оппозицией, муссировавшиеся слухи о том, что царь – подкаблучник и просто делает то, что диктует ему жена-немка, сплетни, что царица в сговоре с немцами, что она подчинена воле Распутина. Много из газет и слухов, конечно, было неправдой. Но нет дыма без огня.

«Царь и его жена объявлены святыми – а почему у них при дворе крутились какие-то странные оккультисты? Папюс, мэтр Филипп, какой-то австрийский астролог, я уже не говорю про этих непонятных юродивых, гадалка Гриппа, Бадмаев, Матрёна-босоножка, Ника Казельский, странник Вася Босоногий. Что это такое? Даже сейчас у нас нельзя такого представить – что какой-то Вася, «босоногий странник», будет даже пусть перед нашим премьер-министром Медведевым «ясновидеть», каким бы ни был Медведев чудачком.

А тут – все знали, все это видели, это же не скрывалось, – рассказывает историк, писатель Александр Колпакиди. – Распутин, конечно, оболганная личность, но почему было бы сразу его не убрать, не прекратить все эти слухи? Почему надо было его держать? Почему надо было доводить дело до убийства? Почему нельзя было даже

в этом мелком вопросе пойти навстречу общественному мнению? Почему надо это ослиное упрямство проявлять? А в результате – приветить страну к краху и семью свою погубить».

Морис Палеолог, посол Франции в Российской Империи, писал в своём дневнике, что самые преданные слуги царизма и даже некоторые из тех, кто обычно составляет общество царя и царицы, начинают приходить в ужас от оборота, какой принимают события: *«Так, я узнаю из очень верного источника, что адмирал Нилов, генерал-адъютант императора и один из самых преданных его приближённых, имел недавно мужество открыть ему всю опасность положения; он дошёл до того, что умолял удалить императрицу, как единственное остающееся ещё средство спасти империю и династию.*

Николай II, обожающий свою жену и рыцарски благородный, отверг эту идею с резким негодованием: «Императрица, – сказал он, – иностранка; у неё нет никого, кроме меня, для того, чтоб защитить её. Ни в коем случае я её не покину... Впрочем, всё, в чём её упрекают, неверно. На её счёт распространяют гнусные клеветы; но я сумею заставить её уважать...».

Мысли Николая II были сосредоточены в это время на своей семье, и его странное равнодушие к стране не осталось незамеченным историками.

«Он был отличный семьянин, но он не годился на роль руководителя страны. Он всё время думал о своей семье, нежели о стране, – рассказывает Александр Колпакиди в беседе с Накануне.RU. – Он был странно равнодушный человек, как будто ущербный. Даже если почитать его дневники – страшно подумать, что этот человек за свою жизнь застрелил несколько тысяч кошек и собак.

Дневники царя не поддельные. Он действительно после Ходынки написал: «Было душно...». Он действительно и после Кровавого воскресенья дурацкую запись оставил. Подумайте, это кем надо быть, если он после Кровавого воскресенья встретился с рабочими и сказал: «Я вас прощаю?»

Каждый раз, когда были крупные расстрелы рабочих, он благодарил тех, кто расстреливал. Да, он был достаточно умён и образован, но он не годился на роль царя. И он тем самым погубил страну. Поэтому когда нам сейчас пытаются навязать монархию и всю эту галиматью, связанную с потомками Романовых, – я всех призываю вспомнить слова Черчилля, который сказал гениально: «Лучше, чем монархия, строя нет, но есть одна проблема – неизвестно, кто родится».

За год до февральских событий в верхах началась война, как рассказывает историк Александр Пыжиков, – шла серьёзная борьба в элитах. Это

было противостояние между правительством (естественно, и Николаем II как главой государства) и оппозиционными силами.

Под оппозиционными силами совершенно чётко просматривается московское купечество, это московский финансово-промышленный клан, который был главным бенефициаром всех этих оппозиционных дел и имел политическую службу в лице кадетов и октябристов. Вот, собственно, к ним, к политической службе, и применим термин «либеральная оппозиция».

«Эти люди пытались подвинуть правительство и Николая II, чтобы дотянуться до административного рычага, до управления страной. Это была мечта не одного поколения – сначала они хотели это решить через верноподданничество, через ползание около трона. А теперь, когда они убедились, что эта тактика неэффективна, очень быстро встали с колен, стряхнули верноподданническую пыль и моментально погрузились в оппозиционное движение.»

Они стали собирать, координировать, финансировать все либеральные силы для того, чтобы ограничить монархию и правительство. Их конечная цель – для чего они вязались в это – утверждение парламентской модели управления. То есть когда Государственная Дума не просто занимается законодательной деятельностью, но и принимает на себя функции назначения всех министров – то есть министры становятся подотчётными Думе, а не монарху.»

Ситуация усугубилась войной, которая шла уже два с половиной года. Николай считал, что победа поставит крест на всех брожениях в обществе, и потому самым важным видел успешное её завершение, на март-апрель было назначено ключевое наступление на западном и восточном фронтах одновременно, и Николай хотел, чтобы наступление свершилось.

Историки считают, что именно поэтому Николай отдал власть без единого выстрела, без кровопролитий и без борьбы – он написал отречение во многом потому, что совершенно обосновательно считал, что это пойдёт на пользу армии.

«Не то что Гучков или Шульгин потребовали написать отречение, – говорит Александр Пыжиков, – я думаю, он не очень сильно бы отреагировал на их настойчивые просьбы. Военная верхушка поддержала отречение, и главную скрипку в этой военной верхушке играл генерал Алексеев (активный участник Белого движения в годы Гражданской войны в России, один из создателей и верховный руководитель Добровольческой армии, – прим. Накануне.RU).»

Он настойчиво телеграфировал Николаю II, что ему надо обязательно выехать в Могилёв, хотя императрица отговаривала от этого, учитывая, что в Петрограде напряжённо, – то

есть он его выманил туда. Многие историки считают, что отъезд Николая II – это был сигнал к началу переворота. А что касается наступления, оно было отсрочено и закончилось провалом, как мы знаем.»

Николай отправился в Могилёв. В столице начались волнения, стачки, министр внутренних дел Протопопов проводит судорожно аресты, председатель Совета министров Голицын объявляет перерыв в работе Думы и Госсовета.

25 февраля Николай издаёт указ о роспуске Госдумы.

Родзянко телеграфировал государю о том, что в столице анархия, стрельба, нужно составить новое правительство немедленно.

«Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать», – говорит Николай министру императорского двора Фредериксу.

Николай ПОВЕЛЕВАЕТ прекратить беспорядки, «недопустимые во время войны», ЗАВТРА ЖЕ.

Видимо, он не совсем понимает, что происходит, и что одним повелением никакого «завтра же» не будет. Тем не менее, 26 февраля войска в столице для разгона демонстраций применяют огнестрельное оружие – много убитых и раненых. Хотя расстрелами в николаевской России удивить народ было просто невозможно.

«В это же николаевское время нигде, ни в одной стране Европы, не убили столько людей, сколько у нас. Приводят только цифру повешенных, казнённых после революции – 1,5 тыс. – и сразу на Сталина разговор переводят. Вот в этом главная ложь, – говорит историк спецслужб Александр Колтакиди. – Назовите хоть одну страну Европы, где за эти николаевских четверть века казнили столько же людей – ни в одной. Почему такая большая цифра? Все думают, что это только повешенные и казнённые, ну и Ленский расстрел, и Кровавое воскресенье.»

Расстрелы были каждый год в огромном количестве: рабочих, демонстрантов, забастовщиков, крестьянские беспорядки – помалу, по 3-5 человек, и это было по всей стране – расстрелы-расстрелы-расстрелы.

Карательные экспедиции после Первой русской революции – вообще никто не знает, сколько тогда повесили так называемых «мастеровых». А что такое «мастеровые»? Это что, не люди? Для них это были не люди – быдло, скот.»

1917 год стал логическим концом 1861-го, когда ещё один любимец ельцинского периода Александр II объявил о раскрепощении, а по сути – произошло освобождение в виде ограбления народа. Столыпинская реформа не решила земельный вопрос.

По подсчётам историков, чтобы обеспечивать аристократии жизнь по европейским

стандартам – давать балы, поддерживать несколько домов (в городе, имение, дачу), наряды, предметы роскоши, выезды в 18–19 веке – нужно было иметь порядка 100 душ, то есть 500–600 человек в рабстве. И только 15 % могло позволить себе жить так.

Конечно, это произошло не при Николае, но именно с Романовыми связывают сложившуюся ситуацию. Зависть, гордыня – вот что поразило элиту Российской Империи, дворяне хотели жить, как на Западе – роскошно. Но у нас колоний не было, закрепощение крестьян Романовыми дало аристократам одну большую колонию – российский народ. Что ж, колония оказалась многочисленной – 80 % от населения.

Произошло искусственное разделение – на нацию российских аристократов и народ-гуземец, тёмный, бедный, живущий в собственной стране, как в стране порабождённой.

Где бывлые Ильи Муромцы в романовской России?

«Если не произойдёт какой-нибудь смены энергий, если тягостный процесс подражания Европе разовьётся дальше, то Россия рискует быть разорённой без выстрела», – это писал консервативный публицист, общественный деятель Михаил Меньшиков ещё в 19 веке. И вот в 1917 г. смена энергий началась – 27 февраля рано утром произошло вооружённое восстание части Петроградского гарнизона.

«Причин для революции было больше, чем достаточно, – комментирует историк Александр Колпакиди. – Понять их сейчас невозможно никому практически, потому что последние годы сознательно наша власть в общественное сознание через ангажированных историков внедряет миф о том, что империя царя Николая – который из Кровавого стал страстотерпцем, – показывала огромные темпы роста, все жили очень хорошо, процветали и так далее. Строится это всё на подтасовках. Насаждают в умах, как картошку при Петре I. Из вузов это идёт в умы студентов, от студентов к школьникам – по всей стране. Кроме того, активно этим занимается телевидение, церковь.»

Сейчас рассказывают, сколько вывозили хлеба, что мы были мировыми лидерами по экспорту. Из всех «мировых лидеров» наш народ единственный недоедал. Это тоже сейчас пытаются опровергнуть. А народ голодал каждые три-четыре года минимум в девяти губерниях, это где-то 10 % территории страны! Врачи, писатели, гуманисты – люди из всех сфер жизни отдавали себе отчёт – происходит что-то ненормальное, что люди умирают от голода в деревнях – почитайте прессу того времени. Вот это различие между тем, что делали и думали современни-

ки, и тем, что сейчас доказывают ангажированные историки. Те люди умерли 100 лет назад, они не могут вступить в спор».

Историческая действительность столетней давности сейчас сводится к простой для усвоения формуле «Ленин сверг царя». Что ж, не грешно будет напомнить ещё раз, кто именно «сверг», если это слово уместно, когда речь идёт о самовольном отречении.

Деятельность социалистов в 1917 г. сводилась к дискуссиям, большевики политической силой не обладали. Надо помнить, что все социалистические партии были обезглавлены царским режимом – лидеры, которые якобы «свергли царя», такие как Ленин, находились за границей и не могли напрямую вести борьбу. Другие томились в застенках, ссылках. Плеханов, Засулич, Ленин, Зиновьев, Бухарин (в США), Мартов (лидер меньшевиков) – были разобщены с российскими кружками. Если эсеры, меньшевики в меньшей степени опирались на народное движение, а в большей на элитные расклады, то большевики, напротив, растворились в народе. Это была принципиальная позиция Ленина – не участвовать в делёжке власти и играх элит. А вот Дума в конце февраля и занялась делёжкой власти, несмотря на то, что получила указ Николая II от 25 февраля о собственном роспуске.

В результате депутаты (за исключением правых партий) решили, формально подчинившись указу о роспуске, собраться под видом «частного совещания» – так появился Временный комитет членов Думы. В своём дневнике тех дней вспоминает историк, архивист, доктор исторических наук Георгий Князев:

«На историческом заседании, на котором было решено заставить Николая II отречься от престола, которое требовалось силою вещей, произошёл такой диалог между одним из участников заседания и Гучковым:

– Но что если он (Государь) откажется это делать?

Тогда Гучков на это твёрдо и решительно сказал:

– Волна народного гнева не должна останавливаться на пути. «Мы пойдём до конца» («Биржевые Новости». 06.03.1917 г.).

Вот как описывал это в своём дневнике инженер-железнодорожник, революционер, сыгравший важную роль в Февральской революции, Юрий Ломоносов:

«Прибыли. Ну и была возня с гатчинскими эшелонами. Ну, теперь они успокоились.

– Вы лучшие расскажите подробности.

– Суть вы знаете. Отречение в пользу Михаила. Гучков говорит, что Николай, как всегда, на него произвёл впечатление человека с деревянной душой. Всё интересовался, как он теперь

Первый состав Временного правительства. Агитационный плакат. Март 1917.

будет жить. Торжественно было, когда депутаты вышли из своего вагона и солдаты взяли на караул. Они хотели сперва переговорить с Рузским, но Николай настоял, чтобы их ввели прямо к нему. В вагоне, кроме царя, был Фредерикс и Рузский. Страшно устал. До свидания. Часов в двенадцать явлюсь к вам с докладом.

Я задумался... Свершилось. Николай отрёкся и на российский престол вступил Михаил II. Говорят, ему это было предсказано, а также и то, что он будет последний Романов... Что же, надо объявить караулу.

– Послушайте, дорогой, – позвал я одного из студентов, – официально объявлять что-либо рано; а вы расскажите солдатам, что Николай отрёкся в пользу брата, да так незаметно прислушайтесь к их разговорам.

Студент вышел, а я опять задумался. Что же будет? Ответственное министерство с октябристом Родзянко во главе? На место Голицына сядет Родзянко, на место Покровского – Милюков, и только. А дальше реформы и война. Реформы под эгидой Родзянко, какого же сорта будут эти реформы?

Студент вернулся смущённый.

– Полная апатия, Юрий Владимирович. Никакого впечатления. «Хрен редьки не слаще», говорят».

Михаил Пришвин (Дневники 1905 – 1954 гг.):

«Вопрос – где царь? Легенда слабая: «Царь сдался». Обстрел Зимнего Дворца. А Протопопов будто бы скрылся в Зимнем Дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу. Жуткий вопрос, что делается в остальной России – никто этого не знает. И кто-то говорит: «А радость какая, будто Пасха».

Временное правительство образовалось 2 марта. Демократизация обернулась социальным развалом. Так, приказ номер 1 Петросовета просто деморализовал армию. Ещё до возвращения Ленина 3 апреля 1917 г. объявили о ликвидации сословного строя, национальных и рели-

гиозных ограничений. «Парад суверенитетов», развал страны начался с 17 марта, когда была дана независимость Польше, позже – июль – независимость Финляндии. Так кто сверг царя и развалил блистательную Российскую Империю?

«Февралисты показали свою полную политическую импотентность, они вообще ничего не смогли предложить. Это были не те люди, которые могли бы стоять у руля огромной страны, – говорит Александр Пыжиков. – Их никто не считал дееспособными управленцами, их держали за буржуев, которые пришли к власти, чтобы пожить, использовать такую сложную ситуацию – они просто дорвались до казны, что было мечтой не одного поколения купечества.

Поэтому реакция на них была такая очень и очень кислая. И то, что с ними произошло, – это и должно было произойти. Всё это заняло восемь месяцев. Дальше бенефициарами были большевики, которые бескомпромиссно оценивали эту ситуацию и понимали, что она дойдёт до своего логического завершения».

Февральско-мартовский переворот свершил не народ, но заговорщики использовали именно народное недовольство. Февраль не менял ситуацию в стране, а менял элитные расклады. Решений для крестьянского, рабочего, любого другого важного вопроса февралисты не предлагали.

Амнистия заполонила улицы террористами и уголовниками. И именно неумная политика Временного правительства породила Гражданскую войну, после которой и монархисты, и белогвардейцы превратились в эмигрантов, которых сегодня чествуют в России.

«Пусть расскажут про эту династию, чем она во время Великой Отечественной войны промышляла. А почему подавляющее большинство монархистов за границей пошли служить немцам? Знаменитые коллаборационисты на Дальнем Востоке – атаман Семёнов, Бакиши, Шипунов и все другие повешенные – это всё монархисты. На самом деле считается, что основу коллаборации составляли русские фашисты, но никто не замечает, что русские фашисты в большинстве своём были монархистами.

Поэтому, когда выходит прокурорша с иконой Николая II – это как минимум бестактно, потому что монархисты в большинстве оказались на стороне Гитлера, – говорит историк спецслужб Александр Колпакиди. – Но это же всё абсурд, этот монархический бред! Больше всего кричит церковь, та самая церковь, которая в феврале 1917 г. просто умыла руки.

Тогда умыли руки, а теперь требуете, чтобы народ каялся? А вы почему не каетесь? Есть версия, что им дважды предлагали выступить за царя, и они дважды отказались. Сейчас говорят, что не было такого. Придумали, не придумали».

мали – а почему вообще вас надо было просить? Они на следующий день прославляли в молитвах Временное правительство».

Сейчас у нас консенсус – и коммунисты, и либералы признают, что это был крах, что Февральский переворот – событие со знаком «минус», говорит эксперт, но это было неизбежное событие из-за слабости власти.

Феврализм ушёл вместе с эпохой Ельцина, но монархизм и белогвардейщина остались.

http://mirtesen.ru/url?e=pad_click&announce=1&pad_page=0&utm_campaign=newsletter_main&blog_post_id=43380263868

Банда из Амура

В так называемую «Красную Армию Нижнего Амура» входили исключительно социальные отбросы, грабители, убийцы и морфинисты

С 28 по 31 мая 1920 года красный партизан Яков Тряпицын дотла спалил Николаевск, второй по величине портовый город Дальнего Востока, входивший в Сахалинскую область. (Сейчас это город Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край.) «Я оставлю вместо города лужи крови и пепла», – пообещал тогда сам Тряпицын. И не соврал. «Не осталось от Николаевска камня на камне», – рапортовал он позже. При всей жестокости Гражданской войны в России это единственный случай, когда целенаправленно и полностью был уничтожен целый город. А жители? Тех, кто не пожелал отступить вместе с партизанами, истребили, остальных насильно увели.

Многодневный пеший переход 9 тысяч горожан вылился в их истребление. По воспоминаниям немногих уцелевших, красные партизаны «ехали верхом на людях», ослабевших женщин и детей прикалывали штыками, рубили шашками. Как свидетельствуют документы, многих детей просто сбросили с барж в Амур – лишняя обуза. Женщин перед казнью насиловали. Перед уходом из города подчистую истребили всех евреев. «Членов еврейского общества, – цитирую историка Викторию Романову, – на пароходе отвозили на Амур и топили больших и маленьких».

По показаниям очевидцев, в селе Керби, где обосновался штаб Тряпицына, «творились страшные злодеяния... Ночью приходили вооружённые люди и говорили, что нужно эвакуироваться. Людей поднимали и уводили из села. Никто не возвращался. Без ружейной стрельбы всех до одного рубили шашками... По реке всплывали трупы». По Амуру и Амгуни «плыли женщины, дети и редко мужчины – с обрезанными ушами, носами, отрубленными пальцами, с резаными, колотыми штыковыми ранами. Хоронить их было запрещено...». По оптими-

стическим оценкам, выжили не более 4 тысяч горожан – из тех 15–20 тысяч, что населяли Николаевск до прихода «красных».

Впрочем, резня шла все те месяцы, что банда Тряпицына под красными знамёнами терроризировала всю Сахалинскую область. Историк Алексей Тепляков привёл слова председателя Сахалинского народно-революционного комитета Прокопенко, докладывавшего тогда правительству Дальневосточной республики: «Пол-области разрушено, и половина населения выбита и [партизанами] спущена под лёд». После тряпицынской резни население Сахалинской области с 30 тысяч человек сократилось до 10 тысяч!

Реальная биография Якова Тряпицына зияет лакунами и откровенной ложью. По одним данным, он родом из Муромского уезда Владимирской губернии, где родился в 1897 году в крестьянской семье, образование – четыре класса, призван в армию в 1916 году – тогда призывной возраст снизили с 21 года сначала до 20, а затем и до 19 лет. Но его современные почитатели уверяют, что он из Великого Устюга, родился в апреле 1898 года и чуть ли не с первых дней мировой войны подался на фронт... вольноопределяющимся – служил в лейб-гвардии Кексгольмского полка, а за боевые заслуги

якобы получил два Георгиевских креста, Георгиевскую медаль «За храбрость» и произведен в прапорщики. Но это бред! Если он родился в 1898 году, то подлежал призыву не ранее лета 1917 года, а вольноопределяющимся быть не мог из-за отсутствия положенного по цензу образования, значит, и прапорщиком тоже не был. Георгиевские кресты? Но был ли Тряпицын вообще на фронте? Так, солдаты, призванные в мае 1916 года и пополнившие учебную команду Кексгольмского полка, были отправлены на фронт лишь в мае 1917 года. Если же его призвали в 1917 году, он и вовсе не попал дальше запасного батальона. А вот что точно – весной 1918 года Тряпицын оказался в рядах Красной гвардии, затем на Дальнем Востоке, где его стремительно и вынесло наверх в кровавом омуте тамошней партизанщины.

Если в Сибири против Колчака партизанили обычные крестьяне, то в Приамурье – уголовное отребье из числа бывших каторжан: убийцы, воры-рецидивисты, разбойники, грабители. Именно они косяком хлынули в красные партизанские отряды, занимаясь исключительно грабежом и насилием.

В эти отряды влились также китайцы и корейцы с местных золотых приисков. Как писал очевидец тех событий журналист Анатолий Гутман, «в партизанские отряды входили... исключительно китайские низы, социальные отбросы, грабители, убийцы, морфинисты, опиокурильщики и т. д.». Вот это «войско», поименованное «Красной Армией Нижнего Амура», и двинулось в низовья Амура во главе с «командармом» Тряпицыным.

Ударной силой двухтысячной банды стали несколько сотен китайцев и корейцев, которым «командарм», выдав щедрый денежный аванс, обещал золото с приисков и много-много русских женщин. Движение партизан сопровождалось ужасающими грабежами, насилиями и убийствами. В феврале 1920 года эта «армия» вступила

в Николаевск, где помимо большой иностранной колонии стоял и небольшой гарнизон солдат японской армии. В рамках заключённого соглашения японский гарнизон партизанам противодействия не оказал. Вот тут Тряпицын и развернулся: провозгласил независимую «Дальневосточную Советскую республику», назначив себя её «диктатором». Город захлестнула оргия убийств и грабежей. Многие жители пытались спастись в «иностранном квартале», но Тряпицын потребовал от японцев выдать ему всех «изменников». Японцы отказались. Тогда японской роте предъявили ультиматум: сдать оружие. Майор Исикава, командир гарнизона, прекрасно понял: как только они разоружатся, их тут же и вырежут.

В ночь на 12 марта японская рота нанесла превентивный удар, атаковав бандитов. Но силы были неравны, красные партизаны задавили солдат своей массой, уничтожили и японское консульство – со всеми, кто там был. Попавших в плен японских солдат убили после зверских пыток, вырезали и почти 700 гражданских японцев, не пощадив ни женщин, ни детей.

Когда известия о «Николаевской бане» дошли до Японии, там объявили траур, а в Приморье направили дополнительные войска, которые быстро разгромили красных под Владивостоком, в Спасске, оккупировали Хабаровский край и Северный Сахалин. В начале мая 1920 года красный фронт рухнул, а когда японские войска подошли к Николаевску, бежал и Тряпицын. Но 7 июля 1920 года в его отряде произошёл переворот, и весь штаб был арестован. По предложению Дальбюро РКП(б) Якова Тряпицына предали суду, и 9 июля он вместе с 31 подельником был расстрелян. Но в последние годы «товарища Тряпицына» некоторые современные публицисты нередко именуют невинно убиенным героем, а память тысяч и тысяч истреблённых им мирных жителей не увековечена и поныне.

<http://mt.sovsekretno.ru/blog/43645329072/Banda-iz-Amura>

А. Худобородов

Дело «японского шпиона» казака Ф. И. Аксёнова (из истории русской эмиграции в Маньчжурии)

В 1980–1990-е гг. усилился интерес учёных и российской общественности к истории дальневосточной ветви русской эмиграции, в том числе к её судьбе в период японской оккупации (1932–1945 гг.). Однако жизнь и деятельность эмигрантов в этот период ещё остаётся недостаточно исследованной. Между тем персоналии, анализ биографий эмигрантов по-

зволяют полнее и глубже осветить весь драматизм, а нередко и трагичность судьбы русского зарубежья в Китае в 1930–1940-е гг.

Уникальным источником изучения этой проблемы являются архивные материалы, в частности, документы Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО). Они содержат

ценный материал о судьбе многих русских эмигрантов в Китае; многие из них были насильственно репатриированы в СССР и там репрессированы как пособники японских оккупантов.

В фонде № 1 этого архива содержится дело № 20309, посвящённое забайкальскому казаку Фёдорову Ивановичу Аксёнову. Он родился в 1915 г. в селе Урулюнгуй Быркинского района Читинской области. Отец Фёдора – Иван Владимирович Аксёнов в конце Гражданской войны бежал в Маньчжурию в составе казачьих войск. В январе 1924 г. И. В. Аксёнов послал из Маньчжурии в село Урулюнгуй тунгуса, жителя Забайкалья, который и забрал Фёдора, его двух старших братьев, трёх младших сестер и мать и отвёз к отцу в Маньчжурию, в посёлок Нормачхи. Позднее, в конце 1920-х гг., семья переехала в посёлок Найджин-Булак, где и проживала до 1945 г.

Жизнь Фёдора Аксёнова резко изменилась в условиях японской оккупации. В конце 1930-х гг. японская военная миссия открыто объявила о создании военизированных отрядов из числа русских эмигрантов. В частности, при Квантунской армии был создан русский отряд под командованием полковника Асано. Добровольное поступление превратилось в принудительный набор, а членов этого отряда стали называть асановцами.

Русский эмигрант Виктор Санников вспоминал об асановцах: «Асановские отряды были регулярной эмигрантской воинской единицей под японским командованием. Старшим русским начальником был полковник Яков Яковлевич Смирнов... Подходящих для военной службы ребят набирали из нашей среды и увозили в военные школы – одна в Ханьдаохэцзы, другая в Сунгари Второй. Некоторые из служивших нередко приезжали на побывку, –несколькодневный отпуск в году. Они производили впечатление своей выправкой и военной формой с японской саблей на боку. Но внешний вид никого не соблазнял».

Вот в этот отряд асановцев и был направлен Фёдор Аксёнов Захинганским отделом Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). В феврале 1939 г. Ф. И. Аксёнов прибыл в военный отряд Асано на станцию Сунгари Вторая. В этом отряде он служил до июня 1942 г.

Служба Фёдора Аксёнова в асановском отряде особо заинтересовала контрразведку МГБ СССР в 1946–1947 гг. На допросе в г. Верхотурье 5 ноября 1946 г. Ф. И. Аксёнов признал: «Мне известно, что отряд состоял из трёх кавалерийских подразделений, возглавлялся штабом отряда.

Всего в отряде за период моей службы в нём было личного состава от 300 до 370 человек из числа русских эмигрантов. Подразделения назывались по фамилиям своих командиров-японцев.

Первое подразделение называлось частью Томинога, второе частью Асакура и третьё частью Оокура.

Части Томинога и Асакура были стрелковыми, а часть Оокура являлась специальным подразделением связи. Я находился во втором подразделении, то есть в части Асакура.

Наше подразделение делилось на 3 взвода по 20–25 чел. в каждом. На вооружении имели три лёгких пулемёта японского образца и карабины.

В ноябре 1941 г. было скомплектовано 4-е подразделение и называлось оно частью Сайто, которое также было стрелковое.

Перед отрядом «Асано» стояли задачи: подготовить диверсионные кадры из числа русских эмигрантов на случай войны Японии с Советским Союзом. На случай войны отряд «Асано» предназначался для переброски вглубь территории СССР с диверсионными целями, то есть должен был производить разрушения железнодорожных линий, мостов, складов и других важных в военном отношении объектов, вести среди населения антисоветскую агитацию за свержение существующего в СССР строя».

За время военной подготовки в отряде «Асано» Фёдор Аксёнов прошёл путь от рядового до старшего унтер-офицера, командира отделения отряда.

Советская контрразведка получила подробные сведения от Ф. И. Аксёнова о тех дисциплинах, которые он изучал в асановском отряде. 21 декабря 1946 г. во время допроса Ф. И. Аксёнов ответил: «После первого периода обучения одиночной подготовки программа значительно увеличилась как в строевых занятиях, а также и по подрывному делу. Занимаясь с отделением, изучил с ними тактику наступления, оружие – винтовку, автомат и их материальную часть, виды взрывчатых веществ, расчёт взрывчатки при взрыве заданного объекта, соединение запального шнура с взрывным зарядом, применение заряда при разрушении железнодорожного полотна, мостов, складов и других важных в военном отношении объектов.

Особенно много времени уделялось практическим занятиям, в этих целях строились специальные макеты железнодорожных линий, мостов и других сооружений, которые на занятиях взрывались. Наряду с этим были изучены методы перехода границы, разведка заданного объекта, его подходов и охрана отряда при совершении диверсии. Изучили способы ориентироваться на местности, в лесу ночью по звёздам. Кроме того, усвоили методы заучивания заданий на память и при нахождении в тылу Красной Армии способы сбора сведений о дислокации частей Красной Армии, её численном составе и вооружении. Как лично я, а также подчинённые мне лица слушали лекции антисоветского характера и были подготовлены для проведения антисоветской агитации среди населения за свержение Советской власти и роспуска колхозов. На случай войны Японии против Советского Союза все мы были подготовлены для заброски в тыл Красной Армии с разведывательно-диверсионными заданиями».

Этих признаний Ф. Аксёнова было достаточно, чтобы 1 февраля 1947 г. он был приговорён Особым Совещанием при министре государственной безопасности СССР к 15 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь «за участие в контрреволюционной организации против СССР».

Таковы были действия сталинской репрессивной машины по отношению к тем эмигрантам, кто вынужденно сотрудничал в Маньчжурии с японской военщиной. Лишь в 1955 г. у Ф. И. Аксёнова появилась возможность обжаловать вынесенный ему в 1947 г. приговор.

15 июля 1955 г. Фёдор Аксёнов написал жалобу на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Это удивительный человеческий документ, раскрывающий трагедию русского эмигранта.

В данной жалобе Ф. И. Аксёнов, в частности, писал: «В 1920 году пятилетним я был увезён в Маньчжурию, где и жил, помогая отцу работать в сельском хозяйстве, вплоть до 1939 года.

В 1939 году я был призван в маньчжурскую армию, так как мой возраст подлежал призыву, но никак не добровольно, как это мне ставил в обвинение следователь. О том, что я ушёл в армию не добровольно, а согласно призыву, может подтвердить находящийся в этом же управлении Паригин Александр Сергеевич, который согласно занимаемой тогда должности (станичного атамана) и направлял меня.

Я малограмотен, ни в какой школе не учился, никогда ни к какой партии или группировке не принадлежал, ни в каких боях или операциях не участвовал, в армии я служил в мирное время.

Преступлений против Советского государства и советского народа у меня никогда и в мыслях не было. По приходе с Маньчжурской армии я жил там же, в Найджин-Булаке, работая в сельском хозяйстве, вплоть до августа 1945 года, когда я был задержан на работе и направлен в г. Хайлар, потом город Чита, где меня сделали подследственным, а после в условиях голода и насилия – преступником. За что мне дали 6-й пункт? Где, когда, в пользу какого государства я шпионил? С каких источников меня сделали шпионом?».

Через год уголовное дело Ф. И. Аксёнова было пересмотрено на основании протеста и. о. военного прокурора Уральского военного округа подполковника юстиции А. Холоднова. По поводу обвинения в адрес Ф. И. Аксёнова в протесте было сказано: «Согласно обвинительному заключению ему вменено в вину то, что он с февраля 1939 г. до июня 1942 г. проходил службу в «русском воинском отряде Асано», где был подготовлен как агент-диверсант и предназначался для переброски на территорию СССР; с 1941 г. являлся командиром отделения и готовил подчинённых ему лиц к разведывательно-диверсионной деятельности на территории СССР; с 1936 г. состоял в БРЭМ. Это обвинение является несостоятельным.

Как видно из материалов дела, Аксёнов служил в «русском воинском отряде Асано» по призыву, а в «БРЭМ» состоял рядовым членом. Никаких доказательств шпионской или другой враждебной деятельности Аксёнова против СССР в деле не имеется. А служба в воинском отряде и участие в БРЭМ составов преступлений, подпадающих под признаки ст. 58-4, 58-6 ч.1 и 58-11 УК РСФСР, не образуют.

Кроме того, Аксёнов гражданином СССР не являлся и в силу ст. 2 УК РСФСР за указанные выше действия нести уголовную ответственность не должен.

В своих жалобах Аксёнов также заявляет, что он никаких преступлений не совершал».

В конечном итоге определением Военного трибунала Уральского военного округа от 13 августа 1956 г. приговор Ф. И. Аксёнову был отменён, а 7 сентября 1956 г. он был освобождён из-под стражи.

Такова драматическая судьба забайкальского казака Фёдора Ивановича Аксёнова. И таких исковерканных судеб множество. В целом около 12 тысяч русских эмигрантов в Маньчжурии были арестованы контрразведкой Забайкальского фронта в августе 1945 г. по обвинению в шпионской деятельности в пользу Японии, а затем принудительно отправлены в СССР, в ГУЛАГ.

До сих пор судьба этих людей – малоисследованная страница отечественной истории.

Письма из зарубежья

НЕ В ИЗГНАНИИ, МЫ В ПОСЛАНИИ

Два письма из-за границы

С некоторых пор у меня возникла переписка со священником из Австрии, потомком белогвардейского офицера и дворянина старинного и знатного рода. Мы быстро нашли общий язык, потому что ему очень понравился наш журнал «Казачья Камнем» и не так часто, но мы стали переписываться. У него довольно интересные мысли о нас, казаках, о России, о современной мировой политике. Он широко образованный человек, знающий много языков и имеющий друзей по всему миру. Он немолод, соборному протоиерею Георгию Кобро почти 70 лет, он много путешествовал по миру и знает, о чём говорит и пишет. Его близкие родственники уже находясь в эмиграции сделали прекрасную карьеру, и даже одной из них, его тётушке, Екатерине (Катаржине) Николаевне Кобро, художнице и скульпторше-модернистке, эмигрировавшей после революции в Польшу, поставлен памятник. Она осталась «патриотом России, – пишет о. Георгий, – за что и была порой гонима. Но теперь там признана, отчего в Лодзи и другом городке есть академия, улица, библиотека и другие места, носящие нашу фамилию. А студенты-поляки и доценты на годовщину её смерти приходят в г. Лодзи в наш русский тамошний собор, стоят в белых перчатках со знаменем, на котором её главная скульптура, а потом строем идут на русское кладбище, на её могилу, возлагают венок, читают «Отче наш» и устраивают там же сердечные поминки по ней!.. Вот тебе и поляки!».

Мне кажется, что многим русским людям будет интересно знать, что же думают о нас прямые потомки белой эмиграции, читая наши высказывания в журналах, газетах и интернете.

Вот всего лишь два письма на тему статьи, опубликованной в одном из казачьих изданий, которое я выслал в своё время о. Георгию.

Здравствуй, Александр!

Спасибо за присланную газету.

Укажу нюанс, что фамилию священника принято писать в скобках только если он – монашествующий. Если же из белого духовенства, женатый, то фамилия – без скобок.

Статья Ильи Качанова и его аргументация будто казаки – это народ, меня возмутила.

Интересный народ, говорящий искони исключительно по-русски (украинский – это ополяченный крестьянский диалект русского, а «балачка» – и вовсе потешный мужицкий го-

вор), ходящий в русскую церковь, играющий на балалайке и гармошке, а «нац. костюм» – военная форма!!

И почему это все наши – Пушкин (эфиоп), Лермонтов (шотландец), Фонвизин (немец), Врангель (тоже немец или швед), художник Куинджи (грек), Айвазовский (армянин), князь Урусовы (татары) и т. д. и т. п. считали себя русскими, то есть за века обрусели. И ГОРДИЛИСЬ этим, а господа казаки, плоть от плоти русского народа, видите ли, якобы что-то иное?! Для меня это – измена русскому народу!

Что это за страсть: открещиваться от своей русской национальности?

И все бывшие двенадцать областей расселения казаков – это же военные округа, а не республики!!

Мы тут в эмиграции мыкаемся «рассеянии суицие» уже сто лет, почти все давно ассимилировались, но всё ещё многие (как и я), считаем себя русскими и гордимся этим, а эти представители русского воинского сословия не желают быть русскими. Да это же курам на смех!

И ещё раз повторю – предательство по отношению к своему собственному народу.

Ну и пусть катятся хоть на Аляску, хоть в Австралию, раз им Россия-матушка не мила. Там ещё место найдётся для этого народа. Может, выучатся на языке аборигенов разговаривать.

Написал второпях, несколько сумбурно, но искренне.

Бог Вам в помощь – строить Великую Россию, а не конгломерат кого угодно.

Искренне Ваш протод. Георгий Кобро

Здравствуй, Александр!

Я уж, признаться, был почти уверен, что Вы меня предали анафеме. И мне «пост фактум» самому стыдно за свои нервные выкрики, сделанные, кажется, вечером, когда я над компьютером засыпаю и мне вообще не надо за него садиться. Зато ранним утречком всё ладится лучше.

Но в мыслях я продолжал ещё пару дней полемизировать с автором. Особенно меня «достала» его оригинальная мысль, что, мол, почему это не было и нет хоров дворян и купцов.

Как потомок служивого дворянства и отчасти купечества, отвечаю: «Потому что и те и другие были делом заняты: дворяне служили в администрации и в армии нашей великой страны, а купцы занимались торговлей и при-

умножали благосостояние России». Но пели, конечно, и те, и другие, только первые большие романсы, а вторые – народные песни. А так, пели ведь в основном те, кто вечерами сидели у костров или плясали на гулянках, то есть опять же крестьяне и казаки. Так что довод уважаемого самостийника довольно-таки забавный.

А насчёт народа добавлю, что русская нация имеет в себе и финно-угорскую кровь (чудь, мордва и т. д.), и немецкую (предпоследнего патриарха, покойного Алексея Второго, фамилия была какая? Барон Ридигер!) и татарскую (ещё Наполеон с презрением сказал: «поскреби русского и выйдет татарин»). Но Наполеон нам не указ, главное – что все эти народы добровольно влились в русскую нацию и обрусели! А тут некоторые Гришки, Петьки и Ваньки, исконо веков говорящие (и поющие!) по-русски, жившие в двенадцати военных округах на протяжении около 10 тыс. км нашей Империи, прекрасное сословие воинов-патриотов, вдруг возомнили себя отдельной нацией!

Да с какой это стати?!

И даже если приписать себе в дедушки гуннов, антов, готов и прочих обров, то в основном-то это сути не меняет! Русские – и гордиться этим надо, а не строить из себя нечто несуществующее.

Пусть автор почитает генерала Петра Ник. Краснова, нашего замечательного русского и казачьего писателя, что он пишет в 1922 г. на тему «Казачья самостийность». Это статья.

Всё, раскипятился опять. Пойду копать огород.

Сердечный привет! Всего наилучшего. И: простите.

Ваш недост. протод. ГК, штаб-инструктор ОРЮР (Орг. Росс. Юных Разведчиков)

Русский казак по духу, соборный протодиакон о. Георгий Кобро, смотритель Казачьего кладбища в Лиенце и памятника генералу фон-Паннвицу и его 30 тыс. 15 Каз. Кав. Корпусу в Тристахе под Лиенцем, директор Казачьего музея там же, смотритель кладбища Суворовских чудо-богатырей в г. Вейнгартен.

www.hl-anastasia.jimdo.com это о нашей жизни в лесной обители в Баварии.

www.kazachiy-lienz.jimdo.com а это о Казачьем музее в тирольском городке Лиенц».

Ну что возразишь потомку эмигранта, пронёсшему в себе через всю жизнь в эмиграции РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА, любовь к России?

Опубликовал А. Толкачёв

История

К. Ходаковский

Керчь помнит о Русском Исходе

Священнослужители, миряне, а также члены Керченского союза монархистов, атаман и воспитанники Керченского союза казаков и представители Хуторского казачьего общества «Корчев» собрались 15 ноября 2016 г. на Митридате, чтобы отслужить молебен в память белых воинов и о спасении России.

Для Керчи нынешний год стал знаменательным тем, что на территории храма Андрея Первозванного был установлен первый в России памятник главнокомандующему Русской ар-

мией генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Врангелю. Символично, что открыт он именно в городе, ставшем последним и самым сложным пунктом эвакуации. Крестный ход в память трагедии Русского Исхода проводится в Керчи с 2003 года, чего не скажешь о других портах эвакуации, включая основную, – столицу белого Крыма Севастополь, где в этот раз не было подобных мероприятий.

Перед началом богослужения предводитель союза монархистов Г. Б. Григорьев сказал: «16 ноября 1920 года перед уходом в неизвестность воины Русской армии присутствовали здесь на последнем богослужении на русской земле. Именно здесь они вдохнули в последний раз русский воздух, здесь они взяли щепотку русской земли, здесь они окинули взором азиатский и европейские берега нашей Империи. Отсюда они шагнули в вечность. Не устаю повторять: мы должны помнить и наши победы, и наши трагедии, ибо это даёт нам силы, и наше великое будущее – в нашем великом прошлом».

После молебна начался крестный ход, повторяющий путь изгнанников, спустившихся с Митридата к пирсам для погрузки на корабли. Сегодня лестница находится в самом удручающем состоянии, часть её рухнула. Впрочем, решается вопрос о реконструкции всего комплекса строений 1830-х годов.

Ожидается, что в ближайший год или два часовня И. А. Стемповского, у которой в последний раз на родной земле молились воины белой армии, будет возрождена как исторический памятник, ставший свидетелем становления Керчи как русского города, событий Крымской, Первой мировой, Гражданской войны и Великой Отечественной, как важный символ города, разрушенный уже после его освобождения в 1944 году. И тогда, как и сто лет назад, православные люди снова соберутся у её стен, чтобы почтить память своих сограждан, пожертвовавших всем ради спасения родины от революционной смуты. Их дело тогда не увенчалось успехом, но оно продолжает жить доселе, передавая память о подвиге русских людей и идеалы, на которых возродится Россия.

Крестный ход под звон колоколов древнейшей в нашем отечестве действующей православной церкви Иоанна Предтечи (X век, Корчев) проследовал по центральной площади к приморскому скверу, где с 2006 года установлен поклонный крест в память Русского Исхода. У него была поставлена корзина с цветами и отслужена панихида о воинах, за веру, царя и отечество живот свой положивших, и всех, кто не по своей воле покинул отечество. Г. Б. Григорьев поблагодарил протоиерея Николая Зинькова за содействие в деле установки памятника Врангелю и вручил от имени союза медаль «Святая Троица».

Окончился крестный ход на набережной, люди вышли по пирсу в море, были произнесены памятные речи и опущены на воду два венка с надписями «Гѣмъ, кому не было мѣста на родинѣ» и «Воинам Русской армии». Венки тихо поплыли вдаль. Вместе с ними от керченского берега, как и в 1920 году, уходил за горизонт русский трёхцветный флаг. Этот случайный символ создал курсирующий по проливу паром «Победа», окрашенный в цвета русского национального флага, учреждённого царём Петром I в 1699 году перед Керченским походом.

17 ноября, в годовщину начала красного террора в Крыму, у храма апостола Андрея Первозванного настоятелем протоиереем Николаем Зиньковым в присутствии прихожан, членов союза монархистов и казаков была отслужена панихида по безвинно убиенным нашим соотечественникам в 1920–1921 годах, а также об упокоении души воина Петра Врангеля. Богослужение прошло у памятника П. Н. Врангелю и поклонного креста жертвам Красного террора.

Корниловцы в Галлиполи. 1921.
The soldiers, officers and cadets of the Kornilov's shock regiment in Gallipoli. 1921.

Последний установлен в 2010 году на прицерковной территории и является по своей сути кенотафом, что в переводе с греческого означает «пустая могила». Подобные погребальные монументы были распространены у народов средиземноморья и сооружались в память умерших и погибших в неизвестном или недоступном для погребения месте. Памятник посвящён сотням расстрелянных керчан и размещён примерно на пути следования из бывшей городской тюрьмы, где содержались приговорённые, и предполагаемым местом массовых казней – заброшенным железорудным карьером.

13–16 ноября 1920 года из портов Крыма была проведена одна из крупнейших в истории морская эвакуация: от причалов Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи отошло 126 кораблей и судов, унёсших на своих бортах 145 693 человека, не считая судовых экипажей. Пределы отечества покинули 116 758 военнослужащих, а также гражданские лица. Керчь была последней и приняла на корабли, стоящие в её гавани, 40 тысяч человек – благодаря распорядительности главнокомандующего и чинов флота были погружены все до единого человека, включая более 5 тысяч солдат, не сумевших эвакуироваться из Феодосии. П. Н. Врангель оставался у берегов Керчи до тех пор, пока не убедился, что погрузка в последнем порту прошла успешно. Самые тяжёлые испытания морского перехода выпали на долю тех, кто эвакуировался из Керчи. Погрузка началась 12 ноября, но по ряду причин первые корабли флотилии смогли отправиться в путь к Константинополю лишь вечером 18 ноября в штормовых условиях. Единственной потерей Русского Исхода стал вышедший тоже из Керчи эсmineц «Живой» с несколькими сотнями казаков на борту. Многим людям пришлось более недели пребывать в крайне тяжёлых условиях морского перехода. Последующие события показали, что жизни десятков тысяч людей были спасены благодаря П. Н. Врангелю.

http://zerkalokryma.ru/lenta/people/blogs/kerch_pomnit_o_russkom_ishode/

<http://iks2010.info/?p=105551>

Российское казачество на Донбассе

При анализе участия в донбасском конфликте казаков из России, не связанных с «Казачьей национальной гвардией» (КНГ) атамана Николая Козицина, возникает ряд существенных проблем. Помимо КНГ и многочисленных формирований из местных луганских, реже донецких казаков, российские казаки-добровольцы в донбасском конфликте участвовали массово, но редко выступали в качестве самостоятельной военной силы. Как правило, чисто казачьи формирования были небольшими по составу, и в той или иной мере интегрированы в более крупные формирования смешанного состава. Большое число российских казаков, прибывая в ЛДНР индивидуально или небольшими группами, воевали в не казачьих формированиях. Статус подразделения не являлся чем-то принципиально важным.

Надо отметить, что Новороссия воспринимается казаками-националистами как часть «казачьего Присуда» – исконных, «Богом данных», земель, которые нужно воссоединить с родными территориями в России. Но фактор «воссоединения» не являлся основным стимулом к участию в боевых действиях. Главным фактором являлся религиозно-патриотический. Конфликт на Донбассе воспринимался как некая «священная война» с «силами мирового Зла».

За три года военных действий не отмечается ни одного случая вступления российских казаков в формирования, воюющие на украинской стороне. При этом наблюдается множество примеров, когда этнические русские – не казаки, иногда националисты по убеждениям, воевали за «Незалежну».

Несмотря на то, что в 1990-е годы некоторые радикально-националистические общины Дона и Кубани поддерживали связи с украинскими националистами, в настоящее время Украина как государство и как определённое историко-культурное (это есть) пространство воспринимается всеми российскими казаками как враг.

Полным крахом окончились попытки некоторых московских «вождей вольного казачества» пропагандировать западно-либеральный подход к донбасской войне в плане симпатий к «украинским братьям, борющимся с общим кремлёвским врагом».

Не секрет, что часть членов казачьих организаций и групп по отношению к современной российской власти настроена оппозиционно и принципиально дистанцируется от неё и инспирированных ею мероприятий. В частности по этой причине многие «вольные» казаки отказались участвовать в операции по воссоединению Крыма с Россией.

В отношении гражданской войны на Украине такой отрицательной мотивации нет, и весь спектр «вольного» казачества активно принял в ней участие. Многие казаки своё участие в боевых действиях не афишировали ранее и держат в тайне вплоть до настоящего времени.

О причинах подобной скрытности казаков-добровольцев атаман донской казачьей общины в Москве рассказывал автору в сентябре 2014 года: «Казаки в Новороссии российской власти нужны только пока идёт война. В России настоящие воины уж точно нужны не будут. Что с ними сделают потом, непонятно. Может, будут выявлять воевавших, ставить на учёт, а потом ликвидировать. Так что лучше не светиться. На этой войне казаки нужны только подконтрольные. То, что помощь из России идёт именно Козицину, а не настоящим казакам, понятно. Тем, кто наверху, только такой, как Козицин, и нужен, которым может управлять любой, кто платит».

По словам рассказчика, сложившаяся весной-летом 2014 года ситуация, когда атаман КНГ Козицин являлся «представительским лицом» всего казачества, вызвала у его значительной части как минимум крайнее раздражение. Большое количество донских казаков, принципиально не желая служить в КНГ Ко-

зицина, вступали в отряд атамана Александра Конкина («Фотон»), базирующийся в городе Ровеньки ЛНР. Многие шли в бригаду «Призрак» Алексея Мозгового, «Группу быстрого реагирования» командира Александра Беднова, различные формирования армии ДНР.

С момента начала конфликта на территории Новороссии казаки-добровольцы из России активно участвовали в нём. На самых ранних этапах конфликта их отряды, в частности, «Волчья сотня терских казаков», были одними из немногих подразделений, обладавших реальной боеспособностью.

Условно к российским казакам на Донбассе можно причислить и воевавших, в частности под началом Игоря Стрелкова, казаков из Крыма. Многие крымские добровольцы, как правило, не казаки по происхождению, были членами местных казачьих общин, организационно вошедшими весной 2014 года в общественное Терское казачье войско.

При анализе собственно российско-казачьих формирований необходимо отметить следующий момент. Казаки-добровольцы прибывали в Новороссию индивидуально, реже небольшими, до нескольких десятков человек, организованными группами. В СМИ озвучивалась информация об особом подразделении астраханских казаков, из внутриказачьих источников известно о сплочённых автономных группах донских, кубанских, терских, сибирских, уссурийских и уральских казаков, воевавших в ЛДНР.

Формирование полноценного подразделения из казаков, как правило, происходило уже в зоне конфликта. Боевое слаживание, отсеб случайного элемента – всё это занимало определённое время. Нередко первоначальная казачья группа в силу различных причин так и не становилась полноценной боевой единицей и распадалась.

18 октября 2014 года в местных СМИ Новороссии появилось краткое сообщение о боестолкновении, в котором участвовала «Первая рота «Донбасский кош» 2 казачьего батальона». По информации от московских казаков, «Донбасский кош» – автономное формирование из кубанских казаков, созданное одновременно с «Волчьей сотней терских казаков» ещё в мае 2014 года.

«Волчья сотня терских казаков» – одно из наиболее медийно известных российско-казачьих формирований, выступавших на Донбассе как сплочённое автономное подразделение.

По некоторым сведениям, казаки воевали двумя автономными группами, первая в ДНР, вторая – в ЛНР под г. Счастье.

В Донбасс «Волчья сотня» прибыла из Крыма предположительно в апреле 2014 года, и активно участвовала в боях начального периода конфликта. Первый командир, Евгений Пономарёв

«Динго», погиб 28 августа 2014 года. Осенью подразделение стало «Казачьим отрядом быстрого реагирования» при Генпрокуратуре ДНР, впоследствии вышло на территорию России.

Необходимо отметить, что различные отряды и группы российских казаков в Новороссии воевали разрозненно. Сильного низового стремления к консолидации и объединению в большие, но именно казачьи подразделения не было, хотя предпринимались попытки создать, предположительно на базе «Волчьей сотни терских казаков», отдельный «казачий полк».

Так, в сети интернет 13.07.2014 было размещено обращение командира «Волчьей сотни терских казаков» Евгения Пономарёва («Динго») и «визуального символа» конфликта в Новороссии Александра Можая («Бабая») с призывом вступать в новообразуемый «казачий полк». По информации от членов терских казачьих организаций, полк предполагалось формировать в Крыму. Терские и иные добровольцы переправлялись именно туда, проходили обучение, а потом выдвигались в Новороссию. Однако количество казаков, желавших вступить в данное подразделение, оказалось недостаточным для формирования подразделения масштаба полка. Наличествовали также серьёзные организационные проблемы по финансированию и материально-техническому оснащению планируемого подразделения.

После июльской публикации призыва Пономарёва – Можая тема создания отдельного казачьего подразделения в армии Новороссии публично не озвучивалась вплоть до 15 октября 2014 года, когда одним из наиболее авторитетных военных лидеров Новороссии, командиром бригады «Призрак» Александром Мозговым было объявлено о создании в его подразделении «Казачьего батальона «Ермак». Такой батальон был создан, но насколько он был «казачий» и сколько в нём было казаков из России – неизвестно.

Создание в бригаде «Призрак» «Казачьего батальона «Ермак», возможно, продиктовано стремлением собрать под своим началом расплывённый в общей массе различных формирований казачий воинский элемент и создать «этническую альтернативу» КНГ Козицина.

Одной из причин, по которым небольшие российские казачьи отряды не смогли преобразоваться в крупные подразделения, следует отнести слабость или полное отсутствие у них целевой финансовой и материально-снабженческой базы, которая явно наличествовала у КНГ. У казаков из РФ не было и непосредственной «низовой» поддержки населения, имеющейся у формирований из местных жителей, к примеру, многочисленного отряда атамана Конкина («Фотон») из г. Ровеньки.

При анализе участия российских казаков в донбасском конфликте нельзя обойти тему антиказачьих заявлений лидера вооружённого сопротивления, министра обороны ДНР Игоря Стрелкова (Гиркина).

6 июня 2014 между подразделениями казаков, оборонявшими краснолиманское направление ДНР и на тот момент её военным руководителем Игорем Стрелковым (Гиркиным) произошёл широко озвученный в СМИ конфликт. По утверждению Игоря Стрелкова, казаки атамана «Еремы» проявили трусость и бежали. При оценке инцидента Стрелков крайне негативно, на грани оскорблений, отозвался о казачьих подразделениях как таковых, заявив, в частности: «Ничего не изменилось за 20 с лишним лет в нашем «возрождённом козлячестве». Ряженые подонки и мародёры как правили в нём бал, так и продолжают».

14 июля 2014 года Игорь Стрелков обвинил казаков отряда «Бабая» в неподчинении приказу и дезертирстве. Помимо обвинения конкретных лиц и подразделений, военный лидер ДНР того периода дал уничижительную обобщающую характеристику всему современному казачеству: «Честь далее отстаивать Новороссию они предоставили местным ополченцам и тем своим

товарищам-добровольцам, которые руководствуются столь ненавистным современному «казачеству» понятием «воинская дисциплина».

Впоследствии Игорь Стрелков в интервью от 10 октября 2014 года фактически дезавуировал свои прежние резкие оценки и признал боевые качества казаков: «На казаков можно положиться, когда они воюют в рядах серьёзных боевых подразделений. Когда атаман нормальный, то и казаки нормально воюют».

Жёсткие, на грани оскорблений характеристики, данные казакам Игорем Стрелковым, несмотря на явные признаки «эмоционального срыва», всё же весьма типичны для современных российских профессиональных военных. В случае июльского обвинения в трусости, как впоследствии выяснилось, имело место недоразумение, возникшее вследствие военной неразберихи.

Несмотря на резкие оценки, Игорь Стрелков в российско-казачьей среде продолжает пользоваться заслуженным уважением и авторитетом. Казаки, в свою очередь, имеют серьёзный авторитет и уважение у населения ЛДНР, казачьи подразделения продолжают службу как составная часть вооружённых сил ЛДНР.

<http://www.apn.ru/index.php?newsid=36041>

В РОССИИ БОЛЬШЕ ВСЕГО КАЗАКОВ, КОТОРЫЕ НЕ ВХОДЯТ НИ В КАКИЕ КАЗАЧЬИ ОБЩЕСТВА

Интересные данные получены в ходе опроса в нескольких группах соцсети «ВКонтакте» среди лиц, причисляющих себя к казакам. Его организовал казак Сергей Кравчук.

На вопрос: «Какой из ответов Вам ближе?» дано 5 вариантов:

- Я казак и состою в реестровом казачьем обществе;
- Я казак и состою в казачьей общественной организации;
- Я стал «казаком», вступив в казачье общество;
- Я родился казаком и никуда не собираюсь вступать;

– Я не казак, но мне близко казачество по духу.

Несмотря на непродолжительный срок опроса, длившегося всего четыре дня, из-за чего в нём успело принять участие относительно небольшое число казаков, опрос выявил закономерность, дающую повод серьёзно задуматься тем, кто сегодня формируют государственную политику в отношении российского казачества. Напомним, что глава ФАДН России Игорь Баринов в марте выступил с докладом о деятельности Агентства в 2015 году и задачах на 2016 год, где, в частности, привёл следующие цифры: «ФАДН России на основании данных, представленных органами власти субъектов Российской Федерации, установлено, что из 250 тыс. граждан, состоящих в казачьих объединениях, 160 тыс. (60 %) входят в войсковые казачьи общества, внесённые в государственный реестр Российской Федерации. Остальная часть казаков (40 %) разбросана по многочисленным общественным организациям. Вместе с тем, лишь 8 тыс. (5 %) реестровых казаков находится на государственной (военной и гражданской) службе».

Как показал опрос через соцсеть «ВКонтакте», процент граждан, входящих в реестровые каза-

чи общества, включая тех, кто стал себя считать казаком после вступления в такое общество, составляет 15 % от общего числа участников опроса. Больше всего – 67 % казаков по рождению, которые не состоят ни в каких обществах, где их можно было бы посчитать, и относящихся к т. н. «вольному» казачеству. Если это соотношение учесть в раскладке вышеприведённых цифр из доклада главы ФАДН, то получается, что в государственном реестре состоит 15 % от всех граждан, причисляющих себя к казачеству (половина из них, как показал опрос, «вступили» в казаки, т. е. не являются по сути таковыми), а процент несущих государственную службу с 5 % сползёт до 1,15 % (правда, до сих пор нет ни одного конкретного факта с указанием фамилии и долж-

ности казака, состоящего на государственной службе в полном соответствии с ФЗ № 154).

В этой же связи вызывает сомнения реальность создания Всероссийского казачьего войска, половину которого будут составлять граждане, не являющиеся этническими казаками. Можно ли его считать казачьим, если 75 % казаков останутся вне этой организации и лишь 1,15 % будет нести государственную службу, то стоит ли эта затея тех бюджетных денег, которые потребуются на её реализацию?

6 апреля 2016 года, КИАЦ
Размещено: Сайт «Летка.рф»

<http://xn--80ajpc0b.xn--p1ai/news/v-rossii-bolshe-vsego-kazakov-kotorye-ne-vhodyat-ni-v-kakie-kazachi-obschestva>

КАЗАЧЕСТВО. САНКЦИИ ИЛИ ДУРОСТЬ?

Римский диктатор Помпей как-то произнёс: «Лишь топну ногой, и из земли вырастут легионы». Похоже, и в современной России решили топнуть ногой для возрождения казачества. Топнули, и с 1990 года казачество стало стремительно развиваться, причём в правильном, разумном направлении: «Воссоздать ранее исторически существовавшие до незаконных репрессий 1919 года войсковые казачьи общества, в их исторических границах, с исторически сохранившимися названиями»!!! Речь не шла о создании десятков новых, доселе не ведомых, казачьих войск, речь шла именно о «воссоздании ранее исторически существовавших» и ни о чём другом. Но, видно, кому-то не давала спать гениальная память о «всемерном и полном уничтожении казачества». Сегодня модно говорить о «двойных стандартах» и «незаконных санкциях», тыкая указующим перстом в сторону Запада и США. А у нас нет санкций? Я имею в виду казачество. Есть! И самые бесчеловечные. Закон 154 ФЗ обозначил понятие «казачье общество», которое состоит из казаков, принявших на себя обязательства по несению государственной и иной службы, но не даёт объяснения, что такое «казачья община», хотя ясно, что раз она «казачья», значит, юридически и фактически состоит из казаков, но тогда почему первая имеет значительные права и финансирование, а вторая только гонения? Назвать это можно только расизмом. В том и другом случае – это граждане Российской Федерации, но в первом случае потомственный зарубежный казак не имеет права принять на себя обязательства по несению государственной службы, что ясно доказывает, что граждане других стран – потомки казаков-эмигрантов не могут себя считать казаками. Санкции или дурость? По уставам реестровых казачьих органи-

заций казаком может быть гражданин Российской Федерации, достигший 18 лет, принявший на себя обязательства по несению государственной и иной службы. Госслужба российского казачества на сегодня даже не вопрос – как обсуждать то, чего нет? Но по закону только в случае принятия этих обязательств казак может считать себя казаком. А если он не принял обязательств по несению того, чего нет, то он кто? Негр? Или, может быть, эвенк? Почему только с казаками можно вытворять такие метаморфозы? Разве это не санкции против тех, кто по роду казак? При этом правовой основой 154 ФЗ является Конституция Российской Федерации, а основным принципом – «приоритет прав и свобод человека и гражданина». На деле выходит: не реестровый казак – и не казак вовсе, и не человек, и не гражданин. Что это? Расизм, санкции или опять же дурость? Следующий догмат для казака: казаком может быть только православный. Причём митрополит Невинномысский и Ставропольский Кирилл, «отец русского казачества», заявляет, что общественные казаки – «бандиты». Не все родились реестровыми, может, общественный казак после обещанной манны небесной решит пойти в реестр. А как его взять на госслужбу? Разве можно брать «бандитов» на госслужбу. Вот и непонятно, за счёт каких ресурсов и резервов, согласно Концепции развития, будет увеличиваться численность реестрового казачества, если «бандиты» там не присутствуют, казачек и казачат в реестре нет, а казаки мужеского пола, хоть реестровые, хоть общественные, рожать не могут. Похоже на бесцельное блуждание в кромешной тьме, и без «бандитов» не обойтись.

Совершенно абсурдные законы о казачестве переплелись с РПЦ, которая хоть и первенствующая в России среди религиозных конфессий,

но какое ей дело до казачества, если казаки «люди государевы», а РПЦ отделена от государства? Раздел казаков на «наших» и «не наших» митрополитом Кириллом оказывает крайне негативное влияние на воспитание казачьей молодёжи, а ведь эта молодёжь в ближайшем будущем будет управлять страной. А в недалёком прошлом казаки сами избирали священника, и спрос с него был казачий. Сейчас священники позиционируют себя выше казачества, влазят в дела общин и вносят ещё больший разлад в казачество, не считаясь с тем, что все казаки – просто прихожане. А уж если существует такая норма, где предпочтение отдаётся «рестровым», то, видно, настала пора разделить всех прихожан на «наших» и «не наших». Именно из-за такого отношения казаки не хотят идти в церковь, где их называют «бандитами», применяя определённо расистские нормы по отношению к казакам, грубо нарушая Конституцию РФ. Надежда казаков на церковь, несущую казакам духовное единение и любовь, не оправдалась, представители РПЦ вносят всё больший раскол в казачье движение. И, что интересно, это всех устраивает, и каждая волна очередного «объединения» казачества всё больше разрушает казачьи сообщества.

Что впереди? Темнота и мрак безвестности, и совершенно непонятно, для кого написана «Концепция развития российского казачества». Сотни казачьих предложений для решения этих проблем не находят понимания и не принимаются. Президент молчит. Может, кто-то подскажет, быть ли российскому казачеству в 21 веке или не быть? Сдаётся мне, что казачество – одна из консолидирующих сил России. Это не политическая партия, которая в итоге своей деятельности

видит только наживу, ведь политика – это концентрация экономики, и никто языком молотья просто так не будет. На фоне всё более усложняющейся международной обстановки отталкивать силу, которая может хоть как-то сплотить народ, более чем неразумно. Не знаю, что поют в уши президенту, но совершенно точно знаю: случись какая заваруха, гастарбайтеры России защищать не будут. Им плевать на суверенитет нашей страны. Вся так называемая элита выбрала другие приоритеты, зачем им казачество, зачем лишние рты в растаскивании государства? У них и жизненные идеалы другие – Куршавель и бабы с губами, как у старого жеребца.

Это в общем, а вот про дальневосточное казачество даже рассказывать страшно. Здесь для казаков столько «внимания», что удивительно, почему Дальлаг не работает. И ведь никто не хочет разбираться, всё казачество порушили, и каждый молчит в своей норке. Молчит Долуга – Председатель Совета Атаманов России, молчит ФАДН, обязанный разбираться в таких вопросах, а не спихивать их по лестнице подчинённых, молчат губернаторы, хотя это входит в круг их обязанностей. Ответ один – нет среди этих людей казаков, у них на генном уровне отторжение казачества, да и всего русского тоже. Гутарить на знакомом казакам языке – не значит иметь к нему отношение. Вот и получается, что тяжёлой години, когда гастарбайтеры разбегутся, как и ворюги-чиновники, и опять будет нужен казак, не обойтись. Страшно, но это так, ведь защищать свою Родину будут те, кто её любит, а не те, кто пользуется.

*Почётный Атаман
Амурского казачьего войска
Крюков В. В.*

День в истории: Кровавая расправа большевиков над жителями Новочеркасска

Новочеркасск издавна отличался бунтарским духом. Как-никак, это была столица белого казачества и один из главных городов Белого движения. Кроме того, в регионе набирали казаков в Казачий стан, сражавшийся во Второй мировой войне на стороне Германии, и часть выданных в Лиенце казаков была уроженцами тех мест.

2 июня 1962 года в Новочеркасске произошло одно из ключевых событий позднесоветской истории. В этот день была расстреляна толпа возмущённых рабочих, требовавших улучшения уровня жизни, резко упавшего в результате нескольких хрущёвских реформ. Погибло несколько десятков человек, расстрел был строго засекречен, и широкие массы узнали о нём только в конце

перестройки. Тема новочеркасского расстрела была относительно популярна в 90-е годы – всех осуждённых из числа протестующих реабилитировали и даже возбудили уголовное дело против виновников расстрела (достаточно редкий для постсоветской России случай), которое, впрочем, завершилось ничем, так как потенциальные фигуранты скончались за много лет до того.

К социальному взрыву в городе привело сочетание нескольких реформ и неумелых действий руководства местного электровозостроительного завода. В 1961 году состоялась хрущёвская денежная реформа. Смысл реформы заключался в том, что сталинские «портянки» обменивали на хрущёвские «фантики» (так эти купюры прозвали в народе из-за больших размеров одних и маленьких размеров других) по курсу 10 к 1. Хитрость заключалась в том, что под видом деноминации провели девальвацию рубля, который ослабили по отношению к золоту и иностранным валютам. Поскольку жители СССР находились в замкнутой и закрытой системе, они этого практически не заметили, зато это позволило СССР сделать более рентабельным экспорт товаров и ресурсов – за счёт фактического удешевления рабочей силы.

Цены в магазинах при этом понизились, но не в десять раз, и в результате советский гражданин получал зарплату новыми деньгами, а за товары платил по старым ценам. Грубо говоря, если до реформы товар стоил 50 копеек, то после неё, чтобы сохранить пропорции зарплат и старых цен, он должен был стоить 5 копеек. На деле цены либо не изменились вовсе, либо уменьшились совсем незначительно.

Но этого было мало – советская экономика, и так придушенная плановой системой, трещала под грузом непомерного бремени космической программы и гонки вооружений.

Дошло до того, что в 1962 году пришлось закупать зерно за границей – притом, что Россия вообще-то всегда была экспортёром хлеба. До появления нефти главным предметом российского экспорта всегда было зерно.

1 июня 1962 года было решено повысить цены на мясо на треть и на 25 % увеличить цены на масло. Это был серьёзный удар по кошелькам граждан – те спокойно пережили девальвацию рубля, но мириться с подорожавшим на треть мясом не хотели. Сразу на нескольких заводах начались брожения. Особенно сильно людей возмущала издевательская формулировка: «по многочисленным просьбам трудящихся».

Рабочие пытались организовать, но в итоге вспыхнул только Новочеркасск. Причина заключалась ещё и в том, что одновременно со всесоюзным повышением цен на продукты руководство Новочеркасского электровозостроительного завода им. Будённого приняло решение о повышении норм выработки почти на треть – на практике это означало резкое снижение зарплаты на ту же самую треть.

Ещё стоит отметить, что условия труда на заводе были не самыми лучшими, и за несколько месяцев до бунта рабочие в одном из цехов уже устраивали забастовку на несколько дней, отказываясь работать в отвратительных условиях.

Таким образом, в Новочеркасске сыграли сразу четыре фактора: девальвация рубля, повышение цен на мясо и масло, снижение расценок и повышение норм выработки на заводе, плохие условия труда в одном из цехов.

Утром 1 июня, сразу после получения новостей о повышении цен и норм выработки, около 200 рабочих сталелитейного цеха сообща бросили работу и отправились за разъяснениями к дирекции завода. Цены, положим, повышали из Москвы, но нормы-то выработки устанавливали здесь, в заводоуправлении.

К слову, не стоит думать, что это была первая за долгие годы забастовка в СССР. Даже в сталинские времена доведённые до отчаяния рабочие, особенно в самые критические годы коллективизации и индустриализации, неоднократно устраивали забастовки, которые порой перерастали в беспорядки. Самой знаменитой такой забастовкой стало Вичугское выступление 1932 года – тогда рабочие, возмущённые тем, что «ни при каком царизме никогда так плохо не жили», устроили стачку. Когда милиция попыталась разогнать несколько тысяч возмущённых пролетариев, те обратили милиционеров в бегство, после чего штурмом взяли отделение милиции и здание местного ОГПУ, попутно избив нескольких милиционеров и чекистов. Хотя силовикам удалось с применением оружия разогнать толпу, она собралась снова. В окрестных городах тоже начались забастовки, и в Москве решили дать рабочим некоторые послабления. В город прибыл Каганович, агитируя рабочих расходиться и обещая выполнить их требования улучшения снабжения. Именно по итогам этих беспорядков было разрешено открывать в городах колхозные рынки, а рабочим разрешали держать приусадебные участки – с едой стало чуть полегче.

Но вернёмся в Новочеркасск. Утром 1 июня несколько сотен возмущённых рабочих направились «искать правды» в заводоуправление, по пути «снимая» рабочих из других цехов. В общей сложности к дирекции подтянулось около тысячи человек. Они потребовали от директора завода Курочкина объяснить, на каком основании он решил ухудшить их и без того не радужную жизнь. Директор пытался отболтаться общими фразами – и вполне вероятно, что сумел бы, но сам всё испортил. Неожиданно возле толпы оказалась разносчица с пирожками в руках. Увидев её, Курочкин заявил: «Если не хватает на мясо, жрите пирожки с ливером».

Эта фраза стала спусковым крючком для последовавших событий. Рабочие резонно решили, что над ними издеваются. Курочкина заулюлюкали, засвистели, начали выкрикивать оскорбления. Поняв, что численный перевес не на его стороне, директор поспешил ретироваться.

Негодующие рабочие разнесли новости по другим цехам, после чего к ним присоединились и те, кто поначалу оставался в стороне. В общей сложности забастовало около 5 тысяч человек, то есть большая часть работников (всего на заводе работало 12 тысяч человек, но не одновременно, а посменно). Бастующие дали заводской гудок, после чего к заводоуправлению стали стекаться и те, кто в этот момент был дома.

Повозмущавшись, митингующие решили в знак протеста перекрыть железнодорожную магистраль, остановив пассажирский поезд, следовавший из Ростова в Саратов. Им попытались помешать дружинники, но, осознав численный перевес, сняли нарукавные повязки и ушли. Заводской цеховой художник нарисовал несколько плакатов с требованиями дать рабочим мясо и масло, которые были установлены прямо на железной дороге. На тепловозе остановленного поезда кто-то успел написать «Хрущева на мясо».

Дирекция завода прислала успокаивать рабочих главного инженера Ёлкина, который явно не имел никаких полномочий и не мог пообещать рабочим никаких послаблений – вместо этого он только призывал товарищей пролетариев вернуться к станкам. Вскоре подъехала сотня милиционеров, но они разбежались, увидев грозно наступающую толпу.

Забастовщики, однако, не предпринимали никаких действий по организации протеста, не создавали никаких комитетов по управлению. Они честно ждали, что заводское или городское начальство вступит с ними в нормальные переговоры и услышит их требования.

В Москве о забастовке узнали практически сразу. Хрущёв созвонился с руководством Ростовского обкома и с военными и приказал подавить выступления. В Новочеркасск экстренно выехала группа членов Президиума ЦК КПСС во главе с Микояном.

Ранним вечером того же дня в город пришло областное начальство. Рабочие поначалу внимательно слушали все обещания, но быстро выяснилось, что обкомовским просто нечего сказать – они могли только цитировать обращение ЦК. Заводчане начали освистывать выступавшего секретаря обкома Басова, и он ушёл. Слово попытался взять спровоцировавший всю эту ситуацию Курочкин, но рабочие были настолько возмущены его появлением, что под оглушительный свист принялись забрасывать его всем, что попадалось под руку.

Толпа сорвала со здания заводоуправления портрет Хрущёва и сожгла его, побила стёкла в здании. Забаррикадовавшийся в здании Басов экстренно вызывал военных. Командующего Северо-Кавказским военным округом

Плиева не удалось застать, поскольку он выехал в Новочеркасск, и министр обороны СССР Родион Малиновский лично распорядился ввести в город войска (но без танков).

Тем временем рабочие у заводоуправления пытались выработать план дальнейших действий. Как вспоминал непосредственный участник и свидетель тех событий Пётр Сиуда, один из немногих, кто записал свои воспоминания:

«Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырёк пешеходного тоннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов-рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращения с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками».

Тем временем военные совершили хитрый манёвр, чтобы выволить из здания предынфарктных номенклатурщиков, забаррикадовавшихся внутри и ожидавших расправы. К зданию подъехали несколько машин и бронетранспортёров с безоружными солдатами. Гнев толпы на время переключился на них, а тем временем ловкие кбшники незаметно проникли в здание заводоуправления и через чёрный ход вывели обморочное руководство. Сразу после этого солдаты молча погрузились в машины и уехали.

Несмотря на всё это толпа была настроена довольно мирно. Во всяком случае, к насилию бастующие не прибегали – разве что дали несколько щелбанов одному из ретивых коммунистов.

Ночью часть толпы разошлась. Рано утром послышался взрыв, который вновь привлёк к месту действия толпу народа. Оказалось, что причиной взрыва был танк, в темноте сбивший две опоры ЛЭП.

Выяснилось, что под покровом ночи в город ввели войска, в том числе и танки. Оставшиеся протестующие пытались остановить бронетехнику, наспех соорудив из подручных средств баррикады и забрасывая смотровые щели тряпками, но безрезультатно.

Завод был захвачен армией, вооружённые солдаты требовали от протестующих возвращаться к станкам, однако те отказывались, заявляя, что не хотят работать под дулами автоматов. Ввод армии озлобил рабочих, в толпе стали расходиться слухи, что ночью танки задавили несколько человек (скорее всего, неправда). Рабочие становились всё агрессивнее, колотили железными прутьями по броне танков. В ответ военные начали вытеснять их за территорию завода.

Генерал-лейтенант Матвей Кузьмич Шапошников

Бунтовщики решили разослать несколько групп на другие предприятия с просьбой поддержать забастовку, а основная часть толпы направилась к зданию горкома. Рабочие не знали, что за ночь силовики заняли все ключевые объекты города и выставили там охрану. Характерный факт: толпа шла с красными флагами, портретами Ленина и распевала революционные песни.

Протестующие двигались от завода к центру города. Их путь пролегал через мост, который был заблокирован танками. Казалось, что сейчас прольётся кровь, однако солдаты неожиданно расступились и даже помогли рабочим миновать заслон. Этот момент отражён и в воспоминаниях Сиуды:

«Подходя к мосту через железную дорогу и реку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооружённых солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкли революционные песни. Затем плотная грозная масса демонстрантов медленно двинулась вперёд. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!». Солдаты и танкисты не стали препятствовать колонне, стали помогать перелезть через танки...».

Этот неожиданный поступок – заслуга генерала Шапошникова. Герой Советского Союза Шапошников воевал в советско-финскую и Отечественную, дрался под Сталинградом, закончил войну генерал-майором, участвовал в Параде Победы в июне 1945 года на Красной площади. На момент новочеркасских собы-

тий он был заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа Иссы Плиева. Генерал позволил себе открыто не подчиниться приказу Плиева атаковать демонстрантов в случае их попытки пройти через мост, заявив тому, что он не видит противника, против которого необходимо применять бронетехнику. Более того, Шапошников велел подчинённым разрядить оружие и во избежание эксцессов сдать боеприпасы.

Шапошников был настолько потрясён произошедшим, что позже пытался предать гласности информацию о событиях в городе. Он рассылал информацию о случившемся и письма-воззвания писателям, в отделы ЦК, обкомы и ЦК ВЛКСМ. В результате уже при Брежневе генерал-лейтенанта сначала отправили в запас, потом начали судить по статье «Антисоветская агитация», но в итоге решили замять дело, опасаясь нежелательного внимания. В итоге Шапошникова оставили в покое, исключив из партии. Реабилитирован он был уже на излёте перестройки.

В то время, когда рабочие двигались к горкому, там находилась делегация Президиума ЦК, пребывавшая в полной уверенности, что танки не пропустят протестующих через мост. Завидев толпу, высокопоставленные деятели во главе с Микояном просто-напросто бежали. В здании для «прикрытия отхода» оставили мелких чиновников уровня горкома, которые пытались с балкона увещевать митингующих.

Однако рабочие уже были наэлектризованы вводом войск в город и не слушали призывов. Часть бастующих прорвалась в горком и побила на первом этаже стёкла, разломала мебель, разбила люстры. В этот момент на место прибыли полсотни автоматчиков, которые дали предупредительный залп поверх голов. Толпа поначалу отступила, но потом почему-то решила, что солдаты вооружены холостыми патронами, и снова начала напирать на здание горкома.

На этот раз солдаты начали стрелять на поражение. Увидев, что полтора десятка их товарищей лежат на земле без признаков жизни, рабочие бросились врассыпную. Примерно в то же время часть протестующих попыталась прорваться в здание милиции, чтобы отбить арестованных ночью активистов. По официальной версии, огонь был открыт после того, как один из рабочих отобрал автомат у солдата и попытался выстрелить. По версии свидетелей этих событий, рабочий пытался ударить солдата прикладом автомата в ответ на такой же удар. Погибло ещё несколько человек, остальные разбежались.

3 июня митинги продолжились. По городу прошли слухи о расстреле, о сотнях жертв, и на следующий день снова замитинговали сотни человек. Они требовали теперь и освобождения всех задержанных в предыдущие дни.

Но инициатива была уже на стороне власти. Номенклатурщикам удалось успокоить толпу обещаниями нормализовать расценки в пользу рабочих, наладить нормальные условия труда и снабжение города. В Новочеркасске был объявлен комендантский час. Спаду протеста поспособствовали и массовые облавы в ночь с 3 на 4 июня, когда были арестованы несколько сотен человек. 4 июня ситуация начала возвращаться в нормальное русло.

В результате стрельбы 2 июня погибли 24 человека. Ещё двое погибли в тот же день при до сих пор не выясненных обстоятельствах. Ранения получили, по официальным данным, 87 человек. Немало свидетелей позднее сообщало о том, что в день расстрела они видели погибших детей, однако, по официальным данным, ни один ребёнок не погиб и не пропал без вести.

Вскоре состоялся суд над «зачинщиками погромов». Толпа была наводнена милиционерами и кбшниками в штатском, которые при помощи спецаппаратуры фиксировали всё происходящее. Как вспоминал Сиуда:

«Милицию переодели в гражданское платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены и кагебешники, которые были снабжены микрофотоаппаратами, вмонтированными в зажигалки, портсигары и бог весть ещё во что. Съёмки осуществлялись и с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии, приходилось видеть буквально ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки».

Поскольку в действительности события развивались стихийно и не имели лидеров, а рабочие так и не сформировали руководящие органы, к зачинщикам причислили тех, кто чаще остальных фигурировал в первых рядах на фото. Семерых «зачинщиков» признали виновными в бандитизме, организации массовых беспорядков, попытке свержения советской власти и приговорили их к смертной казни. Более ста рядовых участников получили различные тюремные сроки, до 10–15 лет. Среди них был и летописец новочеркасских событий Пётр Сиуда, арестованный после первого дня забастовок и получивший 12 лет. Ему не помогло даже ходатайство матери перед Микояном (отец Сиуды был видным старым большевиком).

Все события в Новочеркасске были тщательно засекречены. Погибших вывезли в другие города Ростовской области и захоронили на местных кладбищах. Точное местонахождение могил удалось выяснить только после развала СССР, когда с части документов был снят гриф секретности. После свержения Хрущёва осуждённых освободили с сокращением им срока до уже отбытого.

В 1992 году Главная военная прокуратура РФ возбудила уголовное дело по факту расстрела в Новочеркасске. Дело носило явно пропагандистский характер и в скором времени было закрыто в связи со смертью всех подозреваемых. Осуждённых по новочеркасскому делу реабилитировали в середине 90-х. В советское время достоверной информации о расстреле практически не было – слухи, конечно, ходили, но самые причудливые: так, Солженицын приводит рассказ некой новочеркасской учительницы, которая уверяла, что расстрел был произведён не солдатами, а некими диверсантами, тщательнейшим образом замаскировавшимися. Кое-какие данные дал в книге «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын, но эта книга не выходила в СССР до конца перестройки, и к тому же автор опирался в основном на чужие пересказы. Например, он писал о 70–80 погибших и об использовании солдатами разрывных пуль. Непосредственным свидетелем событий был 12-летний Александр Лебедь – будущий генерал и кандидат в президенты РФ. В 90-е он при случае любил вспомнить этот эпизод из своего прошлого.

Никто из более-менее крупных руководителей не понёс ответственности за произошедшее в Новочеркасске. Разве что секретарь ростовского обкома Басов был снят с должности («недосмотрел») и переведён сначала на Кубу, а потом послом в Румынию и Чили.

Пик интереса к новочеркасским событиям пришёлся на 90-е годы, когда тема преступлений коммунистов была актуальна. В нулевые прежний накал спал, и о трагедии постепенно стали забывать. В последнее время самые радикальные сетевые адепты СССР даже выстроили конспирологическую теорию о том, что никаких возмущённых рабочих не было, а были недобитые власовцы, но эта теория считается безумной даже в среде более адекватных красных.

Новочеркасские события стали завершающим аккордом хрущёвской «оттепели». Несмотря на кажущуюся либерализацию режима, именно на «оттепель» пришлись самые кровавые протесты. При Сталине в таких случаях до большой крови старались не доводить, либо забалтывая протестующих, либо умело переправляя накипевший гнев на внутренних врагов: шпионов, троцкистов и вредителей. При Хрущёве за десять с небольшим лет произошли массовые волнения в ГДР, Венгрии, Польше, Грозном, Тбилиси, Краснодаре, Новочеркасске. Почти все они закончились значительными человеческими жертвами.

Собственно, это и есть глубоко шизофреническая суть хрущёвской системы (и советской власти вообще): рассказывать про демократизацию общества и развенчание культа личности Сталина и одновременно стрелять по тем, кто принял эти лозунги за чистую монету.

Атаманша

Героиня моего повествования – женщина, которая яркой кометой пронеслась по страницам истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, никого не оставив равнодушным. О ней известно очень много и в то же время почти ничего, даже настоящее имя её не установлено, а факты о её жизни и похождениях при ближайшем рассмотрении развеиваются как дым, являясь либо фантазиями, либо откровенной клеветой. Какие только имена ей не приписывались – атаманша Маруся, Манька-Шарабан, цыганка Маша, Мария Михайловна Глебова, Мария Глебова-Семёнова, Мария Семёнова, Роза Розенфельд, Мариам-ханум Нахичеванская, Мария Вотчер. Место рождения тоже выбирайте на вкус: деревня в Тамбовской губернии, цыганский табор в Бессарабии, Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) на Кавказе. Вот только место упокоения известно доподлинно: Египет, Каир, греческое православное кладбище в Старом городе.

Пресса про неё писала разное. По одной из версий Глебовой она была по первому мужу – вице-губернатору Саратовской губернии, а на Дальний Восток сбежала от опостылевшего мужа. Субсидируемая Семёновым газета «Русский Восток» сообщала, что Маша – дочь простого крестьянина, на которой женился, сгорая от страсти, уже не саратовский вице-губернатор, а вовсе даже тамбовский губернатор. Но Глебова и в этой ипостаси бежала от нелюбимого мужа в Сибирь.

По другой Маша была дочерью тамбовского крестьянина, в юности служила горничной у помещицы Кашкаровой в городе Козлове. В доме часто бывал дальний родственник, лицеист Юрий Каратыгин, в которого она влюбилась. Юрий научил девушку играть на гитаре, что помогло ей в дальнейшем. Летом 1918 года в город ворвались красные. Молодые люди успели добежать до поезда, но Юрий был застрелен на подножке вагона. Девушку буквально втащили в вагон попутчики. От прежней жизни у неё осталась только гитара. Поезд увёз её в Забайкалье, на станцию Даурия. Там она стала певичкой у армянина-ресторатора. В своих мемуарах «Семейная хроника» об этом подробно рассказала писательница Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс, мать которой, Александра Гастонова Сиверс, лично встречалась с Машей Семёновой-Глебовой как на Дальнем Востоке, так и за границей, а ещё якобы хорошо её знала до революции, т. к. их с помещицей Кашкаровой имения были по соседству. Красивая история. Вот только гардемарин Константин Слюз в своих воспоминаниях пишет, что встретил Марию в ок-

тябре 1917, за несколько дней до революции, во Владивостоке, на балу в Морском офицерском собрании в честь приезда гардемарин из Петрограда: «Среди приглашённых оказалась «цыганка Маша», будущая походная жена атамана Семёнова. За ней волочился целый хвост гардемарин... Там её выбрали «королевой бала». Слюз хорошо её знал, Мария приняла впоследствии участие в судьбе его самого и ещё четверых гардемарин в Забайкалье. Ну не было тогда ещё ни белых, ни красных. Не могли в Морское собрание пустить кафешантанную певичку. В ресторан на станции Даурия она могла попасть после установления советской власти во Владивостоке, однозначно. Там она пела под гитару знаменитые в период революции куплеты «Ах, шарабан мой, американка, а я девчонка и шарлатанка...», отсюда и прозвище. По воспоминаниям современников была, что называется, неплохо сложена и чертовски хороша собой.

В начале 1918 г. в привокзальном армянском ресторанчике «Палермо» на станции Даурия она познакомилась с Григорием Семёновым, который в то время находился в официальном браке и даже имел ребёнка. Говорят, что однажды, услышав, что из-за полного отсутствия средств (не было денег даже на корм лошадям) отряд атаману придётся распустить, Мария завязала в платок свои золотые колечки и серёжки, пришла к Семёнову и попросила принять её пожертвование. Как-то так совпало, что именно в этот период к атаману со всех сторон потекли деньги. Суеверный Семёнов решил, что этим он обязан Маше. Довольно скоро некогда «повязанная на русский манер платочком» хорошенькая молодая женщина обзавелась соболями и жемчугами и даже собственным поездом. Известно, что в те годы Мария пользовалась популярностью среди простого народа, к ней то и дело обращались за помощью. Репортёры тех лет называли её «божественным цветком» и «небесным лотосом».

Семёнов влюбился в неё так, что бросил своих жену и сына Вячеслава (1915 г. р.). Он развёлся с первой женой Зинаидой Дмитриевной, дочерью генерала Манштейна. Хотя все разводы и венчания атамана не подтверждены документально, если честно. Церковный развод получить было архисложно. Ведь почему-то когда через несколько лет Григория Семёнова держали в американской тюрьме, Зинаида Дмитриевна объявила репортёрам, что является единственной законной женой. Возможно, что так оно и было, и если она не давала ему согласия на развод, то все его последующие браки и даже дети незаконны.

Атаман Г. М. Семёнов с первой женой Зинаидой Дмитриевной, в девичестве Майнштейн

С той поры почти на два года Мария Михайловна стала сожительницей (по другим данным, законной женой) и «атаманшей» Забайкальского казачьего войска. Имея большое влияние на Семёнова, она вскоре распространила своё влияние и на подчинённых атамана.

Для борьбы с растущим влиянием Глебовой её недоброжелатели распустили слух, что атаманша Маша – крещёная еврейка из Иркутска, её настоящая фамилия Розенфельд. Девчонкой она якобы сбежала из родительского дома, была проституткой, потом стала кафешантанной певичкой. Заодно эта версия объясняла загадочную историю формирования Семёновым легендарной еврейской пехотной роты – вообще-то, вещь для казачьего войска немыслимая. Интересно, что все, кто пишет о Семёнове, стараются упомянуть эту самую роту как доказательство широты взглядов атамана и как героическую борьбу евреев с красными. Читал я как-то воспоминания одного из этих «золоторотцев». Весьма забавно описывается, как еврейская рота всё время формировалась при каких-то складах и доперестроивалась, перейдя вместе со складами на сторону красных. Потом, при советской власти, участники данного гешефта без стеснения получали усиленный паёк красного партизана. Сплошной анекдот! А вот про проституцию, скорее всего, клевета. Опять же вернёмся во Владивосток октября 1917 года. Деятельность проституток регулировалась законом, осуществлялась под надзором полиции, и представить себе проститутку в Морском собрании, да ещё выбранную королевой бала – это надо обладать буйной фантазией на грани клинического сумасшествия.

Часто её называют женой атамана Семёнова, настолько часто, что это может быть и правдой. Кстати, насчёт жены: известно, что

вскоре после покушения на Семёнова в Мариинском театре был устроен грандиозный обед стоимостью 40 тыс. рублей в честь его помолвки с Машей, затем, когда она посещала Японию, кажется, весной 19-го, где представляла интересы атамана в японских банках, то она представлялась Семёновой, так что всё могло быть в те революционные времена. «Загорелая, изящная, поразительно красивая, одетая в шелка, кружева и меха, с жемчужным ожерельем на шее» – такой увидел её священник отец Филофей, прибыв следом за ней в японскую столицу. Маша выступала здесь в качестве официальной супруги атамана. Она поселилась в гостинице «Сейюкен» с баснословно дорогими номерами, произносила речи на банкетах, принимала корреспондентов, рассказывая им, что лишь благодаря ей Семёнов и сумел так возвыситься, а заодно покупала себе роскошные платья и драгоценности.

Как бы то ни было, любовниц у Семёнова имелось много, да и жён, официально признанных, целых две, однако всем им до Машки-цыганки – как до неба пешком, потому что красивая, экстравагантная, одетая в меха, меняющая драгоценности так, что была прозвана японскими журналистами «королевой бриллиантов», разъезжающая на собственном поезде, Маша была самой настоящей атаманшей.

В то время среди широкой публики бытовало мнение, что для того, чтобы решить тот или иной вопрос, необходимо предварительно заручиться поддержкой Маши-Шарабан. Говорили даже, что Маша имеет влияние на атамана Семёнова гораздо больше, чем японский капитан Куроки, во всяком случае, со стороны людям казалось именно так. В доме, где в Чите жил генерал Семёнов, постоянно толпились какие-то просители и ходатаи, но все они шли

Мария Глебова, единственная фотография

с заднего крыльца на приём к Марии Михайловне – хозяйственные вопросы Забайкалья решала именно она. Шли владельцы приисков за лицензией и охраной, шли голодные за куском хлеба, безработные в поисках работы, беженцы в надежде на какой-нибудь приют. Старожилы Читы говорили, что она не отказывала никому. Давайте просто назовём вещи своими именами – её любил.

Автор заметки о ней в берлинской газете «Голос России» писал, что Маша отличалась «беспринципностью и жадностью, которые развиваются в молодых женщинах, принуждённых добывать телом средства к существованию», и вместе с тем признавал за ней «известную широту натуры»: «В пьяные минуты готова была отдать последнее. Её состояние оценивали в два миллиона рублей, но еврейская кровь не помогла ей разумно распорядиться деньгами. По природной доброте и лёгкости характера эти миллионы были пущены на ветер».

При этом именно ей молва приписывала загадочную смерть жены начальника штаба Особого маньчжурского отряда генерала Нацвалова, тоже бывшей актрисы и красавицы, но вдобавок ещё и поэтессы. В Харбине у неё был недолгий роман с Семёновым, прекратившийся после знакомства атамана с Машей. Уязвлённая Нацвалова ей этого не простила и позднее, в Чите, возглавила антисемёновскую фронду: в её доме собирались недовольные режимом, из её салона и, видимо, из-под её пера выходили анонимные стихотворные памфлеты на атамана и его любовницу. В итоге Нацвалова таинственно исчезла, лишь несколько месяцев спустя её труп с отрезанной головой случайно был обнаружен в Сретенске, в заколоченном ящике. Преступление осталось нераскрытым, в качестве похитителей и убийц назывались близкие к Семёнову офицеры. Многие считали их не более чем орудием в руках мстительной «атаманши», но точно так же можно предположить, что из желания выслужиться перед ней эти люди лишь воплотили в жизнь её тайные желания. Вскоре якобы покончил с собой генерал Нацвалов. Мне видится скорее скрытая расправа атамана над заговорщиками, не надо настолько демонизировать бедную женщину, генералов смещать и убивать – не её уровень.

Не довольствуясь ролью любовницы, Маша активно вмешивалась в политику. Агенты колчаковской контрразведки доносили в Омск, что она, стараясь привлечь к себе симпатии офицеров, платит за них карточные долги. Полковники и генералы добивались её расположения, но вот барон Унгерн относился к ней враждебно – может быть, ещё и по-

тому, что слухи о семитском происхождении «атаманши» не были для него секретом. В Забайкалье на разные лады и с разными подробностями пересказывали не то действительный случай, не то анекдот, суть которого состояла в том, что барон с солдатской прямоотой указывал старому приятелю, кем, в сущности, является его подруга. «Раз как-то, – в эпическом стиле повествует один из рассказчиков, – Семёнов решил посетить «орлиное гнездо» своего генерала и выехал в Даурию с возлюбленной куртизанкой Машенькой. Барон проведал об этом и послал навстречу ему курьера с ультиматумом: «С Машкой – бл... дью не приезжай. Приедешь, её прикажу выпороть, а тебя выгоню». Пришлось Семёнову оставить свою пассию где-то по дороге». А ещё говорили, что подаренную атаманом Унгерну арабскую кобылицу тот назвал Машкой. Осенью 1920 года Григорий Михайлович Семёнов всерьёз увлёкся семнадцатилетней Еленой Викторовной Терсицкой, служившей машинисткой в его походной канцелярии. Уроженка Оренбургской губернии, дочь священника, после разгрома Колчака она пришла в Забайкалье вместе с братом, капеллевым офицером. Как сообщали харбинские газеты, невеста благородно отказалась от свадебного подарка, взамен попросив помочь деньгами интернированному в Синьцзяне земляку (по другим сведениям, родственнику), атаману Дутову. Якобы жених проявил сказочную щедрость и отправил ему 100 тысяч рублей золотом. Согласно ещё более сусальному варианту этой истории, таково было предварительное условие, лишь при выполнении которого Терсицкая соглашалась отдать Семёнову руку и сердце. Однако люди, лично знавшие его избранницу, не обольщались относительно её благородства. По мнению генерала Ханжина, Маша, «при своём взбалмошном характере и своей нравственной испорченности» была добрым человеком, а Терсицкая – «самолюбивая, мстительная и чрезвычайно злая». В его рассказе обстоятельства женитьбы атамана выглядят следующим образом: Семёнов, при отъездах Маши не брезговавший случайными связями, прельстился красавицей-машинисткой, но та, будучи девицей неглупой, на связь не пошла, предложив жениться на ней. По уши влюблённый Семёнов попался на эту удочку. Внезапная страсть вспыхивает в нём как нельзя более вовремя, прекрасная Елена помогает ему смириться и с утратой власти над Забайкальем, и с крушением монгольских планов. Вряд ли ей с такой лёгкостью удалось бы женить на себе атамана в зените его славы. Через несколько лет она его бросит. Отправившись на лечение в Европу, закрутит роман

с будущим светилом нацистской Германии профессором медицины Эрихом Хайде. Григорий Михайлович даст ей развод. Детей его будет воспитывать уже следующая жена, официантка вагона-ресторана Зинаида Васильевна Батурина, с которой генерал познакомится в поезде. Она умрёт в 1945 году от саркомы незадолго до освобождения Китая Красной Армией.

Но вернёмся к нашей героине. Она получила от атамана приличные отступные в золоте, что, скорее всего, говорит о законности её брака. Ещё раз повторю, что в те времена обязательно было получить согласие на развод, оно и было получено за очень хорошие деньги. Так закончилась карьера Маши-атаманши.

Далее обратимся к воспоминаниям архимандрита Спиридона (Ефимова). В 1920-м году через Читу отец Серафим вёз тело Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и останки ещё нескольких человек, казнённых большевиками (алапаевские Августейшие мученики). Елизавета Фёдоровна – это сестра последней императрицы, на момент ареста и гибели была настоятельницей Марфо-Мариинской обители. «Кто-то посоветовал обратиться к «Машке-Шарабан» – она, дескать, славная...». По его словам, Маша помогает им вывезти останки великой княгини Елизаветы Фёдоровны и её келейницы, расстрелянных красными 5 июля 1918 года в Алапаевске, щедро оплатив переезд. 5 марта 1920 года все 8 гробов были вывезены отцом Серафимом по КВЖД в Хайлар (Внутренняя Монголия). В итоге останки Великих князей похоронены в Пекине, а Елизаветы Фёдоровны в 1921 году были доставлены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. Так вот, начиная с Читы, Маша оказала как лично, так и через атамана Семёнова, помощь, финансовую и организационную, отцу Серафиму в связи с его скорбной миссией. Более того, она сама присоединилась к этой миссии и таким образом оказалась на Ближнем Востоке, если точнее, то в Святой Земле. Затем бывшая атаманша поселяется в Париже, где, имея свою «законную» долю золотых слитков, начала новую жизнь. Писали, что она открыла ресторан «Золото атамана». Позвольте не поверить. Ага! А на дверях написала: «Открыт на золото уворованного золотого запаса Российской Империи».

Там она в 1923 году вышла замуж за хана Георгия (Юрия) Нахичеванского – сына известного царского военачальника, бывшего генерал-адъютанта и командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Гуссейн-хана Нахичеванского, бесследно

сгинувшего в застенках ЧК. Не знаю, как там относительно большой любви, но с этого момента нищий аристократ и бывший поручик лейб-гвардии Конного полка Юрий Гуссейнович вновь приобрёл привычку курить дорогие сигары, ездить на таксо и играть на скачках и на бирже. Затем молодой хан занялся спекуляцией земельными участками.

18 апреля 1924 года у них родился первый ребёнок – Никита, который впоследствии стал офицером Египетской армии, через год – дочь Татьяна, 21 января 1927 года – Мария. В конце 20-х годов семья Нахичеванских переехала во Французскую Сирию (Ливан), где в Бейруте Юрий создал представительство компании «Форд» на Ближнем Востоке. К Марии Михайловне обращались почтительно: «ханума». Узнав о казни генерал-лейтенанта Семёнова, Мария заказала молебен, и год не снимала траур. Муж не возражал.

Мария Нахичеванская прожила до 1974 года, умерла в Каире и погребена в Старом городе на кладбище греческого православного монастыря Святого Георгия. На её надгробии указаны годы жизни 1897–1974, а также то, что она урождённая Vatchare, и место её рождения Темир-Хан-Шура (ныне город Буйнакск в Дагестане). Не знаю, на каком языке написана её якобы девичья фамилия. Если читается Вотчер, то фамилия вполне себе может быть немецкой или еврейской, а если Вачар, то тут прослеживаются армянские корни. Не у всякого шпиона столько тайн можно найти в биографии и имени. Надо добавить, что в справочнике по русской эмиграции Мария Нахичеванская значится как литератор. Произведения, вышедшие из-под её пера, мне, к сожалению, неизвестны.

С. Косяченко

30 августа 1946 года по приговору Военной коллегии Верх. суда СССР был казнён атаман Григорий Семёнов... В 1994 году Военная коллегия Верх. суда РФ отказала в его реабилитации.

Семёнов относился к той части русской эмиграции, которая поддержала нацистов и Гитлера. В 1933 году он отослал Гитлеру письмо, в котором писал:

«Мы, русские националисты, вынужденные перебиваться, разбросанные по всем государствам земли, видим и знаем... прежде чем не будет развеваться над Россией национальный флаг русских фашистов, мир не может прийти к спокойствию...».

Семёнов говорил: «Победа Гитлера будет поражением не народа, а Сталина!».

<http://forum-msk.org>

«Мы давали присягу Вере, Царю и Отечеству...»

По поручению потомков оренбургских, уральских, сибирских, семиреченских, енисейских, забайкальских, амурских казаков, проживающих в Ново-Николаевской губернии (Новосибирской области), публикацию подготовили И. Клепов, А. Оборкин, сибирские казаки МКС-ЦА.

Биография Григория Михайловича Семёнова известна во многих подробностях. Но советская «мифология» оставила нам несколько разных версий, описывающих его арест в 1945 году в Китае. Вне всякого сомнения, достоверен опубликованный в московской газете «Труд» (2001 г. – 25 апреля) рассказ младшей дочери атамана Елизаветы Григорьевны Явцевой (урождённой Семёновой), которая присутствовала при аресте, запомнившимся ей на всю жизнь.

В октябре 1919 г. Походный Атаман Дальневосточных Казачьих Войск, Войсковой Атаман Забайкальского Казачьего Войска, Генерал-Майор Семёнов был назначен Военным Губернатором Забайкальской Области и Помощником Главнокомандующего Вооружёнными Силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа.

На подконтрольных территориях Семёнов установил военную диктатуру с реставрацией имперских порядков. Задачей Белого движения считал спасение русской государственности путём восстановления в России власти Династии Романовых – и это была ещё одна причина его разногласий с подконтрольными Антанте белыми вождями, которые не могли провозгласить эту цель так же открыто.

Когда в ходе отступления белых чехословаки задержали Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, пытавшегося помешать ограблению ими Белой армии, Атаман Семёнов направил для его освобождения 2 пехотных полка и 3 бронепоезда, но их предательски разоружили восставшие эсеры, действовавшие

уже на стороне красных. 27 декабря 1919 г. Семёнов открыто обвинил представителя Антанты французского генерала Жанена в поддержке большевиков и вызвал его на дуэль, последний отмолчался. Атаман пригрозил атакой на чехословацкий поезд в случае невыдачи ими Колчака, но возможностей для этого уже не оставалось. По решению Антанты командование Чехословацким корпусом было передано 6 января 1920 года Иркутскому большевистско-левоэсеровскому Политцентру, которому Жанен выдал Адмирала Колчака. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян Иркутским ревкомом.

Последним указом Колчака от 4 января 1920 года Семёнову была передана власть в Сибири. Это говорит о том, что при всех разногласиях с Семёновым Верховный Правитель считал его взгляды и политику наиболее подходящими для Белого дела. С отходом в Забайкалье остатков Армии Генерального Штаба генерал-лейтенанта В. О. Каппеля (около 20 тысяч измождённых и больных офицеров, солдат и казаков) Семёнов объединил командование над ними и своими войсками.

«Указ Верховного Правителя. 4-го января 1920 года, г. Нижне-Удинск.

Ввиду предрешения мною вопроса о передаче ВЕРХОВНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ власти Главнокомандующему Вооружёнными силами Юга РОССИИ Генерал-Лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний в целях сохранения на нашей РОССИЙСКОЙ Восточной окраине оплота Государственности, на началах неразрывного единства со всей РОССИЕЙ:

Предоставляю Главнокомандующему Вооружёнными Силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа Генерал-Лейтенанту Атаману СЕМЁНОВУ всю полноту военной и гражданской власти на всей территории РОССИЙСКОЙ Восточной Окраины, объединённой РОССИЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ властью.

Поручаю Генерал-Лейтенанту Атаману СЕМЁНОВУ образовать органы Государственного Управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный Правитель Адмирал Колчак, Председатель Совета Министров В. Пепеляев, Директор Канцелярии Верховного Правителя Генерал-Майор Мартынов».

Е. Г. Явцева рассказывает:

«В начале августа 1945 г. нам стало известно из средств местной массовой информации, что советские войска перешли границу и движутся

в глубь Маньчжурии. В Дайрен войска пришли 31 августа или 1 сентября, точно не знаю, но навсегда запомнила, что задолго до них, а именно 22 августа на аэродроме между нашим посёлком и Дайреном высадился специальный десант. Это случилось так.

Во второй половине дня в небе низко пролетели и повернули в сторону аэродрома несколько самолётов с советскими опознавательными знаками. Примерно через два – два с половиной часа к нашему дому подъехал автомобиль. Из него вышли пять человек. Один из них был штатский – шофёр советского консульства (мы его знали), четверо – военные, офицеры. Трое были вооружены автоматами, причём держали их наизготовку, а четвёртый, майор, был с револьвером (или пистолетом) в руке.

В это время сестра Тата (Татьяна), я и наш трёхлетний племянник Гриша гуляли в саду перед домом, недалеко от ворот, всегда настежь открытых. А отец с нашим братом-инвалидом Мишей сидели в тени на открытой галерее, опоясывающей дом по второму этажу. День был жаркий, я даже помню, что отец тогда был в шортах и белой футболке.

Мы с сестрой, увидев военных, сразу замерли на месте, а они быстро подошли к нам, спросили строго и громко: «Где ваш отец?». Отец, видимо, всё видел и вопрос услышал. Он подошёл к перилам и тоже громко ответил: «Я здесь, господа офицеры!». И тут же велел нам проводить военных в дом.

Мы с Татой открыли парадную дверь и, как полагается, предложили офицерам войти. Но они в ответ резко и строго приказали: «Входите первыми!» – и продолжали держать автоматы наготове. Мы провели «гостей» в гостиную, где их уже ожидали отец и его старый друг, соратник по Первой мировой и Гражданской, генерал-майор Е. Д. Жуковский (он всегда жил в нашей семье на правах близкого друга отца). Настороженно оглядываясь вокруг и всё время держа автоматы наготове, военные вошли в гостиную. Убедившись в том, что никакой засады нет и что никто им не оказывает сопротивления, офицеры по приглашению отца сели и положили автоматы на колени. После этого мы с Татой вышли.

Наш брат Миша был старше нас (ему было в то время 22 года, моей сестре Тате – 17, а мне – 15 лет), он хорошо понимал, зачем пришли офицеры, и в нескольких словах всё объяснил нам. Встревоженные, мы, конечно, уже были не в состоянии далеко отойти – стояли все трое поблизости у открытых дверей и прислушивались к тому, что происходит в гостиной. А там шла беседа на вполне ровных и мирных тонах, никто даже голоса не повышал. По отдельным словам и фразам мы могли понять, что разговор шёл то о Второй мировой войне, то о первой. (И та,

и другая – с Германией; и царские, и, наверное, советские офицеры прошли через фронт.)

Беседовали очень долго. Уже вечерело. Гостиная, где они сидели, через арку переходила в столовую. По заведённому порядку, когда наступило время, к отцу подошёл наш повар и спросил, можно ли подавать ужин. Прежде чем ответить, отец, по закону гостеприимства, предложил «гостям» отужинать. Те охотно согласились. Потом и нас позвали.

Ужинали все вместе. За большим нашим столом, кроме приезжих-военных, сидели и мы все: отец, Е. Д. Жуковский, наш брат Миша, мы с Татой и маленький внук отца – сын нашей старшей сестры Елены – Гриша. (Елена была замужем, жила в Харбине, а сына привезла к нам на лето.) Ужин был весьма скромный, какими были трапезы у всех в те военные времена. Ну и, конечно, никакого вина не было и в помине.

Я думаю, нет нужды объяснять, что все мы пережили в тот день – драматичность события очевидна. Поэтому всё происходившее врезалось в память, всё помнится так, будто было вчера.

За столом сидели долго, пили чай, беседовали. Когда всё закончилось, кто-то из военных спросил: «Ну а каких же убеждений вы, господа, придерживаетесь сейчас?». Не ручаюсь за дословность, но отец и Жуковский единодушно ответили примерно следующее: «Всё тех же, что и в Гражданскую войну, – за которые у вас расстреливают. Мы – русские офицеры, мы давали присягу Вере, Царю и Отечеству, и ей, этой присяге, остались верны – революцию не приняли и боролись с большевизмом до последней возможности...».

Вскоре после этого майор (наверное, он был там главным), заявил, что им пора ехать и что отец должен поехать с ними. Мы поняли, что отец арестован. Миша, наш брат, помнится, как-то держался, а мы с Татой заплакали. Майор, увидев, что мы плачем, неожиданно стал успокаивать нас: «Не надо плакать, я вам ещё привезу вашего папу, через несколько дней привезу...». Отца офицеры увезли с собой, а Жуковского оставили, почему-то не арестовали в тот раз (хотя он тоже было засобирался).

Мы верили и не верили майору. Но на четвёртый день рано утром увидели, что к нашему дому подъехал автомобиль. За рулём был тот самый майор, а рядом с ним наш отец. Больше никого с ними не было. Майор выполнил свое обещание – привёз отца. И я до сих пор не понимаю и удивляюсь: зачем, почему он это сделал? Какими чувствами или соображениями он был движим?

Как бы то ни было, но весь этот день отец провёл с нами. Мы помогли ему собрать необходимые вещи – смену белья, одежды и прочие мелочи. Вместе с нами всё время находился и майор. Пока мы всё собирали, он с интересом осматривал кабинет отца. Там был портрет

последнего русского императора – Николая II, и висела красивая икона Св. Георгия Победоносца. На комодке лежала главная награда царя, гордость отца – именно «Золотое Георгиевское оружие» (шашка). А рядом с шашкой была шкатулка – в ней хранились остальные четырнадцать боевых наград за ту, Первую мировую войну. Тут же, на комодке, всегда стояла скромная фотография матери отца, нашей бабушки, и лежал небольшой выцветший мешочек – кисет с горстью русской земли.

Потом мы все пообедали, а после обеда перешли в гостиную. Майор увидел там открытое пианино, спросил, кто из нас играет, и когда все указали на меня, попросил сыграть что-нибудь... Наверное, ноты были открыты на странице, где была «Баркарола» Чайковского, потому что я хорошо помню, что сыграла именно «Баркаролу». Майор очень лестно отозвался о моей игре. И дальнейшие слова майора я тоже хорошо запомнила. Он сказал: «Вот переедете в Советский Союз и там завершите своё музыкальное образование – консерваторий там много. И не тревожьтесь – у нас в СССР по нашей сталинской конституции дети за отца не отвечают».

Вполне возможно, что майор говорил искренне. Но увы!.. Через два года и одиннадцать месяцев (24 июля 1948 г.) мы, три сестры – Елена, Татьяна и я – были арестованы, увезены в Союз, в так называемые «внутренние тюрьмы КГБ» (тогда – МГБ), а потом в Сибирь, в сталинские лагеря. Братьев наших, Вячеслава и Михаила, забрали вслед за отцом, в том же 1945 году. Всем нам, детям атамана Семёнова, «дали» по 25 лет. Кроме Михаила – инвалида с детства. Его расстреляли в Уссурийске 18 марта 1947 года.

На этом наше свидание с отцом ещё не закончилось. Наш дом был расположен примерно в трёхстах метрах от моря. Не знаю, по чьему предложению, но отец и майор сходили туда вдвоём ближе к вечеру. Ходили недолго – искупались и вернулись.

А потом ещё был вечерний чай. Отец чувствовал приближение расставания, его вну-

тренняя тревога передавалась и нам. Это была последняя трапеза отца в своём доме, в кругу семьи. После чая майор обратился к отцу по имени-отчеству и сказал, что пора ехать. Отец энергично встал из-за стола. Мы все перешли в гостиную, по русскому обычаю присели на дорожку и помолчали. Затем отец взял небольшой свой чемоданчик, и мы двинулись к выходу.

...Мы подошли к машине, стоявшей у ворот. Отец поставил чемоданчик в машину и повернулся к нам. А майор закурил и, наверное, сочувствуя, понимая напряжённость момента, деликатно отошёл в сторону. Отец нас по очереди перекрестил, поцеловал каждого и сказал прощальные слова. Он произнёс их один раз, а у меня они всю жизнь звучат в ушах. Вот его слова: «Прощайте, дети... Я лишил вас Родины, а теперь вот возвращаю. Наверное, ценой своей жизни. Я был всегда противником большевизма, но всегда оставался русским. Я любил Россию и русским умру. А был я прав или не прав – покажет время. Живите честно. Если не сможете, не будете в силах делать добро людям, то хоть не творите зла. Живите по-христиански. Ну, прощайте...».

Потом он отвернулся, быстро сел в машину. Майор посмотрел на нас, кивнул нам, прощаясь, сел за руль – и они тронулись в путь. Больше мы отца не видели никогда. О его трагической кончине мы узнали только из газет».

Для нас, живущих в начале 21-го столетия, важны два вопроса, освещённых в этом сюжете: за что воевал с большевиками Забайкальский Атаман; и как вёл себя Герой Второй Отечественной (Первой мировой) войны, генерал-лейтенант Г. М. Семёнов во время и после ареста, перед лицом смертельной опасности. Незаурядная личность Атамана Семёнова вошла в Историю. Память о нём живёт в современниках, а забайкальские казаки до сих пор называют себя семёновцами.

Напечатано (впервые): Русский Вестник. – М. – 2010. – № 1. – С. 13.

<http://iks2010.info/?p=100770>

Литературная страница

А. Толкачёв

Обида

– А всё началось с того самого ушлого северянина. Помните, был фильм «Архангельский мужик»? – спросил Пётр Аксёнов, оглядывая собравшихся за столом гостей.

– Напомни, про что это? – Витька Карпухин, круглый, лоснящийся от самодовольства мужик, с маленьким носом-пуговкой на лице и

большим ярким галстуком на широкой груди, подозрительно уставился на Петра Аксёнова голубенькими глазками.

– Да того мужичка давно уже раскулачили, давно в Нарыме гниёт. Точно! У нас это быстро делается! – громко и зло сказал Пётр Фёдорович, человек громадного роста, с бельмом на пра-

вом глазу и громовым командирским голосом. Ещё одна внешняя особенность его заключалась в том, что был он всегда слегка пьян и потому вечно имел оранжевый цвет лица. – Таких кулаков надо всех в кулаке держать. Вот так!

И, несмотря на жену, дёргающую его за рукав, показал, как бы он это сделал. А кулак у двухметрового Петра Фёдоровича был огромный.

– Дурак ты, тёзка! – незлобно проворчал Пётр Аксёнов. – Таких мужиков выращивать нужно как элитную пшеницу. Законом охранять!

– Да фильм-то про что? – занервничал Витька Карпухин, любивший всегда быть в центре внимания и в курсе всех событий, происходящих здесь ли, рядом, или же хоть в самом московском Белом Доме.

Фильм он не видел, и это выводило его из себя: что-то интересно-скандальное прошло мимо, а он не имеет об этом понятия.

– А про то, – захрохотал голосом Пётр Фёдорович, – как кулаки верх над нами берут! Это что же такое получается? Они в колхозе работать не хотят, хотя на своей ферме вкалывать. А мы им помогать должны, законом охранять? Может, их в Красную книгу вписать прикажешь?

– Да не кричи ты, не кричи! Глухих нет! – попыталась успокоить мужа жена, знавшая привычку Петра Фёдоровича орать по любому поводу и в любой обстановке, как на строевом плацу.

– А ты подумай, почему он на колхозной ферме ишачить не хочет? Почему на хутор рвётся? – неожиданно завёлся и Пётр Аксёнов.

– Да потому, что денег ему в колхозе, видите ли, мало платят! А на своей ферме – заметь: на своей! – он по тысяче рублей в месяц выколачивает, кулак! Типичный кулак-мирод!

– Нет, ты постой! Он что ворует эти деньги? – разозлился Аксёнов.

– Нет! – рявкнул Петр Фёдорович. – Но лучше бы он воровал, это было бы мне понятнее: несознательный элемент. А тут ведь другое... Ты знаешь, чем пахнет?... На колхозной ферме ему работать не нравится, он свою строит! Ишь, фермер нашёлся, капиталист! Да за такие дела...

– А что в этом плохого?

– Всё плохое. Неизвестно до чего мы так докатимся. Позиции сдаём, позиции... Никакого коммунизма такие не сделают, всё по своим участкам растащат. А ему, этому кулаку, шею-то уже свернули. И другим свернут, дай срок. Мне верные люди точно сказали... И правильно! Понимаешь, – обратился Пётр Фёдорович за помощью к обиженному невниманием Витьке Карпухину, – директор совхоза ему говорит: не стройся там! А он: хочу и строюсь! Где порядок? Порядок где, спрашиваю? Распустились без хозяина!

Пьяные глаза Петра Фёдоровича налились кровью.

– Так разве лучше, если пятьсот коров тысяча колхозников выращивает? Он же один с семьёй шестьдесят бычков держит. Один!

– Держал. Запомни это: держал! А к ним и работника ещё впридачу! Да, работника! Чистейшей воды капитализм в стране развели... Ты вот на меня посмотри, покумекай, как я свою жизнь прожил. Ведь на мне всю историю страны можно изучать, как на экспонате. – Пётр Фёдорович большим языком облизал пересохшие губы. – До войны колоски в поле собирал, с голода пух. Потом война. После двадцати лет армии пришёл майором домой, а жить негде. Но я не ныл! Построился. Сам построился, никто не помогал. Хоть деньги нищенские получал, а хату слепил не хуже других. И детей вырастил. Я горбom деньги зарабатывал, кровью, пролитой за родину, а о таких тыщах и слышать не слыхивал. Это у меня сейчас военная пенсия 200 рублей, заработок приличный. А тогда?... А он, понимаешь, дай ему!.. И сразу всё дай: деньги, технику, жизнь красивую. Волю... Я бы ему дал, кулаку, волю!

– Какой же он кулак? – попытался ещё раз пробиться к сознанию Петра Фёдоровича Аксёнов.

– А такой!.. Ферму имеет на шестьдесят бычков? Имеет. Работника держит? Держит. Власти не признаёт? Не признаёт. Сам себе голова. Вот он и есть форменный кулак. Деньгу лопатой гребёт!

– Ну и что? Он же своим трудом всё зарабатывает. И работник у него не работник вовсе, а компаньон, в доле с ним поровну. Это же понимать нужно... Тебя послушать, Пётр Фёдорович, так к коммунизму быстрее всего с нищенской сумой прийти можно. С ней все равны. Все беспортошные!

– Да что ты так за него вступился? Брат он тебе, сват?... Мы таких живоглотов на фронте... быстро в расход пускали. Нечего воздух портить, понимаешь!

– Да, на фронте... – подхватил знакомую тему Витька Карпухин. – На фронте мы бы такого... Вот, помню, случай был...

Дальше Яков Алексеевич слушать не стал, тихонько поднялся и вышел из-за праздничного стола. Ухода его никто не заметил, потому что был Яков Алексеевич всегда тих, неприметен во всём, и никогда и ничем не привлекал к себе постороннего внимания. Споры не любил, в склоки не ввязывался, и жизнь его текла на глазах людей ровно, ничем не примечательно. Вот, пожалуй, только одеждой выделялся он среди сверстников, умением держаться с достоинством в самых невероятных ситуациях. Одевался он, можно сказать, даже модно, со вкусом, не присущим подавляющему большинству людей его поколения. Солидность, достоинство же его были обманчивы, так как многие принимали за них его холодную молчаливость, сдержанность при посторонних и начальстве и присущее ему некое созерцательное отношение к жизни, отчуждающее Якова Алексеевича от мелочности бытия. На вид ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят лет, всё зависело от того, какое сегодня было настроение у этого странного человека: если весёлое, то выглядел он моложе, если чем-то был расстроен, то как бы сжимался, усыхал всем телом, становясь старше своих шестидесяти пяти.

Сюда, на день рождения Петра Аксёнова, пригласил его и жену Якова Алексеевича Анну сам именинник, старинный, послевоенный друг их семьи, единственный человек, к которому тянулся Яков Алексеевич всю жизнь, с которым был откровенным до конца...

Как-то так вышло, что, встретившись в сорок восьмом с Петрухой в санатории, где оба отлеживались, залечивая фронтовые раны и контузии, они потом не расставались все эти годы. Сорок лет – срок немалый, за это время они сроднились друг с другом, сдружились семьями, как не дружат и родные братья. С годами, правда, стали встречаться реже, но на именины, на Новый год, 7 ноября, Первое мая и, чего уж скрывать, на Пасху, Родительский день поочерёдно собирались друг у друга регулярно. В Бога они не верили, но была какая-то притягательная сила в том, чтобы собраться именно в Родительский день и вспомнить своих безвременно ушедших родителей, помянуть добрым словом всех усопших друзей, родных... Была в этом потребность души, потребность в воспоминаниях, потребность в возвращении в прошлое... Обычно в такие дни никого из посторонних друзья не приглашали к себе. Им было хорошо в их маленькой компании, дающей им нечто большее, чем могло бы дать любое многочисленное собрание... Но всё же иногда Пётр любил собирать шумные застолья в свои именины, приглашая всех без разбора. Вот и сегодня

собралась пёстрая компания, к которой никак не лежала душа Якова Алексеевича.

Больше всех из собравшихся Яков Алексеевич не любил Витьку Карпухина, болтуна и пьяницу, дожившего до седых волос, но так и оставшегося для всех Витькой.

Витька считал себя великим художником, которого не признал мир, хотя сам не нарисовал ни одной путной картины и работал где-то цеховым художником-оформителем почти сорок послевоенных лет. Он нигде и никогда не учился, более того, считал, что многие таланты загубили свою самобытность «учёной схоластикой», выхолащивающей истинное вдохновение. В его сумасбродной голове постоянно вертелись какие-то «гениальные» замыслы, прожектыв, так и оставшиеся только замыслами, не покидающими черепной коробки их создателя. Все в округе считали его немного чокнутым, а уж когда под пьяную руку Витькин зять саданул его пару раз бутылкой по темечку, что-то совсем сдвинулось в его шальной головушке, и если он теперь пускался в рассуждения, то умному человеку лучше было его не слушать, тем более, что все разговоры, если они не касались искусства, Витька переводил на свои фронтовые эпизоды, в которых рисовал себя невероятным героем. А Яков Алексеевич доподлинно знал, что всю войну просидел рядовой Карпухин В. Н. в штабе фронта на ВЧ. И единственный его боевой эпизод заключался в том, что он в составе группы сапёров случайно участвовал в подрыве одной фермы моста через Дунай. Моста, уже взорванного немцами, моста, мешающего нашим войскам наладить судоходство по реке.

И вот уже в который раз Витька сейчас, наоборот, рассказывает утомлённым от бесконечного пересказа этой истории слушателям, как летели через его голову многотонные железки, как страшно завывали они, как жутко было слышать взрыв многокилограммового заряда...

Его пошлый цветной галстук наверняка сбился набок и вылез на пиджак, но Витька этого, как всегда, не замечает, и отчаянно жестикулирует руками, браво мотая седым чубчиком...

Ещё, правда, он разнообразит свои фронтовые «подвиги» рассказом о женщине-старшине, которая во время налёта авиации немцев прыгнула в окоп к Витьке, села ему на шею, повторяя: «Потерпи, браток, потерпи! Скоро налёт кончится», – и при этом от страха писала на рядового Карпухина на протяжении всей бомбёжки.

После налёта, как уверял всех Витька, шея у него с неделю в одну сторону не поворачивалась, и от гимнастёрки мочой пованивало так, что штабные офицеры его к себе ближе чем на три метра не подпускали. Но, слава Богу, он эту историю рассказывал уже не за столом и не при женщинах.

Собственно, этими военными приключениями и заканчивалась вся боевая биография Витьки Карпухина, но иногда он демонстративно поглаживал колодку орденов и медалей на груди и многозначительно говорил, что не всё может рассказать о себе, так как и до сего дня многое держат в секрете про ту войну.

«Интересно, – думал всегда Яков Алексеевич, слушая Витькин трёп, – что ещё нельзя знать про ту бойню?.. Эх, люди, люди! Если бы вы все знали настоящую правду о той войне!..»

А на колодках у Витьки действительно было много всего, особенно медалей юбилейных. И это больше всего задевало Якова Алексеевича.

Как же так случилось, что он, прошедший войну с 10 ноября 1941 года и по... по тот роковой день 20 ноября 1944, когда военная судьба и вся его дальнейшая жизнь пошла под откос, он, который ещё во время войны носил на офицерской гимнастёрке восемь боевых орденов и медалей, не имел сейчас ни одной награды? Как? Об этом он никогда и никому не рассказывал. Разве что только жене, да Петру Аксёнову...

И зачем только Пётр пригласил этого Карпухина!

Стало зябко. Яков Алексеевич снял пальто, легкомысленно накинутое на плечи, надел его как полагается и даже застегнул на все пуговицы.

Свежий ветерок с далёких гор шевелил волосы непокрытой головы, раскачивал тёмные ветки деревьев с комочками жухлых коричневых яблок, оставшихся с осени, за что Яков Алексеевич мысленно обругал Петра: зря добро пропадает. Ветерок нёс свежесть и прохладу с ледников, и Якову Алексеевичу приятно было стоять на крыльце дома Петра, смотреть на этот зимний сад, на горы, наполовину скрытые облаками, на сумеречное серое небо...

Заныло сердце.

Яков Алексеевич достал валидол, пососал его, прислонился к дверному косяку, и снова вернулся мыслями в квартиру к Аксёнову. Отсюда было видно в окно всех, но не слышно, о чём же шёл разговор. Однако, зная собравшихся не первый год, можно было догадаться, что они там так жарко обсуждают...

«А ведь и правда дурак Пётр Фёдорович, – подумал Яков Алексеевич. – Какой, к чёрту, кулак этот «архангельский мужик»! Работник. Хороший работник! Такой, каких в тридцатых годах было уйма. И вот за то, что они, поверив в советскую власть, работали, не покладая рук и в колхозах, и у себя в хозяйстве, за то, что хотели жить и работать лучше, их вот такие Фёдоровичи в кулак зажимали. В кулак... Эх, жизнь!.. До каких пор у нас будут рубить сук, на котором сами сидят, до каких пор людей мучить?»...

Яков Алексеевич вспомнил отца, вспомнил, как они ходили с ним по голому колхозному полю и, боясь, что будут застигнуты на нём каким-нибудь ярым законником, собирали колоски, оставшиеся на стерне, чтобы не умереть с голода, рисковали свободой, чтобы сохранить жизни ещё трёх девок, сестёр Якова, и матери... А ведь всё было не так когда-то. Всё не так!..

Деревня Якова Алексеевича была вовсе не деревней, а старинной сибирской казачьей станицей, но об этом её жители старались не поминать всуе. Казачество было вне закона. Лишь мальчишки поздними вечерами вполголоса, а то и совсем шёпотом передавали друг другу старинные предания, услышанные от стариков, делившихся с внуками историей своих родов втайне от их отцов и матерей.

Как-то Яков не выдержал и спросил отца об их родове, на что отец с горечью сказал:

– Хочешь жить, сынок, помалкивай, кто были твои деды. Времена нынче не те. Понял?

Конечно же, Яков всё понял, жизнь тогда заставляла понимать даже детей, что происходит в стране Советов, и о том, что он казачьего роду племени, Яков помалкивал и в школе, и в армии да и потом всю жизнь старался об этом не думать.

Хозяйство было у отца не малое, и жили они зажиточно по тем временам. Ну, как зажиточно? Была лошадь у отца, две коровы, земля, которую получил после революции от советской власти, новый дом – гордость семьи, сила у отца была.

Молодой и здоровый мужик, он не боялся работы и тащил на себе крестьянский воз не просто так, абы-кабы, а для лучшей жизни, за которую дрался в партизанской армии Щетинкина и получил не одну рану... А вышло всё совсем не так, как мечтал отец, как виделось самому Якову...

В начале тридцатых отца Якова Алексеевича приписали сначала к середнякам, а потом... А потом отец почувствовал, что лучше сматывать удочки самому, пока не увезли, взявши под белы ручки, в Нарым или куда ещё подальше.

Бросив в деревне всё, обосновался он с семьёй в небольшом городке с красивым названием Камень-на-Оби. Купил старый дом с крытым двором, устроился работать возчиком на промбазу... Но и сюда добрались, дотянулись завистливые люди... Бежали ночью назад в деревню, бросив всё, что купил отец на новом месте: дом с крытым двором, скотину, мебель...

В деревне отца не принял его родной отец, дедушка Якова Алексеевича, боялся, что и его с сыном вместе заберут под одну гребёнку. Их же родной дом был полуразрушен, в нём были выбиты стёкла, снят пол. Вот-вот должны были прийти рабочие с соседнего маслозавода, чтобы разобрать дом на нужды предприятия. Даже ночевать семье было негде...

И заболел отец в одночасье. С горя заболел. Утром они ещё с Яковом колоски собирали в поле на стерне, а вечером уже лежал отец пластом, и от дикой боли в животе не мог даже кричать. Вечером же отвезли его в больницу, сделали операцию. А утром он уже умер, не прожив и двух дней на родине в деревне. Какие-то комки в животе у него образовались... Может, нервные спазмы?

Мать, когда узнала об этом, взяла топор, пошла в свой дом и стала ждать рабочих с маслозавода. Те пришли, увидели совершенно дикую по виду бабу с топором, повернулись и молча ушли. Тогда пошла она к директору школы, который был районным депутатом, и тот написал письмо в райисполком, по которому вернули дом вдове и семье «бывшего красного партизана». Дед помог вставить окна, настелить полы... А было-то отцу всего тридцать восемь годочков отроду, мальчишка по нынешним временам. Ему бы жить да жить! Работать до хруста в костях, до ломоты в пояснице, детей подымать!.. А они его... Фёдоровичи...

Слезинка набежала в уголок глаза, защищала и глаз, и душу...

Что-то в последнее время слезлив стал Яков Алексеевич, раньше был крепче, выносливее. Моложе был, наверное...

В армию Якова призвали ещё перед войной, во время событий на Халхин-Голе. В армию пошёл с охотой, как и большинство тогда, потому что это было почётно, это было выгодно деревенскому парню: профессию мог получить хорошую в армии. У Якова к тому времени семилетка была за плечами. Поэтому сразу же после прохождения курса молодого бойца отправили его на учёбу в школу сержантов, после которой служил он на самом горячем и славном месте до войны – на Дальнем Востоке.

На военные события с японцами он уже не успел, прибыл к месту службы к шапочному разбору, но всё равно просидел почти полтора года в укрепрайоне в условиях далеко не мирных.

Сидели они глубоко зарытые в земляных норах, которые, как говорили отцы-командиры, были построены здесь со времён царя Гороха. Днём на поверхность не высывались, чтобы не демаскировать занятые позиции. Война была буквально ещё вчера и, возможно, могла быть сегодня, сейчас, поэтому законы на территории укрепрайона были суровые. Ослушника ждало наказание, о котором знал каждый, давая подписку, что при появлении днём в расположении укрепрайона автоматически получал срок...

Там жилось сносно вообще-то. Можно было книжки читать в свободное от занятий время, не особенно мучили муштрой... Текла обычная мирная солдатская жизнь, к которой можно было легко приспособиться...

Через специально оборудованные щели офицеры присматривали в бинокли за противником на той стороне границы. Там внешне всё было спокойно. Но тишина на границе обманчива, и это тоже знали все. Многие видели в районе КВЖД неубранные белые кости и черепа, оставшиеся после 29 года. И никакие тарбаганы, бегающие, словно домашние кролики, по самой границе, никакие крестьяне, мирно обрабатывающие землю на той стороне, не могли усыпить острое чувство тревоги, чувство опасности, исходящее с той стороны. Да и позиции, на которых располагалось подразделение Якова, находились даже чуть впереди застав пограничников. Так что... приходилось ухо держать востро и днём, и ночью!

В горе-крепости были надёжно упрятаны наши самолёты, готовые в считанные минуты совершить боевой вылет для отражения воздушного нападения противника, повсюду под землёй хоронились невидимые днём пушки, войска... Лишь ночью укрепрайон оживал. Выкатывались на исходные позиции орудия, окопы и доты заполнялись бойцами, начиналось время обучения личного состава военному мастерству. Учились на совесть.

Подразделение Якова готовилось отразить любое нападение противника.

Укрепрайон был готов сделать это.

Страна могла ответить на любую «провокацию» японцев. Японцев, но, как оказалось, не немцев.

...Осенью 1941 года приняли из кандидатов в члены партии. Потом, почти сразу после этого радостного для Якова события, их дивизию перебросили на запад. Ставка очень надеялась на хорошо обученные и вооружённые сибирские дивизии...

Седьмого ноября 1941 года, едва успев выгрузиться из эшелона, дивизия Якова участвовала в Куйбышеве на параде войск, отправляющихся на фронт.

Яков хорошо запомнил присутствующих на параде: генерал Кошевой, некий генерал Лозовский, которого потом куда-то запрятал Сталин за выступления в печати о том, что, отступая, мы занимаем более выгодные позиции; Ворошилов, Калинин, и ещё какие-то генералы, имена которых выветрились за эти годы из памяти... Но зрительно он представлял себе и сейчас всё, что там происходило, довольно точно. Помнил все мельчайшие подробности того дня, накануне первого в его жизни настоящего боя: лица, настроение, детали одежды...

На городском ипподроме с трёх сторон поставили автомашины ЗИС-3, застелили их открытые кузова коврами, и на эту импровизированную трибуну бойцы посадили по очереди всех выступающих перед войсками и всех принимающих праздничный парад. Случайно Яков оказался совсем рядом с машинами, и даже слышал, что негромко говорили между собой собравшиеся там.

Ворошилов, помнится, всё твердил, что сибиряки спасут Ленинград, что регулярная армия сейчас плоха, в ней нет настоящих боевых командиров. А Калинин, стоя за ним, говорил, что зато двадцать лет мы готовились к войне под мудрым руководством первого советского офицера и гениального маршала Клима Ворошилова. На это Ворошилов скороговоркой твердил, что всё исправит, всё оправдает...

Якова неприятно поразила нервозность и будничность перебранки легендарных народных вождей, словно речь шла у них о мелких недоделках при ремонте квартиры, а не о судьбах миллионов, которые уже вступили в войну с фашизмом, подготовленные не так, как нужно было...

Не привык ещё тогда Яков Алексеевич смотреть на начальство без пламенного восторга в глазах, без слепого обожания в сердце, без подбострастного трепета в коленках...

После войны прошло уже сорок с лишним лет, а Яков Алексеевич так никогда и нигде не читал об этом параде войск в Куйбышеве. А чем он хуже московского? И там, и здесь люди после парада сразу шли в бой. И там, и здесь на трибунах были члены правительства. Нет, конечно, Яков Алексеевич понимал всё политическое значение парада именно в столице Родины, в Москве, но... Парад в Куйбышеве был его парадом седьмого ноября 1941 года, как и он сам был частичкой этого парада на краю пропасти, которую готовила стране фашистская Германия. Этот праздничный парад 1941 был частичкой его личной военной жизни, в которой было не так-то много радостей.

Вначале дивизию Якова хотели бросить на защиту Калинина, но, когда эшелоны были ещё на пути к фронту, Калинин уже заняли немецкие танки, и через Тихвин дивизию бросили к Ленинграду. 10 ноября она приняла свой первый бой в Тихвинской операции, который не прекращался до первых чисел декабря. Дни это были страшные... Ставка приказала любой ценой вернуть взятый 5–8 ноября 1941 года Тихвин, вернуть перерезанную немцами железную дорогу на Ленинград, чтобы спасти город от полной блокады. Поэтому столько и положили там ребят. Войска шли с марша и в бой, с марша и в бой!..

Кому рассказать, что пришлось увидеть и испытать – никто не поверит. Даже Синявинская операция, в которой позднее участвовал Яков, показалась ему менее ужасной. Да и как это рассказать, как передать? Память о войне – она живёт в неуловимых запахах, не всегда приятных ощущениях, привычке хвататься за оружие в опасных ситуациях... И в снах. И это, пожалуй, самое страшное воспоминание человеческого сознания о войне. Сон бывает неразборчив, бессюжетен, запоминается только одними мощными энергетическими толчками страха и ужаса, сконцентрированными в несколько минут или даже секунд мучительного прорыва не контролируемого сознания в прошлое. Человек будто вновь на мгновения переносится в ад, из которого вырвался чудом много лет назад... Разве кому-то так просто это передашь, кому-то перекажешь? Нет, чтобы понять войну, её нужно на собственной шкуре испытать. На собственной...

Собственная шкура... Грубое словосочетание, но оно наиболее верно отражает то состояние человеческого «я», которое появляется в момент наивысшего опасения за свою жизнь.

Первые три-четыре месяца боёв Яков опасался за свою жизнь, за свою драгоценную шкуру, хотя никто из товарищей не мог упрекнуть его в трусости, в неисполнении элементарного служебного долга, и всё же... Ему было страшно умереть, он боялся этого момента, и каждый раз во время атаки самолётов, танков или пехоты противника на мгновение робел в предчувствии близкой развязки... А потом в нём произошёл качественный сдвиг, перелом внутри души, и от глубинного страха за свою жизнь ничего не осталось. Как-то само собой получилось так, что он понял: выжить не удастся в этой мясорубке. Столько смертей рядом, что трястись за свою бесценную лично для тебя одну жизнь, отравляя страхом возможного конца последние часы и минуты этой жизни – просто глупо и смешно. Убьют. Конечно, убьют. Не сегодня, так завтра. Эта мысль так глубоко засела в голову, что он уже не думал о жизни

вообще, да и о смерти тоже. Жил секундой. Хотя минутное, поверхностное чувство страха за свою жизнь сохранялось всегда. И порой это было единственное чувство, длившееся бесконечно долгие часы и даже дни.

Ну какой герой после семисот-восьмисот самолёто-вылетов противника захочет жить? Нет, после этого жить не хотелось... Перед глазами мелькали непрерывной чередой силуэты «Хейнкелей-111», «Дернэ-217 и 215», «Ю-87» и «Ю-88», «Мессершмитты-ягуар» и «Мессершмитты», «Мессершмитты»... И снова «Хейнкели», и снова «Мессершмитты»... Люди теряли контроль над собой, сходили с ума, садели на глазах...

Как-то, во время одного из наиболее ожесточённых налётов, командир одного из огневых взводов не выдержал и закричал во всю глотку куда-то по направлению тыла:

– Меньше бы до войны «домов советов» строили, больше зениток делали, танков, самолётов!

К вечеру его уже не было на батарее. Основание: выражал публично недоверие правительству...

А сколько было таких... «выражавших» и дерущихся!

И как дерущихся!

И всё это в аду. В самом настоящем аду.

Когда сидели в глухой обороне, то укрывались за трупами «солдафонов», так называли на фронте молодых и ещё необстрелянных бойцов, бегавших от каждого снаряда и потому гибнущих в первые же дни пребывания на передовой буквально сотнями...

Хоронили только друзей. Остальных расклевывали вороны на виду у ещё живых бойцов.

А что было делать? Самим закопаться в землю некуда. Копни на полштыка лопатки – и потечёт болотная водичка...

А немцы вели огонь не жалея снарядов и патронов. Вот и выкладывали зимой вокруг себя небольшими штабельками трупы и спасались за ними от пуль и от ветра. Сегодня я укроюсь за кем-то, а завтра, может быть, мною будут прикрываться, и обиды в том от меня, убитого, живым не будет.

Однако опаснее авиабомб, пуль и снарядов было физическое истощение. Случалось так, что у обеих сторон настолько сдавали силы, что не было никакого желания воевать друг с другом. Хотелось хоть минутной передышки, минутного мира.

Например, на пушку в батарее полагалось по два снаряда в сутки. А таскать эти снаряды на батарею приходилось за семь-восемь километров. Снаряды немаленькие. Яков служил в зенитном полку, на вооружении которого были 76-миллиметровые пушки. Кроме того имелись и крупнокалиберные пулемёты, счетверённые «максимы»...

Сам Яков был поначалу командиром ПУАЗО-3, прибора управления артиллерий-

ско-зенитным огнём, который применялся для определения упреждённых координат цели и выработки баллистических данных для орудий, прибора сложного и достаточно громоздкого. Яков не имел прямого отношения к «пушкарям», но и ему приходилось носить эти чёртовы снаряды за тридевять земель вместе с «огневиками». Силы были настолько истощены у всех, что через каждые сто метров пути люди падали едва ли не без сознания.

И вот бывало так, что идёт на исходные «пантера», нагло подходит буквально метров на 300 к позициям батареи и останавливается на виду у всех. Все заклёпки на её броне через бинокюляры видны. Кажется, только руку протяни – и достанешь их пальцами...

Крутит «пантера» носом-пушкой из стороны в сторону, а не стреляет. И наши молчат, хотя с трёхсот метров могли бы вклепить ей по самую головку...

А почему молчат? Лень потом идти за снарядами? Нет, не лень. Это слово слишком мирное, слишком не блокадное. Для определения того физического состояния, которое было у обороняющихся, обессиленных до предела. Просто люди точно знали, что вот сегодня они могли и умереть в дороге от слабости, сегодня у них был пик усталости, сегодня, сейчас...

И командиры это понимали.

А «пантера» постоит-постоит, покрутит пушкой, и тихо себе уйдёт восвояси. Значит, и у них, наверное, та же картина была. Конечно, их усталость не шла ни в какое сравнение с нашей, граничащей с дистрофией и атрофией всех мышц, но не могли же из «пантеры» не видеть наши орудийные расчёты с трёхсот метров, а вот всё же и они не стреляли...

Страшное это дело – война. Страшное для всех.

И голод в войсках был страшный.

До войны пришлось Якову Алексеевичу поголодать вдосталь, недаром в последний день жизни отца, да и потом тоже, крадучись собирал по полю колоски; но то, что довелось ему пережить под Ленинградом... Такое может приниться только в кошмарном сне!

И больше всего ребята страдали даже не физически, а морально: блокада, вынужденное сидение в болоте, необрунные трупы товарищей, неудачи на фронте, слухи о предательских вылазках в тылу...

Когда сгорели Бадаевские склады, болтали, что их взорвали предатели из штаба 4-й армии, которой предписывалась их охрана. За что якобы Ворошилов лично расстрелял весь штаб 4-й. Может, немцы сами специально эти слухи распространяли, чтобы деморализовать блокадников? Кто их знает, откуда эти слухи полз-

ли и отравляли сознание окопников, но когда бойцы ели землю вокруг тех складов, то невольно вспоминали недобрым словом и штаб 4-й, и всё наше ненадёжное высшее начальство... Сколько в начале войны среди них предателей оказалось, сколько к стенке поставили, сколько разжаловали... И всё это громко, во всеуслышанье объявлялось и печаталось. Где уж простому окопнику разобраться во всех тонкостях интриг и хитросплетений внутренней и внешней политики, если сам он каждую минуту ждал пулю в лоб, если жрать хотел так, что готов был есть всё, что попадалось съедобное на глаза.

Яков и сам ел землю Бадаевских складов. Найдёт спёкшийся комок земли, поймёт: это был когда-то сахар или ещё какой-то съедобный продукт; бросит его в котелок с кипятком, размешает, подождёт, когда всё это отстоится, и пьёт... Хвойным настоем запивает.

Неоднократно бывал Яков и в самом осаждённом городе. И то, что представало перед ним, поражало сердце, казалось, навсегда уже зачерстневшее и огрубевшее за войну.

Помнится, на каком-то мосту возчик-старик не смог справиться в гололедицу с санями-розвальнями, и они стукнулись о перила. Вёз он спирт в ведёрных стеклянных банках, одна банка грохнулась... Целое ведро спирта вылилось на снег. И народ на мосту тут же стал собирать мокрую жижу и есть, кто-то набивал ею шапку, кто-то котелок, чайник...

Возчик стоял парализованный случившимся и, наверное, мысленно прощался с жизнью. За такое «разгильдяйство» ставили к стенке без разговоров. Однажды одного повара шлёпнули только за то, что нашли у него на кухне 25 граммов утаённого сливочного масла...

А на том мосту через час люди весь снег до асфальта съели...

Иногда вместе со всеми заходил Яков в замороженные ленинградские квартиры. Жуткие блокадные квартиры. В каждой из них покойники. В каждой лежали мёртвые старики и дети, старики и дети...

Как-то зашли в квартиру известного композитора или дирижёра, фамилию уже и не вспомнить – какого, он сидит за роялем, на рояле перед ним пара замёрзших картофелин, а рядом с роялем, на кровати, умерший ребёнок. И вот этот умирающий старик предлагает бойцам эти самые мёрзлые картошки, что для него самого означало верную смерть. Но он угощает ими бойцов, предлагая, по сути, в подарок им свою жизнь...

Они оставили тогда старику по куску хлеба. Всё, что сами могли дать. И ушли.

Музыкант плакал, когда бойцы уходили. Замполит полка, который водил бойцов к старику, тоже плакал.

«Посмотрели бы, вы, говорит, какой это был красивый, сильный и гордый человек до войны!»

До войны... Многие ли до войны мёрзлую картошку из-под снега выкапывали и едой считали? А на передовой ели такую картошечку да похваливали, если удавалось ещё её найти.

Однажды разведчики нашли за линией фронта, недалеко от передовой, в сожжённой немцами деревне погреб с картошкой. Два раза туда ходили, как за языком, охотники из полка, пока на третий раз не накрыли их немцы в нейтралке вместе с картошкой в вещмешках.

Голодали в Ленинграде и на фронте все. И гражданские, и военные. И ели в Ленинграде всё, даже столярный клей.

Как-то достали «огневики» несколько плиток этого клея, врач узнал и строго-настрого запретил есть клей, уверяя, что бойцы от него погибнут. Но русский человек так устроен – чем больше запрет, тем больше ему хочется его нарушить. Посмеялись над врачом и сварили клей. Густой, запашистый... Попробовал его и Яков, но только две-три ложки. С врачом они были земляками, и как-то сдружились на фронте, поэтому Яков послушался совета друга, не стал много есть клея. А ребята дорвались...

После клея в животе наступало давно забытое ощущение сытости, будто поел настоящего мяса. Должно быть, как понял Яков позднее, клей закупоривал внутри что-то, склеивал...

Через неделю все, кто ел клей, умерли мучительной смертью. И у Якова через три дня начались дикие боли в животе, но всё обошлось, слава Богу...

Многое было всякого на фронте. Было и такое, о чём не каждый расскажет другому по доброй воле.

После приказа о мародёрстве, по которому расстреливали на месте преступления без суда и следствия, был с Яковым такой случай.

Ночью сбросили с Большой земли на передний край с «По-2» сухари и патроны. И то, и другое было в большой цене. В сутки на человека выделялось по пять патронов, и их берегли до последней возможности. Стреляли только в крайнем случае, наверняка стреляли. А сухари... За сухари платили самым дорогим – жизнью...

Юрка Шевелёв, дружок Якова ещё с Дальнего Востока, говорит: – Давай пойдём и возьмём мешок с сухарями!

Эх, Юрка, Юрка!.. Чёрт отпетый, сколько раз с ним из таких перелётов выходили, что и не придумаешь нарочно... Но самому лезть в пасть смерти!..

И всё же пошёл с Юркой Яков.

Пошёл.

Трусил, но шёл. Что-то весёлое и яростное было в груди, будто вызов кому бросал, а кому? Молодость это была, молодость и голод.

Встали они тогда на лыжи, и метров через 400 от позиций нашли первый мешок с сухарями, нашли и сразу спрятали. Как всегда бывает в таких случаях, пожадничали, стали искать ещё. И, правда, им везло, нашли ещё один мешок, но уже с патронами, потом ещё нашли...

Только поставили мешок с сухарями «на попу», появились из леса «смершевы». Они всегда после выброски собирали мешки сами.

Первым вышел полковник, увидел их – сразу руку за пазуху, вытаскивает пистолет – и к ним. А они, головы горячие, забубённые, тоже схватились за пистолеты. Они у них на груди всегда лежали, под полшубками, чтобы смазка не мёрзла на морозе.

До сих пор Яков Алексеевич удивляется, почему их полковник сразу не пристрелил? Дело-то не шуточное, на месте преступления захватил. Может, пожалел их полковник, а может, растерялся, потому что Юрка сразу крикнул ему:

– Товарищ полковник, мы же сухари не тронули, вот патроны собираем.

А у самого в руке пистолет...

Как бы то ни было, но полковник сказал:

– Вижу.

И первым спрятал оружие.

Яков облегчённо вздохнул, но тут ещё два бойца из «смерша» подкатили на лыжах... Всё, подумал, вот сейчас они нас...

Но полковник только спросил фамилии, номер части записал, и велел им мотать поскорее на батарею. Что они и сделали с превеликим удовольствием.

А вечером всё же вернулись за тем проклятым мешком с сухарями... Вернулись! Забрали мешок, но куда его девать? Где прятать? В часть принесёшь – кто-нибудь всё равно проболтается, и – всё! Трибунал и «вышка», расстрел то есть. Но делать нечего, если уж затеяли такую карусель, то и доводить её нужно до конца.

Взяли по 4 сухаря на брата, да Яков ещё прихватил себе лишнюю пайку. Была у него на счёт «лишних» сухарей своя думка... Тот злополучный мешок зарыли в снегу недалеко от позиции, чтобы часто не ходить в лес, не вызывать лишних разговоров и подозрений. За частые отлучки тоже могло влететь по первое число: зачем ходишь, не листовки ли вражеские собираешь и читаешь?..

Ночью, в землянке, втихаря от всех сожрали сухари, смачивая липкой слюной. А как иначе? Ведь не откроешься, не угостишь ворованным... Ели, и в душе плевались на себя.

А за полночь, засунув распухшие и отёкшие от голода ноги в мокрые валенки, пошёл Яков к командиру батарее. Принёс ему те самые «лишние» сухари и положил на командирскую лежанку. Тут же выложил всё как есть про «подарок», утаив только, что с ним был Юрка.

Яков ни на что не надеялся, ни о чём не просил, просто ему нужно было снять камень с души. Так раньше ходили преступники после совершения преступления на исповедь к попу. Вот и Яков пришёл к комбату за отпущением... Нет, не за отпущением, а на покаяние. На покаяние пришёл Яков, хоть и уверял себя, что шёл отблагодарить комбата за всё хорошее, что тот успел для него сделать за месяцы войны в болотах.

И правда, комбат жалел и его, и Юрку, но не потому, что был лично к ним расположен лучше, чем к кому-нибудь другому в батарее: они оставались единственными довоенными специалистами не только в его подчинении, но и в полку. Все младшие командиры были уже выбиты, а их места заняты выдвиненцами из рядовых.

Нет, комбат не стал читать ему нотации, не арестовал. Он сказал:

– Спасибо за заботу, а теперь иди. Но если мне донесут об этих сухарях, я сам тебя шлёпну. Лично.

Яков ушёл повеселевший, но в душе у него было всё же беспокойно, мутрно было на душе.

Мешок с сухарями они с Юркой доели только к весне. Доели. Может, потому и выжили? Может. Всё может быть в этом мире. Опухшие от голода, но живые, они с радостью встретили появление первой травки, с ещё большей радостью доели последний сухарь из того проклятого мешка, и радовались этому событию необычайно, будто кто им взял да и выдал вдруг по буханке довоенного хлеба. Радовались, что не нужно больше прятаться, хитрить, обжуживать своих друзей. Ведь ели ребята на передовой всё.

Сухарей-то давали солдатам по 15 граммов на человека.

Воду пили... Пили воду разную. Во время боёв всякое бывало... Однажды по болоту кровь на полпальца по воде текла. Человечья кровь... А пить хочется... Жара... И вот отшвырнёт кровь солдатик рукой, зачерпнёт котелком из чистого места и пьёт. И куда брезгливость девалась, куда исчезало всё человеческое?

И Яков так же пил эту воду, так же, как все, наверное, думал, что если выживет, по-другому и жить не сможет...

По-другому...

Как же это жить по-другому, когда на твоих глазах дивизию выбивали за два часа боя? Всего два часа – и десять тысяч молодых здоровых парней и мужчин заливали своей горячей кровью вонючие стоячие болота...

Разве думал Яков, что выживет в такой бойне, что будет стоять вот здесь, в саду, после сорока лет мирной жизни, и вспоминать войну, то военное время, о котором старался даже не думать? Почему-то сейчас каждый прожитый им день на войне, каждое мимолётное воспо-

минание о прошлом отдавались нестерпимой болью в сердце, а тогда жизнь больше напоминала игру в кошки-мышки со смертью. Игру со своими правилами, со своими маленькими радостями и большими печальюми...

Под Чудовом, на реке Волхове, уже будучи младшим лейтенантом, дежурил Яков как-то на батарее. Только-только первый кубик на петличку нацепил, первый взвод получил, первые офицерские команды отдал, и встретился неожиданно почти на позициях батареи с родным дядей, которого не видел со дня призыва в армию. Чем не радость, чем не подарок судьбы? Жаль вот только встреча вышла не радостная...

А дело было так. Стояли зенитчики метрах в пятистах от немецких танков, прикрывали переправу. И день стояли, и два стояли, обжились даже, привыкли к своему месту жительства. Местность хорошо изучили. Это, собственно, первое, что делает зенитчик, прибывая на новые позиции, – изучает ориентиры, зарывается в землю, маскирует пушки, приборы...

Короче, стоял Яков в окопчике, посматривал изредка на немецкую сторону, на небо, но больше скучал, тяготясь кажущимся бездельем. И вдруг видит: едет какой-то бородатый боец на повозке, демаскирует наш передний край. Ну, выложил ему Яков всё, что по этому поводу думает о такой разине, которая распускает по ветру бороду не там, где надо! И выложил весело, с огоньком, отвёл душу, что называется. Попутно указал, куда ехать этой разине.

Бородач молча повернул лошадей туда, куда ему указали, но раза два-три обернулся на Якова, и потом негромко так окликнул:

– Яша!

Узнал дядя племянника, а вот Яков не признал его и с двух шагов. Раньше, до войны, был дядя молодой и красивый мужчина, брившийся по два раза на день, в начальстве ходил, и потому форсил немного, одеколоном себя брызгал. В большом городе жил, в нефтеснабжении работал, а здесь почему-то возницей оказался. Раньше красавцем считался во цвете лет, а тут стоял перед молоденьким младшим лейтенантом сгорбленный и полуседой старик в грязной красноармейской одежде, возивший на передовую продукты, обратно – раненых. И так он делал три-четыре раза в день, и зимой, и летом, и в дождь, и в снег, и при бомбёжке, и при артралётах...

Пригласил его Яков к себе в землянку, срочно подменившись по такому случаю с другим офицером, взял у старшины свою порцию водки на пять дней вперёд – целую поллитровку, выпили они с дядей, поговорили...

Расчувствовался дядя. И то ли оттого, что так неожиданно встретил в этом аду родного и близкого человека, которому можно было сказать всё

без опаски, что на душе накопилось, а может, оттого, что слишком крутая перемена произошла в его личной судьбе, судьбе преуспевающего и всегда ухоженного начальника районного масштаба. А он ещё не успел пережить это в достаточной мере, переварить в глубине души сию метаморфозу, только размяк дядя душой, потерялся, ослаб...

– Не верю, – говорит, – Яша, что выживем мы в этом пекле. Не победим здесь, не выстоим.

Досталось, видно, ему изрядно за месяцы на фронте. Воевать – не с портфелем по району разъезжать.

И захотелось Якову привести его в порядок, относительный, конечно; приободрить, встряхнуть, заставить на время забыть про всё и вновь почувствовать себя человеком, личностью. Показалось Якову, что если дядя приведёт себя в норму хотя бы внешне, то пройдёт в нём хандра, исчезнет похоронный настрой, дух какой-никакой вольтётся свежий. Пригласил его вечерком зайти к нему в землянку ещё на часок. Побриться, помыться... Соснуть хотя бы на полчасика в нормальной обстановке. (Тогда офицерская землянка считалась почти роскошью.) Устал, ведь, поди...

– Устал, – отвечает дядя, – но не смогу прийти. Надо ночью коней караулить. Если их без присмотра оставить, пехота сожрёт в одночасье. А за коней в штрафбат пойду.

Пришлось Якову врать, что ему будет даже приятно ночь провести в ночном, вроде как в детстве побывает. Уговорил Яков дядю. Уговорил.

Ночью Яков всё с тем же неугомонным Юркой Шевелёвым, ещё не убитым, ещё живым тогда, пас дядиных коней под проливным дождём, а дядя мирно спал в его землянке, побрившись и помывшись тёплой водой, которую Яков нагрел ему заранее в большом ведре.

Утром, когда Яков вернулся с лошадьми, дядя выглядел совсем почти довоенным дядей, но только в армейской грязной форме и с признаками крайнего истощения на лице.

Посидели они ещё немного с ним, поговорили. Дядя пожалел промокшего в ночном Якова, потом встал и молча пошёл, не прощаясь, к лошадям. Будто чувствовал мужик, что больше они с ним не увидятся на этом свете. Вышел, сутулясь, из землянки, сел в возок, а сам плачет. И плачет не по-мужски как-то, а как баба воеет по покойнику. Но тихо воеет. Душу всю переворачивает. Погнал коней, а сам платком носовым Якову машет и плачет, плачет...

Погиб он через несколько дней в Красной Поляне. И даже домой не успел написать, что виделся с племянником на фронте. Но это Яков уже после войны узнал. Дома. От тётки.

Последние слова его, запомнившиеся Якову, были:

– Жалко расставаться с детьми...

Их у него трое было. Чувствовал, видно, свою скорую смерть человек.

«Странно, – думал Яков Алексеевич, ёжась от холодного ветра. – Вот все говорят, что на войне слёз не было у солдат, а я столько их видел, столько!.. И у трусов, и у героев. Казалось, кремь мужик – вся грудь в орденах, на ремни режь – не застонет! А вот допечёт его какая-нибудь малость – и ревёт белугой герой. И стыдится своих непрошенных слёз, а поделаться с собой ничего не может. Не всё, видать, война в людях выжигала, не всё. Иначе как же мы после войны-то... выжили?»

Открылась дверь, и на пороге показалась Анна.

– Ты чего здесь делаешь? – спросила с тревогой.

– Воздухом дышу, – улыбнулся Яков Алексеевич. – Ты не беспокойся, я скоро приду.

– Не замёрзни! – сказала Анна, подозрительно присматриваясь к мужу.

– Ты сама иди в дом, прохватит ветерком ненароком.

– Ну, смотри! – сказала Анна, подала ему шапку и ушла в дом, тихонько прикрыв за собой дверь.

Яков Алексеевич улыбнулся и надел шапку.

Он любил жену, любил за то, что она понимала его во всём. Не жалела, а именно понимала. Настоящая плотская любовь как-то ушла в прошлое, и остались от неё только глубокое уважение друг к другу и нежность. Нежность, которой почему-то не было в молодости.

Да и откуда ей было взяться, нежности? Это сейчас, когда стало что-то оттаивать в сердце, когда рассасывается в груди тяжёлый комок воспоминаний, приходят настоящие человеческие чувства, вытравленные и уничтоженные войной. А тогда, в молодости, они казались инородным телом, неестественным проявлением и даже слабостью, граничащей с трусостью.

Вот ведь был случай, когда всё тот же бесшабашный Юрка Шевелёв, кореш до гроба, едва не подвёл его, Якова, под пулю из-за того, что на мгновение расслабился, дал волю чувствам, и страшно стало ему на миг быть убитым именно сегодня, сейчас. И пришлось в тот раз Якову одному брать в плен немецкого аса, самолёт которого сбита их батарея на крутом развороте при бомбёжке наших позиций.

Упал самолёт в нейтралке, почти у наших окопов. И зенитчики тут как тут: кто первый возьмёт хвостовое оперение, материальное подтверждение о сбитом самолёте, на того его и запишут. Народу к самолёту кинулось тьма, экипажу деваться некуда: один лётчик сразу же себе пулю в лоб пустил, другой куда-то пропал и его не нашли, а третий стал отстреливаться. Вот на него-то и пошёл тогда Яков в одиночку.

И взял.

А Юрка не пошёл, вернее, пошёл, но как-то странно вёл себя: отставал от Якова, ниже обычного пригибался к земле, чуть позже, чем нужно, стрелял...

Когда Яков вёл того молодчика, Юрка стоял, опустив голову, и не глядел в их сторону.

А почему всё это произошло? Да потому, что весна была, девчонка в санроте появилась красивая, и был Юрка впервые в жизни влюблён, влюблён первой и последней своей любовью.

Странное дело, но у Якова на фронте не было увлечений и даже позывов к ним. Как-то прошла юность незаметно, обделила его в этом своим теплом... А может, и к лучшему? Может, потому и обделила, чтобы жил он на фронте ни о ком не жалея особо, не боясь никого обидеть своей смертью, с которой не однажды встречался с глазу на глаз. Жили-то с ней, можно сказать, в обнимку...

Как-то раз немцы зарыли свои танки в землю и палили из них по нашей пехоте смертным боем. Странно, но почему-то именно зенитчикам приказали выкурить этих тварей из их нор. Наверное, потому, что ничего более грозного ближе не нашли.

Пушечные расчёты были хорошо обучены, слажены, и сразу же, после первых пяти выстрелов, примолкли немцы, поняли, что спуску им не дадут. Ну и показалось пушкарям на радостях, что прихлопнули первым же налётом те танки, расслабились зенитчики раньше времени. Яков уже взводным был, командовал теми пушками из неглубокого, но широкого окопчика, прикрытого сверху палаткой.

После первой серии выстрелов собрались к нему командиры расчётов, посыльный, связисты. Сидели, мыслями делились по поводу тех танков. И что дёрнуло Якова подняться и посмотреть на немецкие позиции из бинокля? И простоял-то совсем немного, а вот, видно, засекали его из тех танков, засекали, и точно, снайперски, вlepили снаряд в окопчик. Но только не было уже там Якова, позвал его к своей пушке Юрка Шевелёв. И позвал-то так, за пустяком, а вот, оказывается, жизнь ему этим спас.

А тех ребят, что в окопчике под палаткой сидели, всех положили одним снарядом. И хоронить некого было. Восемь человек...

Винил ли себя Яков за их смерть? Может, и винил, но разве разберёшь, кто виноват, а кто – нет в своей и чужой гибели? А вот помнить их помнил. Даже частенько разговаривал с ними, как с живыми. Да они и были для него живыми, потому что жили в нём самом, в его памяти, в его сердце. Вот и Юрка Шевелёв... Сколько всего с ним пройдено было, сколько пережито! Разве можно забыть его, разве можно выкинуть из жизни и памяти его образ? Может, не совсем героический для кого-то, но человеческий, родной...

Якову Алексеевичу повезло, он выжил, вернулся домой, вот Юрка остался там. Там... Слово-то какое неопределённое, не конкретное, но по-другому о Юрке и не скажешь.

Уже весной 1944 года, когда до победы оставалось меньше года и наши войска шли в наступление по всем фронтам, окапывались батареи на опушке хвойного леса, зарывали в вековую глину полковую технику, делали себе щели и индивидуальные окопчики. Вот и Юрка вырыл себе окопчик в полный рост, лёг на бруствер, раскинул сильные руки по земле и говорит, щурясь на солнышко:

– Вот здесь меня, братцы, и схороните. Место больно красивое, ласковое.

Ругнул его Яков матом и пошёл проверять работу у других ребят. Недалеко и в тот раз отошёл, метров двадцать, не больше, полыхнуло за спиной шальным снарядом – и сгорело молодое Юркино тело от точного попадания в окоп, так что и хоронить нечего было.

Окопчик тот потом зарыли, холмик надгробный сделали, будто здесь и правда кто похоронен. А вот поди ж ты, всё чудится Якову Алексеичу, что живой Юрка Шевелёв. До сих пор живой. Не убит, не разорван в клочки, потому что не хоронил его, не закрыл ему мёртвых глаз. И к матери его поэтому же не съездил ни разу. Не рассказал старушке, как её сын погиб. Трусил. Не объяснишь старой, почему не ты оказался в том окопе...

А действительно, ведь мог сейчас и он, Юрка, стоять вот так где-нибудь на своей родной земле и вспоминать его, Якова, сгинувшего где-то там, на далёкой уже войне, и не оставившего после себя ни петлички, ни лычки... Всё дело случая. А может, судьба?

Дважды за войну Яков тонул, а всё потому, что не научился в детстве плавать в мелководной речушке, да и мать боялась, что утонет её единственный парнишка, и не пускала его купаться даже в самую лютую жару, когда и старухи сидели в обмелевших омутках, прикрывши голову листьями лопуха. Не знала, не ведала, старая, какой бедой обернётся её забота о мальчонке Яшке для солдата Якова.

Дважды вытаскивали его ребята на свой берег едва живым. На третьей и последней своей переправе, на реке Волхове, у деревни Змеёвки, когда немцы попёрли неожиданно и нагло, воспользовавшись удобной для них ситуацией, связанной со сменой частей на фронте. Долго бегал Яков по берегу, и долго искал, на чём же сможет преодолеть столь неожиданную для него, не плавающего, преграду. Ребята снова звали его на смерть, но он уже так боялся воды, что готов был принять смерть здесь, на берегу, который вот-вот займёт противник, чем ещё раз отважиться идти в воду вместе со всеми.

И он бы погиб в тот раз непременно, если бы каким-то чудом не нашёл вдруг кем-то надутый баллон полуторки. И хотя немцы уже всюду поливали берег и реку из пулемётов, он всё же переплыл Волхов. Переплыл сам, но на том берегу его и других переплывших, немцы стали закидывать минами из маленьких миномётов. Однако для Якова это уже не была опасность, связанная со смертельным риском. Он понял, что выжил и на этот раз, что и на этот раз обманул смерть.

Как только немцы стали забрасывать берег минами, он, как бывалый фронтовик, быстро зарылся в песок, переждал, когда они прекратили своё бесполезное занятие, и незаметно ушёл вместе со всеми к своим.

«Да-а... – думал Яков Алексеич, всматриваясь в темнеющие горы. – А на Волхове-то нас тогда предали. Предали».

Их дивизии в то лето порядком досталось от немцев. Навалились они вдвое, втрое превосходящими силами, оголили полки, можно сказать, до крайности, вот и решилось командование отправить дивизию сибиряков на переформирование. На смену им пришла совершенно новенькая часть, сформированная из уроженцев освобождённых перед войной западных областей.

Шли они красиво, как на параде шли, заглядеться можно было на них...

Дивизия Якова отходила во второй эшелон обороны обескровленная, но выполнившая свою задачу, твёрдо веря, что за спиной у неё будут героически драться пришедшие на смену свежие полки...

Утром на берегу Волхова, недалеко от переправы, где задержались на ночлег зенитчики, услышал Яков сквозь сон гул немецких танков.

Вскочил, прислушался: точно, немцы!

Растормошил командира батареи, тот, выслушав его и послушав гул с запада, послал Якова витиевато так далеко... А через две минуты дозорные доложили, что впереди немцы, вернее, на только что оставленных позициях.

Времени на организованный отход уже не было, едва успели взорвать орудия (всё равно без снарядов стояли), и дай Бог ноги!..

Немцы танками людей давили. Не стреляли, сволочи, поначалу, а просто давили... Уверены были в своей силе.

Чёрт побери, как это так получается, что у нас нигде не пишут, не говорят, что не только из-за временного превосходства противника в технике и в солдатах сдавали мы города и сёла, а и из-за элементарного подлого предательства тоже. Предательства тех, кого считали кровными братьями. Ведь было же и оно, было!

Немцы, наверное, хорошо знали состав пришедших на смену сибирякам частей, поэтому набросали вечером новичкам с самолёта ли-

ставки по всему фронту, как они обычно это делали, а утром принимали перебежчиков целыми пачками...

А может, и не так всё это было, но только «солдатский телефон» мгновенно разнёс именно эту весть. И не дай Бог, если бы каким-то чудом вдруг оказался рядом с Яковом в тот момент хоть кто-либо из той проклятой дивизии... Да и сейчас бы Яков Алексеевич припомнил ему ту переправу, тех ребят, что остались под танковыми гусеницами...

Яков Алексеевич не любил смотреть военные фильмы, ему становилось плохо, не читал военные книги и статьи, потому что не любил с фронта бодрячковые газетные рассказы, в которых «все до единого и как один»...

Разве стоял бы немец уже в августе сорок первого под Вязьмой, если бы «все, да до единого»?..

Он искренне ненавидел войну и всё, что с ней было связано, потому что... Всякое было на фронте с Яковым Алексеевичем, но настоящая беда стряслась с ним уже после взятия Риги.

13–15 октября 1944 года, после ликвидации немецкой группировки, прижатой к морю, 3-й Прибалтийский фронт упразднили, а всё его управление вместе с фронтовыми частями вывели в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего. Полк зенитчиков отвели в небольшой городишко с необычным для русского человека названием Цессис.

Настроение в войсках было ликующее. Вспоминая то время, Яков Алексеевич до сих пор ощущает атмосферу наэлектризованного победой воздуха. Все точно с ума сошли. Да и было от чего: отквитались с немцами за блокаду! Кроме того, у Якова и личная радость была: за Рижскую операцию представили Якова к ордену Красного Знамени. И был он на седьмом небе от счастья! Всё смешалось... И то, что немцев долбанули так, что пух только по ветру полетел, и то, что к такому ордену представили, и то, что на отдых вышли...

Отдых!

Три года боёв, три года под смертью ходил, а тут...

Свобода!

Гуляй – не хочу!

Нет, если быть правдивым, было во время блокады у Якова однажды нечто вроде отпуска. Это когда его и всё того же Юрку Шевелёва отправили на «откармливание» в Тихвин. Изредка такое делалось командованием для особо истощённых бойцов и командиров.

С откармливанием дело было так.

Приехал как-то на позиции комдив, спрашивает:

– Ну, как вы тут, герои-зенитчики?

А Якову только-только «Красную звёздочку» вручили, и был он поэтому необычайно возбуждён, смел даже. Как-никак первый орден! Взял да и бухнул комдиву, что они, герои, на батаре едва ноги таскают с голодухи.

На том вроде всё и закончилось. Но только дня через три-четыре вручили им с Юркой по билету на Большую землю. Вылет тогда разрешали лишь детям да особо ценным специалистам. Вот и их, окопников, по ходатайству комдива зачислили в разряд ценных и даже бесценных, выдали им по четыре ржавых селёдки на дорогу и отправили на аэродром. Селёдки такие, что только кости торчали вместо брюха, но съедены они были в один присест. Так как порешили друзья между собой, что завтра утром будут уже в Тихвине отъедаться на больших хлебах, поэтому не к чему им экономить погнившую блокадную жратву здесь, в кольце обороны, понапрасну теряя силы. Даже сухарика себе не оставили, рванули на аэродром на попутках с лёгким тыловым ветерком в голове, который довольно быстро улетучился, когда они узнали, что вылететь смогут только дня через три-четыре. Вот здесь-то они и затосковали. Да и было от чего. Ну, допустим, с голода умереть им не дадут, но четыре дня ждать самолёт!..

Аэродром был секретный, охранялся, естественно, усиленно, и порядки на нём были жёсткие. Внешне он напоминал огромный пустырь, на конце которого стояли два-три неказистых домика, не вызывающих подозрения даже у самого подозрительного человека. По пустырю, или же лётному полю, ходить запрещалось под угрозой расстрела на месте без предупреждения. Об этом специально извещало объявление, но выбора у зенитчиков не было, и как только прилетел «ЛИ-2» (а может, и «ТС-84», Яков Алексеевич уже и не помнит марку транспортного самолёта), рванули они с Юркой сразу к нему на всех парах, какие только ещё могли развести в своих котлах...

Почему-то по ним не стреляли. Может, такого нахальства никогда на аэродроме не бывало раньше, а может, проворонили их часовые? Одним словом, очутились они в очереди к трапу самолёта впереди какого-то худого-прехудого военного в замызганной и до того промасленной шинели, что и знаков различия на ней видно не было. Сразу чувствовалось – сильно голодал мужик в блокаде. Свой, значит.

Встали они нагло перед ним в очередь – молчит, ничего не говорит, только глазами хитро зыркает и молчит. Так и стоят, будто они всегда тут торчали...

Посадка проходила быстро, без формальностей и лишних проверок. Уже в самолёте Яков с Юркой на всякий случай расселись по разным углам. Яков пристроился почему-то рядом с доходягой, решив, что если тот промолчал на поле, значит, и здесь не выдаст при случае.

Вышла проводница, сержант, пересчитала всех пассажиров по головам, и хотя пассажиров было явно больше положенных 25 или 27 человек, ушла к пилотам. И, что самое интересное, ведь не ошибся Яков в своём соседе. Когда сержант считала всех, то тощий взял да и закрыл от неё вроде бы не нарочно Якова своей длинной рукой, болтающейся в широком рукаве шинели. Закрыл так ловко, что со стороны и трудно было догадаться, что он закрывал «зайца», а не лицо ладонью.

Яков мысленно сказал этому доходяге «спасибо» и сразу о нём забыл, так как самолёт побежал по неровному полю, и Яков понял, что он сейчас в первый раз полетит.

В полёте он всё пытался понять, что же с ним происходит «в воздухе», но так ничего и не осознал. Он даже не мог точно сказать, где он: в воздухе или же на земле. Окон в салоне не было. Да и сам салон напоминал больше нижнюю палубу корабля, на котором однажды Яков плавал по Оби, чем внутренности тех внешне красивых и жестоких машин, которые он привык расстреливать в воздухе на всех высотах и в любое время года и суток.

Хорошо ещё, что не встретились в полёте с немецкими истребителями, а то неизвестно, что случилось бы с бравыми зенитчиками под облаками... Но об этом Яков Алексеевич подумал только сейчас.

Когда привезли их на Большую землю, то сразу дали по 150 граммов свежего настоящего хлеба, и ещё чего-то жидкого. Поначалу много не кормили, боялись заворотов кишок, которые случались с блокадниками. Особенно часто, говорят, это было с первыми партиями вывезенных из Ленинграда. Но всё равно дня через три-четыре друзья так окрепли, что уже и к санитаркам стали подкатывать, шуры-муры заводить, глазки строить... И было с чего: в Тихвине уже по 900 граммов хлеба давали на человека. Хлеба настоящего, не блокадного!

И вот однажды, когда они так мило вдвоём «заливали баки» молоденькой санитарочке, видят – идёт им навстречу тот самый «доходяга»... в генерал-майорской форме. Они, естественно, ему честь отдали, и стоят, глаза выпучив, дураки дураками.

А он их тоже узнал, и к себе подзывает.

Подошли.

Спрашивает:

– Ну, как отдыхаете, хлопцы, хорошо?

Конечно же, хорошо, какой разговор!

– Ну, отдыхайте... Скоро назад нужно будет возвращаться.

И пошёл себе дальше.

Вот человек был! Другой на его-то месте осадил бы молодых нахалов ещё там, на лётном поле, и назад на передовую отправил с убийственной сопроводителькой, а этот... Сразу видно, свой мужик, фронтовик!

Так, первый раз за все четыре года службы в армии и на фронте, провёл свой отпуск Яков в тылу. Так почему же ему здесь, в Цессисе, не веселиться вместе со всеми, не гулять от души, тем более, что и повод есть: немца в море скинули и День артиллерии вовремя подоспел!

Отдых!

Отдых!!!

В День артиллерии устроили в штабе полка офицерский сабантуй, на котором присутствовали офицеры из штаба дивизии. Ну, выпили, конечно, изрядно, языки у многих развязались, слушок прошёл, что через несколько часов поедут они, как лучшие на всём фронте, да ещё в довоенном прошлом настоящие дальневосточники, на ещё не объявленную войну с Японией. Говорили об этом тихо, на ушко друг другу, но говорили, и командир полка слышал это. Слышал, но молчал, не пресекал разговоры, и Яков понял, что это от него узнали офицеры о новом месте дислокации.

«Непорядок», – подумал он по этому случаю, но вскоре за общим столом забыл про это. Всё равно эшелоны стояли уже под парами, готовые в любой момент загрузиться живой силой и загудеть по рельсам в любую сторону нашей огромной страны. Времени отправления только никто не знал, но к концу сабантуя, когда уехали офицеры из штаба дивизии, комполка закрыл вечеринку и приказал всем быть готовыми к отправке ровно в четыре часа утра.

По дороге на квартиру, где остановился Яков, капитан Генка Стахович, его сосед по квартире, со вздохом сожаления говорил о том, сколько всякого добра осталось на Рижском взморье и на складах, которые немцы даже не успели взорвать. Яков посмеивался над его крестьянской жадностью, со смехом говорил, что теперь другие этим добром попользуются всласть, а им в другую сторону топать и топтать. И это-то, наверное, больше всего взвинтило Стаховича.

– А что, – говорит, – если взять сейчас да и рвануть до Риги, набрать на дорогу всякого немецкого съестного припаса, всё равно до Японии с месяц пилить, не меньше. Отощам.

Яков снова посмеялся над ним, а Стахович вдруг говорит:

– Трусишь? Трусишь, Яша, прогуляться сейчас туда на студебеккере?

Вот так и ввязался Яков в ту авантюру, а с ним ещё три офицера...

До отхода эшелона оставалось часов пять, не больше, когда они двинулись в Ригу.

По тому, как легко отдали им студебеккер, понял Яков, что комполка знал о их ночном рейде по бывшим тылам противника, и ничего против не имел. Верил в них, знал, что вернуться вовремя, а лишний харч солдату в дороге не будет в тягость.

До Риги километров девяносто, дорога обледенела, туман...

До складов добрались довольно быстро. Ночь. Движение не особенно большое, без обычных пробок и заторов, грузовик летел по шоссе почти на одной скорости – миль 30-40 в час, спидометр на километры не показывал, машина-то американская.

На складах загрузили всё, что нашли в темноте, закинули сверх всякой меры ещё и несколько отрезков бостона (Зачем? Яков и сам не знал, озорство просто!), затащили бочку спирта, всяких деликатесов заморских, пару ящиков тридцатидвухградусного шнапса, и двинулись в обратный путь...

При луне море раскачивало на волнах трупы немцев, с потопленных нашими моряками судов на берегу тут и там валялись туши расстрелянных немцами коров, которых фашисты перебили несколько тысяч перед своим уходом, а чтобы наши не смогли воспользоваться мясом, они полили их керосином и подожгли. Ветерок с моря доносил запах жжёного мяса и тления. Туман усилился, и они вскоре сбились с пути, потому что гнали машину как угорелые. Да и шофёр, чёрт бы его побрал, успел на складах выцедить целую бутылку шнапса. В Цессисе не пил, а тут будто кто его за руку тянул!

Примерно через час приехали в какой-то хутор. Стали спрашивать дорогу, хозяйка отвечает по-немецки:

– Не понимаю!

А времени до отхода эшелона оставалось уже мало, и Стахович вытащил пистолет...

Смех и грех, но строптивая баба сразу же заговорила на чистом русском языке:

– Там дорога.

И рукой указала, в какой стороне.

И снова гонки в темноте и тумане.

Дорога ровная, машин нигде нет, рассветать стало, ну и разогнались до сорока миль по спидометру и не заметили, как на взорванный мост вылетели...

Чёртова националистка, знала, наверное, куда нас посылала!

Сиганули с моста красиво... Машину на три части развалили. В такой каше всё перемешалось в кучу. Шофёр и капитан Стахович, сидевший в кабине, сразу погибли, один лейтенант ранен, второй вместе с Яковым спланировал на брезенте, словно на парашюте, почти до самого берега.

Короче, так кувыркнулись, что ой-ой-ой!

Когда вытащили на берег тяжелораненого лейтенанта и погибших, осмотрели картину катастрофы, то увидели, что грохнулись у самой дороги, проходившей по другому берегу. Машины шли по ней резво и весело. Спокойно катили по своим делам солдаты и офицеры, везли грузы, боеприпасы, а тут...

Остановил Яков какую-то машину, положил в неё раненого лейтенанта, а сам в полк с товарищем потопал.

На попутке добрались в Цессис задолго до назначенного времени. Перед тем как идти на доклад к начальству, решили тяпнуть в штабе по соточке для храбрости. Старый хмель давно из головы вылетел, и хотелось хоть чем-то заглушить трезвые мысли, проснувшиеся в возбуждённом мозгу...

На остатках пиршественного стола отыскивали спирт, на закуску отрезали по куску масла, и только помянули погибших, как вошли «смершевцы»...

Быстро у них это дело сработало, быстро...

Яков попросил разрешения позвонить командиру полка. Старший разрешил. Комполка, как только узнал всё, попросил передать трубку старшему «смерша». Через несколько минут и сам пришёл в штаб.

О чём они говорили друг с другом, Яков не знал, но только всё шло к тому, чтобы замять это дело «полюбовно». Мало ли в то время было таких вот дурных случаев, когда старые, прошедшие огонь и воду солдаты и офицеры, попав в совершенно мирную жизнь, гибли сами или калечили жизни других. Война всё это была, война!

Может, нагоняем всё дело и обошлось бы, но, как на грех, эту катастрофу видели член Военного Совета фронта и вновь назначенный прокурор Республики, проезжавшие по фронтовой дороге на этой стороне взорванного моста. У них на глазах и кувыркнулась машина на полном ходу. На глазах у них и консервы итальянские летели, и бочка со спиртом, и тюки с бостоном...

Одним словом, дали они распоряжение начать следствие по делу этой странной аварии. И уже утром, часов в шесть, Якова и лейтенанта арестовали незадолго до отправки эшелона. Впрочем, отправку эшелона в ту ночь откладывали дважды, да и потом уехал полк на восток лишь суток через двое. Что-то не сработало в верхних инстанциях. Зря, значит, спешили ребята в тумане, зря кувыркнулись, зря контузию получил Яков, зря и парни погибли...

– Глупо всё это было, глупо! – Яков Алексеевич до сих пор себе простить не может такой дурацкой безответственности, беззаботности...

А всё она, хоть и не окончательная, но победа! Тыл! Все же на головах ходили. У каждого в глазах чёртики прыгали! Пьяные без вина были...

Жизнь, молодость, радость завершения трудного дела – всё перемешалось в людях тугим комком бьющей через край энергии. Внутренняя сила искала выхода, вот и нашла...

Нет, Якову, старшему лейтенанту и фронтовику-блокаднику, всё простили: и самоволку, и загубленную машину, и бостон, и две смерти... Не простили только время отправ-

ки эшелона. Всё допытывались, откуда он его знал? Оказывается, это была государственная тайна, как и место будущей дислокации дивизии. Военных-то действий с Японией тогда ещё не было, к войне шла только подготовка.

Молоденький лейтенантик – тот сразу «раскололся» и на командира показал, а вот Яков молчал. Не хотел подводить комполка под трибунал. Знал, что за разглашение такой тайны по головке не поглядят. Да и разве мог он предать того, кому носил в блокаду сухари?

Промусолили Якова три дня, потом суд был. А до суда всё же помог ему комполка, вступился за него в самых высоких сферах. Успел и на «свиданку» к нему попасть, сказал, что если будет молчать Яков, то уже через пару месяцев снова будут они вместе служить в одной части. Прощение на имя Калинина предложил написать после суда. Успокоил, одним словом.

Сидел Яков в рижской тюрьме, только что отбитой у немцев. Все стены её, все, до последнего миллиметра, были исписаны именами и датами расстрела. Народу в камере набралось многовато, и потому как-то не осознавалось, что сидят-то они в камерах бывших смертников, через которые прошли за последние годы тысячи и тысячи узников, ушедших отсюда, с этого порога, на казнь. Сейчас-то Яков Алексеевич это понимает, а тогда он слишком был занят своими бедами, слишком неосознанно воспринимал смерть при всей её страшной конкретности и пугающей близости. Пугающей его сейчас. Его, почти семидесятилетнего старика, прожившего жизнь, прошедшего и испытывшего в ней всё. Почему же тогда он, двадцатилетний, относился к ней по-иному? Может, потому, что не знал ещё, что такое есть настоящая жизнь? Может быть. Может быть.

В камере все говорили, что ему нужно обязательно написать «помиловань». Он запомнил это, но долго не мог вникнуть в смысл этого «помиловань». И только когда после суда ему дали стандартный лист бумаги, огромный, как простыня, с надписью в верхнем углу «Просьба о помиловании», он понял, что это и есть та самая «помиловань», о которой ему столько твердили в камере.

Суд был скорый, открытый... Дали пять лет тюрьмы, чего Яков никак не ожидал. Он был уверен, что всё это так, понарошку. Он до последнего не верил в реальность происходящего. Он всегда был уверен и даже убеждён, что его могут убить, ранить... но судить!.. Этого с ним не могло произойти. Ведь он же не нарочно! Он же фронтовик! Кровь за Родину пролил!..

А кому что докажешь? Разве он один воевал? С ним в камере сидели все фронтовики, все бывшие герои.

Лётчики-штурмовики пробомбили свои позиции по ошибке, артиллеристы обработали свой передний край из-за износа стволов...

Через несколько дней повезли их эшелоном на восток. В тюремном вагоне народу битком набито. Люди стояли, сесть было не на что. В вагоне как-то так вышло, что командование надо всеми быстро взял на себя полковник-танкист, бывший, конечно, полковник. За что он был судим – никто не знал, но чувствовалось, что мужик тёртый, бывал в переделках и похуже, поэтому к нему потянулись. Он сказал, что скоро поезд подойдёт к Казанскому вокзалу в Москве, там будет народ, а так как здесь везут много людей невинно осуждённых, то нужно требовать представителя правительства для разбора их дел на месте, в Москве.

Люди воспрянули духом, так как многие действительно были уверены, что ничего страшного не сделали, «залетели» по глупости...

Так думал и Яков.

И вот, когда в Москве их вагон поставили недалеко от перрона Казанского вокзала, который был виден из зарешёченных окошек, стали они дружно скандировать, требуя представителя правительства. Народ стал собираться у вагона, шуметь. Собралось довольно много, несколько сотен.

Тут быстро их вагончик подцепили к свердловскому поезду и дальше на восток отправили.

В Свердловске для профилактики, не разбирая правого и виноватого, выдали всем и каждому по первое число, пропустив сквозь строй охранников, вооружённых обыкновенными палками-штакетинами, так что на будущее сразу пропала у Якова охота что-то требовать и просить.

Да и у других тоже, потому что ещё с неделю вытаскивали мужики у себя занозы и про гуманные советские законы думали.

После «профилактики» вагон дальше погна-ли.

Уже в Новосибирске к ним зашёл прокурор со списком заключённых, спросил, кто тут фронтовики, всех переписал. Спросил, в чём нужда имеется...

При прокуроре выдали свежий хлеб. Единственный раз за всю дорогу. Потом снова повезли.

Всё дальнейшее, что происходило с Яковым, он помнил как в тумане. Наверное, ещё давала себя знать контузия...

В Канске их сгрузили на маленькой станции, пересчитали и погнали по тайге на лесоразработки.

Двести пятьдесят километров прошли всего за три дня.

В первую ночь ночевали в каком-то подвале, в котором хранили до этого свёклу. К утру всю оставшуюся свёклу съели.

Вторую ночь ночевали в большой бане, где их кормили кашей прямо из шаек, в которых мылись заключённые...

Не раз в то время приходила Якову мысль о смерти. Нет, он не хотел умирать, но он пытался понять, почему же вышло так, что он вышел из огня живым для того, чтобы принять позор? Кому это нужно? Почему так посмеялась над ним судьба? Сколько раз щадила, и вот... Нет, здесь всё не так просто. Здесь что-то важное есть ему от судьбы, но что? Какой знак?

Яков никому не говорил о своих думках, ни с кем не делился, и всё больше замыкался в себе. Он надеялся на чудо, которое спасёт его, вытащит из этой ямы. Как не раз уже бывало до этого на фронте.

На фронте...

Его все считали в полку счастливым: если ранило, то легко, если попал в беду, то выходил из воды сухим.

Однажды под ним разорвался фугасный снаряд. Да, самый настоящий артиллерийский снаряд.

Это было весной, ещё в блокаду. Как всегда, от первой зелёной травки мутилось в голове, и даже в истощённом теле чувствовался прилив сил. Хотелось чего-то необычного, ну, например, гору свернуть! И ворочали, что могли и как могли. Яков, например, тогда ещё старшина, боролся прямо на позиции со своим взводным, и нечаянно сломал ему ключицу... Взводного отправили в госпиталь, а Якова вызвали в штаб полка для объяснений.

Шёл Яков в штаб вместе с офицерами, и вдруг зашелестел снаряд, они все дружно бросились на небольшой холмик... Под него-то и залетел фугас.

Залетел и зарылся, видно, слишком глубоко ушёл в болотистую почву, потому и не смог поднять огромный для него вес. И только словно вздохнул холмик под Яковым, защищая его от смерти...

А что стоило судьбе быть менее жалостливой к нему на войне? И всё, не было бы сейчас ничего, не было бы и этого позора...

В Тугучинском лагере у Саян, куда определили Якова, сидели большесрочники. Многие добывали лес для авиационной промышленности ещё с 1937 года. В основном это были грузины, чему Яков был удивлён до крайности. К тому времени кое-что люди уже понимали, кое-что кумекали... Да и по дороге в лагерь кое о чём пришлось подумать и услышать Якову про порядки в стране, про лагерь... Про 1937 год.

В лагере Яков обратил на себя внимание пожилого большесрочника, который оказал-

ся бывшим секретарём обкома партии где-то там, в Грузии. Этот бывший секретарь помог Якову устроиться на пилораму, с «допайком» помогал, который заключался в пайке мяса, изредка добываемой заключёнными охотой на диких коз. Да, охотой. Лагерь-то не был похож на те, что изображают в кинокартинах или книгах. Это была огромная территория, целая система лагерей, вокруг которой невозможно было даже при всём желании поставить колючую проволоку, часовых и прочую привычную атрибутику мест заключения. Но бежать отсюда было бессмысленно. И это все понимали хорошо.

Заклётённые жили в землянках, охраняемые солдатами, под охраной ходили и на работу, и с работы, но так как лагерь не имел чётко пограничной территории, то можно было и козу подловить, если, конечно, знали, где её тропа проходит, и птиц в силки заманить...

Землянки были с двухъярусными деревянными нарами, постелью на которых была всё та же арестантская одежда, состоявшая и зимой, и летом из ватника и телогрейки.

Свободное время проводили, кто как мог. Яков частенько играл в шахматы с бывшим академиком, который тут вместе со всеми валил лес, с директором крупного завода и, конечно, с секретарём обкома.

Яков как-то спросил у него, не удержался, за что тот сидит.

Усмехнулся секретарь и сказал:

– В юности я бродил по дорогам Грузии с мальчиком Иоськой, делил с ним одну лепёшку на двоих. В зрелом возрасте работал на партийной работе с Иосифом, товарищем по партии. А посадил меня сюда вождь мирового пролетариата, в божественную биографию которого не вписывались некоторые юношеские проделки двух босоногих бродяжек.

Больше Яков у него ни о чём не спрашивал.

А вообще-то просидел Яков в том лагере совсем немного. В августе вызвал его к себе в контору начальник и дал бумагу, в которой было написано, что он освобождается из-под стражи и отправляется в действующую армию в прежнем звании.

Бумага о помиловании подействовала и заступничество комполка.

Ноги у Якова подкосились, и он сел прямо на пол.

Начальник подождал немного, пока он придёт в себя, а потом сказал, чтобы шёл он в контору лагеря с двумя лётчиками, бывшими фронтовиками, которые тоже освобождались из-под стражи и отправлялись в действующую армию.

Едва успел попрощаться Яков со своими грузинами, академиком и директором завода, и тут же бегом-бегом вон из лагеря!

Да-а, нужно было видеть, как смотрели на них зеки, просидевшие уже с десятков лет и впервые, наверное, видевшие освобождающихся!

Трудно описать чувство, охватившее и трёх бывших заключённых, рвущихся к свободе.

Часа через три они были у начальника большого лагеря. Выдав документы, он приказал им в течение часа покинуть территорию вверенного ему объекта.

Как же они рванули оттуда!..

На радостях за день, с трёх часов до сумерек, отмахали сдуру шестьдесят восемь километров. Опомнились только тогда, когда уже и ноги идти отказывались. У лётчиков обувь плохая была, так у них из подошв кровь капала. Кровь...

Ночевать в поле не хотелось, и Яков забрался на сосёнку, осмотрелся, увидел огонёк, подумал, что деревня, и уговорил лётчиков потерпеть ещё немного.

Через полчаса доковыляли они до огонька, но это оказался полевой стан, в котором жил старик, перепугавшийся их до смерти. Едва его успокоили, показав документы об освобождении. Он их накормил, чем мог, и спать уложил...

Долго не мог уснуть Яков в ту ночь. Всю свою короткую жизнь заново поэтапно перебрал, со всеми интересными подробностями её ещё раз на «ты» сошёлся, и вдруг подумал, что счастливый он человек. Ведь жив остался и из такой передряги почти без урона выкарабкался! Чудом выкарабкался! И знал, что будет чудо. Не могло его не быть, потому что везучий он, Яков. Это ли не счастье в жизни?

Ночь прошла быстро. Но утром встать смогли не сразу. Ноги ныли и гудели, будто и не отдыхали вовсе. Пришлось заставлять себя подниматься и идти дальше.

За весь следующий день прошли всего четыре километра.

Ох и дались же они им, эти четыре километра свободы! Хорошо, что встретили на дороге женщин, собиравших продукты по деревням в обмен на одежду и прочие довоенные безделушки. Представились им по форме, с предъявлением всех соответствующих документов, так как перепугались их бабы жутко поначалу. А потом познакомились, рассказали им ребята свои истории, и посоветовали им бабы не ходить дальше, а подождать вместе с ними полуторку, которая должна была прийти из города. Накормили...

Кажется, что никогда раньше не ел Яков такого вкусного и ароматного хлеба, слегка пропитанного постным маслом. О сливочном тогда и не поминалось в городе, ели его только спекулянты и прочие выжиги. А женщины оказались

фабричными. Они работали на одной фабрике, и изредка ездили на своей машине по району и совершали такой вот «натуральный обмен» для всех своих фабричных.

Одна из женщин сразу как-то прицепилась к Якову, говорит, что напомнил он ей убитого под Москвой мужа, старшего лейтенанта. Разговорились... Пригласила она его в гости, обещала отдать вещи мужа даром, потому что в той одежде, которая была на Якове, в город показываться было нельзя.

Вряд ли она имела какие-то свои виды на Якова, потому что больше плакала, вспоминая мужа, чем говорила. Яков поблагодарил её, написал адрес, но сказал, что им нужно в первую очередь добраться до военкомата, а уж потом... Потом он обязательно зайдёт в гости. И, конечно, не в этой одежде.

Тем временем подошла машина, женщины быстро договорились с шофёром, который, увидев бывших зеков, сразу же согласился на всё.

Видно, видок у лагерников был ещё тот!

В военкомат приехали под вечер, и военком даже слушать их не стал, сказал, чтобы встали вначале на довольствие по всем видам, а уж потом, с утра, когда они отдохнут, а военком кое-какие свои дела утрясёт, вот тогда – пожалуйте!

Они не возражали.

А утром объявили, что окончена война с Японией.

И военком вдруг дал задний ход: мол, ничего не знаю, в предписании написано «отправить в действующую армию», а действующей армии, выходит, уже нет. Вот если бы вчера успели все дела оформить...

И началась нервотрёпка!

Кто они? Что делать военкому с ними дальше? Отправлять назад в лагерь или в какую-нибудь воинскую часть?

Военком струсил, не захотел принимать на себя ответственность, и отправил депешу в Москву.

Формально они были уже вольные люди, освобождённые из-под стражи, и потому им разрешили гулять по городу до 18 часов. Питались ребята по военной норме, но одежда на них оставалась всё та же, зековская, поэтому в город они не ходили, а забирались часов с шести утра в лес и просиживали в нём весь день.

Яков всё ещё хранил адрес женщины, и мог бы воспользоваться им, но не хотел накликать и на неё беду. Он неожиданно для себя стал суеверным и мнительным. Такого поворота событий он не ожидал.

Через несколько дней пришла депеша из Москвы: демобилизовать, и год условно каждому.

Конечно, они обрадовались этому решению Москвы, но радость была с тяжёлой горчинкой.

Военком отпустил их с миром в тот же день, выправив все бумаги, как того требовал закон, но денег не дал. И ехать им домой было не на что. Решили ехать на запад товарняком, на угольных платформах. Запаслись кое-какой едой и поехали.

Ближе всех оказалось ехать Якову. В Новосибирске он расстался со своими попутчиками и отправился в свою деревню пешком. Но перед этим зашёл в Новосибирске к тётке, с мужем которой встречался на фронте.

Она испугалась, увидев его в такой одежде, не признала вначале... Потом отдала дядину одежду, долго плакала, пока Яков рассказывал о встрече с дядей, оставляла ночевать...

Когда Яков вошёл в дом, мать стирала, увидела его и упала в обморок. Он же ей ничего не писал с самого момента ареста, и она ничего не знала о его судьбе. А накануне его прихода, оказывается, было ей какое-то видение про Якова, вот она и... обмерла, увидев его.

Пожил Яков в деревне недолго. Тяжело ему было в ней. Он знал, что не сможет больше жить на родине после всего случившегося, ещё там, у военкома, когда оформлял документы в этот южный город, в котором живёт сейчас. Здесь перед войной жила его сестра, ныне уже покойная, вот к ней-то и приехал с матерью насовсем. Мужа у сестры убили на фронте, детей не было, поэтому зажили они как бы одной семьёй, словно и не было между ними военных лет. Правда, вскоре напомнила о себе война тяжёлым нервным недугом, но это были уже мелочи... Мелочи!

Постепенно война забывалась, уходила куда-то вдаль, лишь изредка напоминая о себе болями в старых ранах, неожиданно подсакивающим давлением, чрезмерным волнением при встречах с каким-нибудь очередным Витькой Карпухиным, кошмарными снами...

Совсем недавно вызвали Якова Алексеевича в военкомат для вручения ордена Отечественной войны. Сначала он не хотел идти – зачем ему этот орден, если не вернули те восемь наград за войну? Но потом всё же пошёл. Наглотался таблеток и пошёл.

Орден вручал сам военком, молодежавый полковник. После вручения и поздравления он пригласил Якова Алексеевича к себе в кабинет. Там, оставшись один на один, полковник заговорил с ним про его прошлое. Яков Алексеевич понял только одно, что полковник не понимает, почему он, Яков, не хлопотал после войны о возвращении орденов и партбилета...

Яков и сам не знал этого. Впрочем, почему не знал? Знал! Да как объяснишь этому полковнику, не выдавшему войны, что у бывшего старшего лейтенанта, прожившего на войне три года и десять дней, есть гордость. Гордость фронтовика, получившего награды за бои, за боевые операции, за сбитые самолёты и уничтоженные танки, а не за сидение в штабах и тыловых частях. Разве мог он ходить с протянутой рукой по инстанциям и просить то, что заслужил кровью? Разве он так уж виноват в том, что с ним случилось? Это жизнь взяла и посмеялась над ним... Нет, неверно это. Почему посмеялась? Она в очередной раз преподнесла ему свой подарок, неожиданный при такой-то жизни – старость. Старость, которую никогда не увидят его бывшие боевые товарищи.

Полковник сказал на прощание, что похлопочет о деле Якова Алексеевича, попробует вернуть ему то, что он должен носить по праву, просил не иметь обиды...

А на кого обижаться?

Яков Алексеевич уже всех простил, кого и не стоило даже прощать. И всё же обида жила в нём. Обида на жизнь, допустившую гибель отца, обида на войну, кончившуюся слишком рано. Ещё бы недельку, ещё бы два-три дня...

На крыльцо снова вышла Анна.

– Ну, вот что, милый, нечего тут столбом стоять, пошли-ка домой. Хозяйку я уже предупредила. – Она сунула ему в руки шарф и потащила за рукав к калитке.

Яков Алексеевич шёл, не сопротивляясь, и в душе радовался тому, что не нужно ещё раз возвращаться к столу, ещё раз видеть пьяные лица Витьки Карпухина и Петра Фёдоровича. Не нужно ещё раз вспоминать свою обиду, свою жизнь. Радовался, что рядом шла его старая, испытанная суровым временем и невзгодами подруга.

Какое же всё-таки это счастье – верная жена и надёжный товарищ! Нет, грех ему сетовать на судьбу, грех! Что в жизни может сравниться со счастьем любви? Как это прекрасно – любить и быть любимым! Господи, да за одно это можно умереть не задумываясь, не то что потерять ордена и медали...

Они вышли на шоссе. Под ногами чавкал мокрый снег, уличные фонари светили безжизненным сиреневым светом, редкие легковые машины пронеслись мимо одинокой пожилой пары, осыпая её ледяными брызгами и поливая грязной водой. Лыдинки звенели, падая на лёд тротуара, или булькали в лужах, вода коркой застывала на одежде. И никому в целом свете не было дела до двух стариков, одиноко бредущих куда-то.

Пики к бою, шашки вон! В лаву арш, арш!..

Этот боевой клич казаков остался на полях сражений, и 26 мая на Татышеве если прозвучал где, то больше в шутку. Хотя чемпионат Сибири по рубке шашкой – в честь столетия образования Енисейского казачьего войска – был вполне серьёзным мероприятием. Инициаторами его были Красноярская региональная общественная организация «Союз казаков Енисея» и Межрегиональная общественная организация развития традиционного военного искусства «Федерация рубки шашкой «Казарла».

Ерёмичев Н. Е. – президент федерации по рубке шашкой «Казарла»

Всё большую популярность приобретает этот вид казачьего спорта в России. Казаки съехались в Красноярск с разных концов страны – из Москвы и Подмосковья, из Кемеровской и Иркутской областей, из Республики Хакасия, из Забайкальского и, конечно, нашего Красноярского края, чтобы показать свою удаль и мастерство владения шашкой.

Зачин положили красноярские концертные коллективы, показавшие на открытой эстраде острова зажигательный концерт. По окончании его зрители и болельщики с интересом наблюдали за торжественным построением с выносом знамени, молитвой и освящением шашек (протоиерей Андрей Кручинкин, проведя службу, тоже принял участие в рубке).

С поздравлениями по случаю славного юбилея выступили Рафиков Р. Г. – заместитель начальника отдела по общественным связям губернатора Красноярского края, Оглуздин А. Н. – товарищ атамана Енисейского войскового казачьего общества, Ерёмичев Н. Е. – президент федерации по рубке шашкой «Казарла», Цыкал А. М. – председатель регионального отделения «Казачья партия Российской Федерации» и Высотин А. М. – первый атаман Енисейского казачьего общества (1996–2000 гг.). И вот атаман КРОО «Союз Казаков Енисея» Анатолий Алексеевич Князьков даёт старт чемпионату!

Начался он с показательного выступления победителей различных чемпионатов по рубке шашкой из федерации «Казарла». Нынешний чем-

пионат состоял из пяти этапов, которые дались не каждому, что бурно обсуждалось после прохождения этапов. Аплодисменты и крики одобрения звучали с трибун, когда спортсмены выступали с блеском, менее удачливых ободряли слова поддержки. После подведения итогов президент федерации рубки шашкой «Казарла» вручил заслуженные награды чемпионам. Среди взрослых им стал младший урядник Малахов Вячеслав Валентинович (СКО «Преображенское»), получивший шашку в серебряном окладе, среди юниоров – Бояркин Трофим (детский казачий военно-спортивный клуб «Есаулец» «КРОО «СКЕ»), который был награждён (на зависть побеждённым в этот раз) учебным набором для ножевого боя.

С ответным словом выступил атаман Князьков А. А., подкрепив его вручением президенту федерации по рубке шашкой «Казарла» грамоты и сувенира чемпионата Сибири по рубке шашкой. Сувенир с любовью сделали дети из Центра молодёжного инновационного творчества «Дивногорск».

Два атамана – Ачинского казачьего отдела Попов В. Н. и Большеулуйской станицы Швец И. И. – торжественно преподнесли атаману Союза казаков Енисея Князькову А. А., по поручению станичников и с благословения штатного священника Казанского кафедрального собора г. Ачинска, протоиерея Валерия Юрьевича Русакова, символ казачьей власти – булаву. Все присутствовавшие на чемпионате казаки одобрили подарок троекратным «Любо!».

В завершение церемонии атаман при братьях казаках принял присягу верности России, казачеству и вере православной у молодых казаков. Присягали юноши на животворящем кресте и святом Евангелии...

А пока шли соревнования, казаки в полевой кухне КП-130 приготовили гречневую кашу с мясом и накормили всех участников и гостей чемпионата. На торжественной ноте он был закрыт, и казаки разъехались по своим станицам готовиться к чемпионату следующего года.

В. Попов,
участник чемпионата,
атаман Ачинского казачьего отдела

http://sibargument.ru/news/1300_-piki-k-boyu-shashki-von-v-lavu-arsh-arsh.html

Они же дети...

Белый дом осудил задержания протестующих на акциях в России

Официальный представитель Белого дома Шон Спайсер на брифинге в Вашингтоне осудил задержание участников несогласованных акций протеста оппозиции в России.

«Соединённые Штаты строго осуждают задержание сотен мирных протестующих по всей России 12 июня», – заявил он.

Также Спайсер отметил, что США «будут следить за развитием ситуации», и призвал отпустить задержанных.

Ранее в МВД сообщили, что в несогласованной акции оппозиции в Москве участвовали около 4500 человек, 150 из них были задержаны. Также сообщалось, что полиция задержала

500 участников несанкционированного митинга в Санкт-Петербурге.

http://mirtesen.ru/url?e=pad_click&announce=1&pad_page=0&utm_campaign=newsletter_main&blog_post_id=43468224895

А. Семёнов

Было или не было, кто ж знает

В автозаке было весело и совсем не страшно. Кто-то даже сказал, что как в клубе, только на колёсах (взрыв хохота) и решётки на окнах. Пацаны шутили и делали селфи, чагались, звонили друзьям и подругам. Бывалый оппозиционер и матерый борец Глеб Яшкин авторитетно заявил, что повезут, скорее всего, в какое-то ОВД в ЦАО, оформят протоколы, позвонят родителям (если кто несовершеннолетний), да и отпустят.

– Часов в девять вечера вы дома будете, пацаны. А меня, наверное, подзадержат до утра гебисты. Ну, придём к власти – из этих (махнув пухленькой ладошкой в сторону кабины) каждый ответит! Этих я лично найду и каждого люстрирую!

Малолетние борцы одобрительно зашумели, повысив интенсивность сетевого общения...

– Глеб, а нас не в ЦАО вроде везут... По Ярославке едем.

– Ну, от этих сатрапов можно любую мерзость ждать! Значит, в СВАО везут. Задержанных, видимо, много, в ЦАО не справляются. Раскидывают по округам. Ничего. Лишний пункт им в обвинение! Каждого люстрирую из этих! Каждого! Два раза!

– Глеб, а мы за МКАД уже. Куда едем-то?

– Ну, в Мытищи, наверное. Или в Королёв. Видимо, задержанных тысячи. Округа переполнена. В область повезут.

– Пацаны, а у меня сети нет.

– И у меня...

– Сейчас появится. Может, сбой какой? Как тогда у «Мегафона»?

...Однако сети не было у всех. В салоне повисло напряжение. Народ приумолк, лишь

Глеб, близоруко щурясь, пытался разглядеть что-то в окно.

– А мы Софрино проезжаем.

– Какое тебе Софрино? Никогда туда не возили.

– Да говорю же – Софрино. У нас дача здесь. Дорогу знаю. А дальше там – Сергиев Посад, Александров.

– Пацаны, это что же – сегодня домой не вернёмся? Глеб, а Глеб!

– Да что – Глеб, Глеб! Я сорок лет Глеб! Режим кровав и мерзок, друзья! Они ответят! Я им всё припомню. И вы все мне поможете! Когда мы едины – мы непобедимы.

– Слышь, ты, чудило, заткнись. Если б не ты – я б с друзьями на роликах...

...Тут машина притормозила и, повернув, съехала с дороги. Дальше, судя по тряске, ехали по грунтовке. В окошках виднелся лес...

В салоне автозака как-то всё смолкло, и даже Глеб сидел молча, отирая платочком лоб.

Машина остановилась.

– Эй вы, шакальё, живы там? – раздалось снаружи.

– Это они нам? – прошептал кто-то.

– Живы там? Не сдохли пока? Чё умолкли, с*ки?

– Петров! Прекратить.

– Есть прекратить, товарищ сержант госбезопасности!

– Выводи.

– Есть выводить! Граждане заключённые, слушай сюда. Выходим из автозака, строимся, руки за спину.

Дверь, лязгнув, распахнулась...

– Пацаны, а кто эти? Форма какая-то чудная... Лес кругом...

– Граждане заключённые, по одному – на выход! Первый пошёл! Руки за спину...

... – Пятнадцать человек, товарищ сержант госбезопасности. Как в аптеке!

– Что происходит? Кто вы такие? Куда вы нас привезли? – обращаясь к стоящей напротив группе людей в гимнастёрках с петлицами и в синих галифе тонко возопил Глеб, которого била нервная дрожь.

– Молчи, тварь. – не разжимая губ с папирской, равнодушно выдохнул по виду старший. – Целее будешь, гнида. Петров, этих – туда. Куда и тех.

– Есть, товарищ сержант госбезопасности! Граждане заключённые, в колонну по два и шагом марш. Шаг вправо-шаг влево – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация. Конвой стреляет без предупреждения. Шагом марш!

Колонна сбитых с толку пассажиров автозака, заложив руки за спину, на подкашивающихся ногах двинулась с поляны по тропинке вглубь леса. В голове шёл, покуривая папирску, судя по всему, сержант, за ним двое бойцов с трёхлинейками, по бокам колонны шло ещё четверо таких же бойцов, замыкал колонну, пыля и загребая ногами, Глеб. За ним шёл Петров с наганом в руке.

– Товарищ, товарищ...

– Тамбовский волк тебе товарищ, сволочь!

– Я ничего не понимаю! Что происходит? Вы можете объяснить?

– Заткнись, падла. Сейчас придём и всё тебе объяснят. Товарищ комиссар лично объяснит. Он любит такое.

– Какой комиссар? Какой...

– Заткнись, я сказал! – мощным пинком хромового сапога в зад оппозиционера Петров прервал содержательный диалог.

...Пацаны шли молча, потерянно озираясь...

– Стой! Пришли...

– Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности! Спецконтингент в количестве пятнадцати человек доставлен!

– Вижу, сержант.

На лесной поляне зияла свежераскопанная яма. В отваленном грунте торчало десятка два лопат, стояли в козлах винтовки, у костерка пили чай, разливая его из закопчённого чайника, бойцы в гимнастёрках без погон и с малиновыми петлицами. Чуть дальше стояла чёрная «эмка», шофёр, расстегнув ворот и засучив рукава, протирая стёкла и фары.

Невысокий, плотно сбитый человек в перетянутой ремнями гимнастёрке и блестящих хромовых сапогах внимательно смотрел на пришедших. Посмотрев на каждого, вздохнул, снял фуражку, протёр платочком бритую голову, надел фуражку, снова вздохнул и обратился уже к ошалело озирающимся пассажирам автозака:

– Граждане заключённые! Не буду читать вам лекций о сложном положении в стране и в мире – оно и так вам известно. Суровые времена требуют суровых действий. Каждая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. В общем, к яме становись!

– Как это – к яме? – внезапно заорал Глеб. – Товарищ комиссар! Я же свой! Это всё не я...

Глеб рухнул на колени, рванув на груди футболку с логотипом «Нет тирану!». Молодняк, сбившись в кучу, молча трясся от страха.

– Товарищ комиссар! Не надо! Пожалейте! Я не враг!

– Чем докажешь, падла, что ты не враг народа?

– Товарищ комиссар, да он обоссался от страха! На пузе елозит... В ссанье своём... Говно, а не человек. Малолетки вон стоят, трясутся, но не ссутся. А этот... Гнида, одно слово.

– Товарищ генерал!

– Тут генералов нет, мразь! Генералы у царя да у фашистов, у твоих хозяев, вражина!

– Простите... Товарищ комиссар, пощадите! Я не враг! Я свой, я хороший! Я наш, советский человек! Я докажу!

– Чем докажешь, гад, что тебе верить можно?

– Товарищ комиссар! Да я сам... Этих... В расход... Собственноручно. Каждого! Только пощадите!

– Хм... Сам, говоришь, каждого? В расход? Сержант, как считаешь?

– Товарищ комиссар, да гнида он. Не верю я ему.

– Зря ты так, сержант. Людям надо верить. Верить надо людям. Вот Петров наган ему пусть даст свой. Петров!

Глеб, шатаясь, поднялся на неверных ногах, окутанных мокрыми и грязными штанами...

К нему, скаля зубы, вразвалочку шёл Петров, на ходу расстёгивая кобуру и доставая наган...

– Свезло тебе, падлюка! Счас этих кончишь – и свободен! Везучий ты, гад... Аж завидно!

Глеб, судорожно отряхиваясь, обернулся к своим недавним соседям по автозаку:

– Ну, что, гады, столпились?! К яме! Кончать вас счас буду, сволочей! Как же я вас ненавижу, мразей! Давай ствол, Петров!

Как-то иновременно и внезапно заиграла какая-то знакомая мелодия. Комиссар госбезопасности из нагрудного кармана вынул смартфон и приложил к уху...

Глеб остолбенел...

– Ну, что смотришь, гад? – заржал Петров, убирая наган в кобуру. – Расслабься. Фестиваль у нас. «Времена и эпохи». С погружением. Счас обратно повезут. Свезло тебе, гнида!

https://pikabu.ru/story/byilo_ili_ne_byilokto_zh_znaet_5121233

Страницы истории

В. Шулдяков

2-я батарея сотника Красноусова

Евгений Красноусов. 1 – кадет Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

2 – сотник (взводный сержант) Отдельного Русского отряда Шанхайского волонтерского корпуса, 1829 г.

3 – капитан, адъютант Русского полка Шанхайского корпуса

В 1934 и 1941 годах в Харбине Войсковое представительство Сибирского казачьего войска в Зарубежье издало два тома альманаха «Сибирский казак», рассказывающих о до-революционной жизни Войска. Третий том – о революции, Гражданской войне и эмиграции – издать не успели. В 1945 году с приходом Советской Армии русское сообщество Маньчжурии было разгромлено, а собранные материалы исчезли безвозвратно.

Попытку восполнить пробел в войсковой истории предпринял уже в 1950-е годы в Австралии сотник Е. М. Красноусов.

Евгений Михайлович Красноусов родился 4 марта 1901 г. в Омске в семье офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Войсковой приготовительный пансион, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1918) и военное училище (1919). После производства в чин хорунжего артиллерии (Иркутск, 3.07.1919) был

назначен командиром 2-го взвода 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона, с которым участвовал в осенних боях 1919 года в Западной Сибири. После Великого Сибирского Ледяного похода получил чин сотника. В 1920–22 гг. в Забайкалье и Приморье воевал в составе Сибирской казачьей батареи и Забайкальского казачьего артдивизиона. В эмиграции жил в Шанхае. С февраля 1927 по декабрь 1945 года Красноусов служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. Начав взводным сержантом, закончил полковым адъютантом в чине капитана.

«Он импонировал своей внешностью, – вспоминал командир полка С. Д. Иванов, – высокий рост, хорошее сложение, голубые глаза и приятные манеры привлекали внимание каждого. Был он интересным собеседником; всегда имел собственное, не зависимое ни от кого мнение, не боялся его высказывать...»

Победа коммунистов в Китае вынудила Красноусова эвакуироваться на Филиппины – в «Палаточный лагерь» на острове Тубабао, потом – в Австралию. В Брисбене он устроился рабочим на фабрику.

Здесь Красноусову пришла мысль завершить работу, начатую в Харбине «стариками»: собрать и издать материалы о сибирских казаках в Гражданской войне и в эмиграции.

В 1951 году он выпустил «Памятку» к войсковому празднику (19 декабря), в которой просил сибирцев присылать воспоминания. Однако в течение более пяти лет никто ничего не прислал! Рассеянные по всему миру сибирцы были разобщены, отягощены материальными проблемами и, видимо, не верили в успех предприятия. Да и в живых их оставалось к тому времени не более ста человек.

Тем не менее, идея издания «дополнения» к «Сибирскому казаку» не оставляла Красноусова. В мае 1957 года в сиднейском журнале «Русский в Австралии» вышла статья семиреченского войскового атамана А. М. Ионова, приуроченная к 375-летию Сибирского войска. Прочитав её, Красноусов немедленно написал атаманам Сибирских станиц в Сиднее и Сан-Франциско, а также жившей в Германии сибирской казачке поэтессе Марии Волковой, что приступает к подготовке «Юбилейного сборника», который планирует издать к 19 декабря 1957 г. Все расходы и работу Красноусов брал на себя, просил лишь организовать присылку материалов.

Сам он сразу же сел за воспоминания о службе во 2-й батарее – писал, «отдыхая от фабричной работы». Но от других сибирцев опять ничего серьёзного не поступило. Пришлось отложить выпуск книги до июля 1958 года, продолжая «бомбардировку» казаков письмами.

Видя, что притока материалов нет, Красноусов расширил свои очерки описанием участия сибирцев в дальневосточных событиях 1921–22 гг. (опираясь на труд историка Б. Б. Филимонова «Белоповстанцы», изданный в Шанхае в 1932 году).

В июле 1958 года, просмотрев собранные материалы и обнаружив, что на 90 % они посвящены 2-й батарее, Красноусов решил отказаться от идеи войскового сборника и выпустить книгу под названием «2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона». Основу её составили его собственные очерки, а также стихи М. В. Волковой и записки сотника А. А. Васильева, переданные его вдовой. К этому были добавлены небольшие материалы, присланные разными лицами к 375-летию Войска, и статьи о Гражданской войне и эмиграции из периодики.

Книгу Красноусов посвятил сыну Святославу и сыновьям двух своих друзей и сослуживцев по 2-й батарее, своему крестнику Владимиру Павлову и посаженному сыну Игорю Васильеву, а также «всей Сибирской казачьей молодёжи».

Денег на издание не хватало, выручили сослуживцы по 2-й батарее. Получив от войскового старшины Н. М. Краснопёрова и сотника Н. К. Павлова 50 австралийских паундов, Красноусов арендовал русскую пишущую машинку, и в сентябре приступил к печатанию восковок, необходимых для размножения текста на ротаторе.

Ушедшие на это три с половиной месяца позднее сам Красноусов оценивал как каторжный, адский труд. Он никогда ранее не печатал на машинке, изготовление же восковок требовало особенного внимания. Печатать приходилось после тяжёлого труда на фабрике, используя каждую свободную минуту. Поджимали сроки: оглавление составитель напечатал за час до возвращения пишущей машинки владельцу. А вступительное слово и титул ему пришлось писать 19 декабря 1958 г. от руки.

Получился большой текст в 366 страниц. Красноусов вручную размножил его на ротаторе, разложил. Переплёты сделали за плату на специальном предприятии, т. к. соответствующих инструментов у составителя не имелось. Из-за отсутствия средств от печатания карт и фотографий пришлось отказаться.

Труд поистине героический. Красноусов не только написал большую часть очерков и оплатил основную часть расходов, но фактически собственноручно издал книгу!

Вышла она в начале 1959 года (хотя на титуле указан 1958 год). Тираж – всего 75 экземпляров. Красноусов решил разослать их всем сибирцам, адреса которых знал. Сейчас это подлинный раритет. Нам не известно ни одного подлинника в России, а имеющаяся копия получена из Да-

нии, от сына сибирского казака, ветерана НТС А. А. Васильева.

Книга, полная подробностей о борьбе сибирского казачества с коммунистами, – бесценный источник, особенно важный при изучении психологии, быта и судеб казачьей офицерской молодёжи во время Гражданской войны и в эмиграции. Исторические факты из «2-й батареи...» использованы нами в книге «Гибель Сибирского казачьего войска».

В первой половине 1960-х годов Е. М. Красноусов сотрудничал с парижским журналом «Военная быль», напечатал в нём три своих очерка из «2-й батареи...» Написал он и ряд воспоминаний-некрологов о друзьях-однополчанах в русские издания, а также рукопись кни-

ги «Шанхайский Русский полк (1927–1945)», изданной посмертно в Сан-Франциско (1984 г.).

В последние годы жизни Евгений Михайлович работал клерком. Умер он в Брисбене 17 марта 1969 г. (по другим данным – 14 марта).

Сегодня сочинения Красноусова начинают переиздаваться в России. С. В. Волков опубликовал в издательстве в серии «Россия забытая и неизвестная» (издательство «Центрполиграф») три его работы: два очерка из «Военной были» – «В Шилкинской речной флотилии боевых судов» (Флот в Белой борьбе, 2002) и «Переход через Байкал» (Великий Сибирский Ледяной поход, 2004), а также книгу «Шанхайский Русский полк» (Белая эмиграция в Китае и Монголии, 2005).

<http://www.gipanis.ru/?level=383&type=page>

С. Зинченко

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СИБИРСКИХ КАЗАКОВ КОНЦА XVI–XVII вв.

Третье десятилетие идут дебаты о происхождении казаков; о том, кто они – национальность, сословие, субэтнос или состояние души. Однозначно ответить на этот вопрос весьма сложно – различные группы казаков возникали в разное время, не только на смежных, но и на значительно удалённых друг от друга территориях. И в формировании различных групп казаков явно принимали участие представители различных национальностей, отличающихся по языку и культуре, религии либо незначительно, либо весьма радикально. И не надо забывать, что в формировании всех казачьих войск, даже самых вольных, всегда принимало самое деятельное участие государство.

Начало казакам в Сибири, как, впрочем, и начало освоения и развития её Московским государством, послужил легендарный поход Ермака Тимофеевича с дружиной в 1581 году. Это аксиома. Русские торговые и воинские люди и значительно раньше Ермака бывали в Западной Сибири, особенно в её северной части, но это всё были либо разовые акции – торгово-меновые, сбор ясака, либо карательные походы в ответ на разбойничьи набеги сибирских племён [5, с. 22–26].

О происхождении и самого Ермака, и его отряда было много споров, но авторитетный историк Сибирского казачьего войска и сибирского казачества в целом Георгий Ефремович Катанаев относит Ермака с дружиной к волжским казакам, а отнюдь не к донским, как зачастую пытаются преподнести [5, с. 30–33]. Ведь

само организованное донское казачество началось с основания в низовьях Дона легендарным «казакком Байдой» – князем Дмитрием Вишневецким – после походов 1557 года Черкасского городка [13, с. 7–8]. Магнат Великого княжества Литовского Дмитрий Иванович Вишневецкий в 1551 г. унаследовал должность старосты Черкасского и Каневского, а это самый крупный анклав днепровских (да и не только днепровских, всех) казаков на то время. Идеальный и непримиримый борец с османско-крымской агрессией, он начал проводить правильное войсковое устройство у казаков, основал за днепровскими порогами в 1556 году разделённую на куреня Запорожскую Сечь. С 1558 по 1561 годы Вишневецкий на службе у московского царя Ивана IV Грозного, продолжает активную борьбу с Османской империей и её сателлитами. И именно тогда он основывает по образцу Сечи Запорожской разделённый на шесть подразделений – куреней – Черкасский городок [17, с. 461]. И именно с этого времени, с создания форпоста в донских степях, началось создание Донского войска.

Призванная же на службу «именитыми людьми», а по сути хозяевами тогдашнего Урала и Приуралья Строгановыми вольница оперировала в Волжско-Камском бассейне, в районе Самары [5, с. 26–28]. Ещё в 1572 году для защиты от воинственных соседей сам Иван Грозный дал Строгановым право набирать охочих казаков и опытного военачальника [5, с. 26]. Это было в интересах Строгановых, но содержать

им надо было головорезов за свой счёт. И это основная причина того, что на «шалости» с соседями хозяева края смотрели сквозь пальцы. Таким образом, к 1579 году Семён и Максим Строгановы привлекли к службе крупный отряд казаков волжской вольницы под началом атамана Ермака Тимофеевича [5, с. 27–28]. И вот в 1581 году, когда жалобы на волжскую вольницу превысили лимит, из Москвы поступил приказ: «Ермака со товарищи имать», Строгановы сориентировались и приняли верное решение – отправить отряд как можно дальше от зоны досягаемости центральной власти.

Всё это очень интересно, но это отдельная и очень интересная тема. Нам сейчас интересно другое – из каких социальных и национальных слоёв формировались сибирские городские казаки.

Г. Е. Катанаев, изучивший массу старинных архивов, пишет: «Имея торговые связи повсюду и содержа агентов как во внутренних, так и в окраинных городах Московского государства, Строгановы, конечно, старались воспользоваться предоставленными им правами (набирать собственные вооружённые отряды – С. 3.) где и как только могли. Вольница и «гулящие люди» призывались ими на службу повсюду... особенно обильным запасом или источником для поставки такого рода добровольцев служил ближайший к месту призыва центр тогдашней Камско-Волжской вольницы, в пространстве между знаменитою в истории русского разбойничества Самарскою лукою и устьем Камы» [5, с. 26].

Так из кого состояла эта вольница, кто такие «гулящие люди»?

Официальная историография, как царская, так и советская, утверждала, что основу института отечественного казачества положили беглые зависимые крестьяне. Несомненно, в казачьи общины попадали и беглые помещичьи крепостные, государственные и монастырские крестьяне. Но не они составляли основную массу казаков, и уж тем более не они положили основу формирования казачества. Казачество не соответствовало крестьянской психологии, крестьянину прежде всего были нужны собственное хозяйство, семья и земля, на которой он бы мог спокойно работать. Тогдашнее состояние казака этому не соответствовало, жизнь его была беспокойна и полна опасностей даже в семейных казачьих общинах XVI–XVII веков. Семейные казаки того времени – это прежде всего городские казаки. И городские служилые казаки появились явно раньше вольных казачьих общин (хотя даже самые вольные казачьи общины возникли и развились только благодаря существованию метрополий – Великого Княжества Московского и Речи Посполитой).

За примером обратимся к Катанаеву, классика истории сибирского казачества:

«...По именам возводимых и занимаемых казаками сибирских острожков стали именоваться и самые казаки, подобно тому, как внутри и на окраинах Московского Государства существовали ещё в то время дедиловские, елецкие, лебедянские, путивльские, оскольские, рыльские, белгородские и другие острожковые служилые казаки, отчасти поступившие на образование и укомплектование вновь образованных тобольских, берёзовских, тарских, томских и других казаков, получивших в официальной переписке того времени общее собирательное название «сибирские казаки» [6, с. 5]. Именно привычные к боям и походам, хорошо знавшие приграничье городские казаки по ряду причин уходили в вольные ватажки, а вместе с ними и служивые люди других категорий. Также вливались в вольные казачьи отряды и так называемые «гулящие люди». Это были отнюдь не люмпенизированные бродяги, как это звучит в нашем современном понимании фразы. К категории «гулящих людей» относились лично свободные, но не несущие никакой служивой повинности и не занимающиеся никакой торговой либо ремесленной деятельностью мужчины. Это могли быть и отказавшиеся от службы стрельцы, и посадские, и тому подобное.

Так, согласно изысканиям того же Георгия Ефремовича Катанаева, предположительно дед Ермака был посадским в Суздале, затем переехавшим во Владимир. Там он занимался извозом, но связался с разбойниками, попал в тюрьму, откуда сбежал и поселился в Юрьевце Повольском. Дети после его смерти переехали на реку Чусовую, где у одного из них, Тимофея Повольского, и родился сын Ермак [5, с. 30].

Согласно изысканиям Катанаева, отряд Ермака доходил до 800 человек. Из них 500 были из ватаги Ермака, и 300 – из присоединённых к ним воинских людей Строгановых. Более поздние исследователи утверждают, что всего первопоходников было около 600 человек, из них 540 пришли с Ермаком, и около 50 воинов было придано Строгановыми, и эти цифры более действительны [8, с. 14]. Строгановские служивые состояли из «разных наименований» казаков, беглых литовцев, пленных «немцев» и прочих завербованных на службу. Весь отряд был чётко поделен на сотни с атаманами и при знамёнах, полусотни и десятки во главе с полусотниками и десятниками [5, с. 36].

Известны и имена атаманов Ермаковой дружины. Это Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк [5, с. 27 Кат]. Согласно фамилиям происхождение Никиты Пана и прожившего долгуго, наполненную боями и походами ещё одного сподвижника Ерма-

ка Черкаса Александрова подаётся исследователями как украинское, из запорожских казаков [8, с. 14]. Матвей Мещеряк – явно из мещеряков (совр. мишари), реликтового субэтноса волжско-уральских татар.

С конца XV века мещеряки переходят в московское подданство, привлекаются к воинской службе. В XVI-XVII вв. активно заселяют юго-восточную часть засечной линии. Многие принимают православие. До середины XIX века несут службу, как и башкиры, в отдельных конных полках, затем вливаются в Оренбургское войско и сливаются с оренбургскими казаками.

Этническая группа оренбургских казаков – православные татароязычные нагайбаки – сохранилась до наших дней. Так что вполне вероятно, что Матвей Мещеряк был в дружине не единственным представителем мишарей.

Для закрепления победы над бухарским чингизидом Кучумом Москвой, ещё при жизни Ермака, в 1583 году под началом князя Болховского и в 1585 году под началом воеводы Мансурова (пришёл уже после гибели атамана Ермака) посылаются небольшие отряды со стрельцами и другими «ратными людьми» [5, с. 50, 55]. После гибели Ермака в августе 1585 все дела и заботы по присоединению и освоению огромных территорий, берёт на себя государство.

Существует расхожая легенда о том, что-де основная масса сибирских казаков ведёт своё происхождение от казаков донских. Это в корне не так. Сибирские казаки появились на исторической арене немногим позже донских, развивались и формировались параллельно, а вовсе не как переселённая часть казаков с Дона. Само формирование Донского войска шло до начала XIX века включительно, и при прямом руководстве государства [3, с. 53–56]. Переселение донцов в Сибирь за всю историю казачьих войск Сибири и Приамурья насчитывает лишь несколько эпизодов. Наиболее ранний – после гибели Ермака атаман Черкас Александров (Иван Александрович Черкас) выехал по явно ему знакомой дороге на Дон и вернулся оттуда с отрядом казаков [8, с. 15]. В 1627–1628 в «именных книгах» города Берёзова из 300 служивых людей лишь 19 числились как донские казаки. Также четыре донских казака, переведённых из Берёзова, числятся по «именным книгам» города Тары за эти же годы [9, с. 78–79].

А вот днепровских казаков по документам проходит масса. Это и полковые казаки Среднего Поднепровья, и сечевики-запорожцы. Попадали в Сибирь по-разному. Сначала как военнопленные, так и завербованные царской администрацией непосредственно в Речи Посполитой. Это до вхождения Войска Запорожского обеих сторон Днепра и Сечи Низовой в состав Московского государства в 1654 году.

Позже вопрос решался проще – недовольных просто в Сибирь ссылали, и для этого вина была не обязательна. Часто ссылали по доносу, а иногда и без него. В документах – имена рядовых казаков, имена казацкой старшины, и даже имена гетманов.

Беликопный материал по национальному и социальному составу первых служивых людей Сибири подаётся Г. Е. Катанаевым в его описании строительства Тарской крепости в 1594 году. Фигурируют там и днепровские казаки.

Итак, участники строительства Тарской крепости, ворот в западносибирские степи:

«В составе служивых людей, заложивших этот город, значилось: «с сотником Стрелецким Лодыженским московских стрельцов 100 человек; с другим сотником, с Заметнею Шокуровым (помянутым выше при заложении Пелыма и Табора) 47 человек. Да из Казани и с Уфы татар казанских и свияжских 100 человек, башкирцев 300 человек, да к ним детей боярских 4, со сту по человеку. Да с сотником из Казани 50 стрельцов конных, да из Лаишева с тем же сотником 50 человек с пищали, полоненников; да с Тетюш с сотником с Микитою с Коряковым 50 человек казаков польских. Да из Тобольского города Литвы и Черкас и казаков добрых конных с вогненным боем с Головою Рупосовым 100 человек. Да татар тобольских служивых конных с аманом с Черкасом Александровым, да с Головами – 100 человек. Да из волостей татары ясашных добрых конных 300 человек. Да пеших татар 150 человек... на судах. Да из Тюмени литвы и черкас и казаков 40 человек. Да татар тюменских, верхотурских, ондреевских и белаковцев и зырянцев, у которых заклады поиманы (т. е. заложники из лиц более знатных и влиятельных инородцев – Катанаев Г. Е.) и измены от них не почашь, добрых 50 человек конных. Да из Таборов 30 татар конных. Да из Комуков 20 человек конных. Да пермичь плотников из Тобольского 30 пеших, да ещё пермичь 20 человек плотников». Закончив цитировать летопись, Катанаев подводит итог: «А всего 1194 человек конных и 547 пеших. Большая часть этих людей по возведению нового острожка была распущена по домам; в Таре же оставлены не более 450 человек добрых конных из литвы, черкас, казаков и стрельцов, часть которых также на зиму уволена за жёнами. Эти люди и послужили основой новых Сибирских казаков – Тарских [5, с. 66–67].

Теперь попытаемся разобраться в этом интереснейшем материале. Сначала вернёмся к днепровским казакам.

В приведённом документе мы видим: «с Тетюш... 50 человек казаков польских».

Тетюши – основанный после взятия Казани на берегу Волги укрепленный городок, впослед-

ствии выросший в город. Что за казаки стояли там в конце XVI века в гарнизоне, и почему польские?

Обычно украинских казаков Поднепровья в документах того времени называют «черкасы», «запорожские черкасы», а здесь – казаки, да ещё и польские. Восточная и центральная Украина в 1569 году отошли по Люблинской унии от Великого княжества Литовского Польской Короне, оставаясь, тем не менее, в составе Речи Посполитой. Может, потому? Но ниже мы читаем, что одновременно с «литвой» и городскими казаками прибыли именно «черкасы», а не «польские казаки». Но вот любопытная информация.

В Речи Посполитой с последней четверти XVI века существовал род средней кавалерии под названием «панцерные казаки».

Панцерные казаки, в отличие от тяжёлой крылатой гусарской конницы, носили более лёгкое защитное вооружение и применялись как самостоятельно, так и для прикрытия неповоротливой тяжеловооружённой крылатой гусарии. С 1648 года, после восстания казаков под началом Богдана Хмельницкого, панцерных казаков стали звать во избежание путаницы просто гусарией. Но интересно вот что.

В первые десятилетия панцерных казаков набирали именно из этнических украинских казаков, откуда и название, а уже впоследствии стали набирать из умелых кавалеристов со всей Речи Посполитой [1, с. 20–24]. Так что упоминаемые «польские казаки» вполне могли быть перевербованными панцерными казаками, а судя по времени, ещё и этническими, и православными. Ведь уже гораздо позже, в 1654 году, в разгар русско-польского противостояния, в московское войско была завербована целая тысяча крылатых гусар под началом генерала Килски [16, с. 70 с]. Возможно, они были из белорусской и украинской шляхты, но, тем не менее, произошло это в момент тяжелейшего противостояния двух держав. Ну а казаки – подданные Речи Посполитой, испытывавшие тяжёлое национальное, социальное, экономическое и религиозное угнетение, постоянно переходили в соседнее православное царство.

Уже в 1546 году, за 102 года до восстания Хмельницкого, воевода пограничного Путивля доносил в Москву, что собралось много черкасских, киевских и «твоих служилых» казаков, из которых и формировались пограничные заставы и гарнизоны [7, с. 27]. Ведь ещё в 1593 году, во время царствования Фёдора Ивановича, всё казачье войско Украины просилось в московское подданство, но слабое экономическое и политическое положение помешало это осуществить [7, с. 39].

Со второй половины XVII века, как уже упоминалось, начался период ссылки казаков По-

днепровья в Сибирь. Причём ссылали зачастую партиями, с оружием, с семьями.

Так, сосланный украинский сотник Никифор Черниговский, вступившись за шесть жены (по другим источникам – сестры), убил в 1665 году в Илимском остроге воеводу-деспота Лаврентия Обухова. Уйдя на Амур, в Албазинский острог, Никифор с мятежными казаками сохраняли самоуправление аж до 1674 года, после чего получили царское прощение [8, с. 17].

Да, ссылка времён Алексея Михайловича отличалась от ссылки императорской России и тем более от ссылки сталинской. Списки ссыльных казаков XVII века пестрят фамилиями казачьей элиты Днепра: гетман Демьян Многогрешный в 1672 году сослан в Енисейск, да не один. В том же 1672 году сослан генеральный бунчужный Матвей Гвинтовка. В 1687 году (кстати, по доносу Мазепы) сослан в Тобольск гетман Иван Самойлович. В разные годы были сосланы полковники Иван Нечай, Семён Высочан, Семён Палий, Дмитрий Зеленский (двое последних, правда, уже в эпоху Петра I). В 1672 году был сослан даже легендарный кошевой Сечи Запорожской Иван Сирко. Некоторые из сосланной старшины, например, Сирко и Палий, были возвращены из ссылки, другие остались и положили начало сибирским казачьим родам [8, с. 16]. Например, в 1743 году «...кузнецкий (здесь – город Кузнецк, будущий Новокузнецк – С. 3.) сын боярский И. Гвинтовкин и казак П. Мельников нанесли побой крестьянину М. Речкунову, вследствие чего он и помер» [2, с. 89].

Служили выходцы из Украины в особых сотнях «черкасского списка», то же самое можно сказать и о попавших в Сибирь белорусах, поляках, галичанах – они служили в сотнях «литовского списка» [9, с. 79]. Основным населением Великого княжества Литовского, даже после перехода Руси (Центральной и Восточной Украины) согласно Брестской унии 1569 года в состав Польши, были никак не литовцы, а белорусы. Весь XVI век Московское государство воевало с Литовским княжеством больше, нежели с Польшей. И потому по традиции всех выходцев из Речи Посполитой, в том числе и русинов (тогдашнее название украинцев – не казаков) на Москве звали литвой. Часть «литвы» – это пленные, сосланные и обязанные служить в дальних сибирских гарнизонах. Во-первых, далеко не убежишь, да и за службу-то платили, это во-вторых. А служила «литва» в привилегированных конных сотнях. К тому же представители Речи Посполитой, в первую очередь шляхта, были заметно грамотнее местных служивых, а также были опытными, прошедшими европейскую военную школу вояками. Более того, воины Речи Посполитой превосходили московские войска конца XVI века (да и позд-

нее) по выучке, стойкости, дисциплине, организации и оружию [15, с. 188]. Наверняка в словесном государстве играл свою роль и фактор происхождения – большинство из «литовского списка» были шляхтичами. Вот поэтому денежный и продуктовый оклад «сына боярского» из «литвы» превосходил оклад конного казака приблизительно в два раза, а пешего казака – в три [12, с. 41].

Пленные делились на две категории.

Первая категория – пленные шляхтичи, отказавшиеся возвращаться по размену военнопленными, принявшие православие и добровольно поступившие на русскую службу.

Вёрстаные в «дети боярские», если принимали православие (низшая ступень служилого привилегированного сословия), направлялись в различные гарнизоны царства [10, с. 65].

И это не удивительно. Шляхта, составляющая двенадцать процентов населения Короны (непосредственно Польши) и Литвы, не имела никаких доходов, единственным способом её выживания была служба. Если она была.

Вторая категория – это отправленные в Сибирь без их желания, но многие из них обжились и остались в ней навсегда [12, с. 40].

И были представители шляхетства, добровольно нанявшиеся на службу, как нанимались немцы, шведы и другие иностранцы [12, с. 39–40]. Для прибывших добровольно и желавших оставить службу по истечении контракта шляхтичей, служивших в европейской части страны, применялась хитрая мера – им объявляли, что где вскоре будет война, оставляли на службе и отправляли подальше, в том числе и в Сибирь [15, с. 188].

Из относительно крупных для Сибири того времени групп «черкас» и «литвы» формировались отдельные подразделения.

Так, в Тюмени во второй половине XVII века конные казаки были объединены в «станцию» во главе со своим атаманом, а служилые «литовского списка» составили конную «роту», командир которой звался на европейский манер ротмистром.

В Тобольске в это же время также была сформирована «литовская рота», во главе которой стоял «ротмистр», а затем ему в помощники определены «поручик» и «прапорщик».

Немного ранее, в 1635 году, из Нижнего Новгорода в Тару был переведён отряд «литвы» и «черкас», который в обиходе именовался «рейтарская рота» [10, с. 38].

Часть людей «литовского списка», попавшая в маленькие гарнизоны, служила, естественно, с местными русскими служивыми людьми, и процесс ассимиляции у них шёл быстрее, нежели в «рейтарских сотнях». По истечении времени часть «литвы» вернулась домой, часть

осталась и дала начало новым сибирским родам. Кто-то прибыл со своей женой, как опальный поляк Яков Шварц со своей женой Софьей в 1641 году [12, с. 40]. Другие обзавелись семьями с местными невестами.

Так, поляк Пётр Буткеев женился на женщине с двумя сыновьями, совместно родили ещё пятерых сыновей. Один из них, Иван, особенно отличился на военной и административной службе в Западной и Восточной Сибири [12, с. 42]. Сам основатель династии сын боярский Пётр Буткеев погиб в 1700 году в бою при обороне Кузнецка [12, с. 41]. Служба тех времён отличалась постоянными конфликтами и длительными командировками, служилые гибли и получали ранения постоянно.

Конечно, и «литва», и «черкасы» сыграли заметную роль в освоении и заселении Сибири, а последние явно привнесли элементы южных степных казачьих традиций в складывающееся казачье общество громадной Сибири. Они привнесли в Сибирь более современную воинскую культуру и грамотность. В XVII веке в главных городах Сибири того времени – Тобольске, Тюмени и Таре – количество служилых «литовского списка», «литвы и черкас», «литвы и крещёных инородцев» составляло в среднем около 15 % [10, с. 32–33; 12, с. 40]. Но основным служилым контингентом были не они. Основу воинского контингента Сибири составляли служилые люди центральных и восточных районов европейской части Московского государства. Утверждение Н. И. Никитина о том, что это были в основном выходцы с Русского Севера (Поморья) сильно преувеличено [9, с. 78]. Никто не отрицает, среди сибирских первопроходцев было много выходцев из Устюга, Сольвычегодска, Холмогор и Вологды. Всем известны имена Дежнёва, Хабарова, Пояркова и иже с ними. Но выходцы с Русского Севера – это прежде всего купцы, гулящие люди, промышленники (охотники) – вольные люди. Но вот выше приведён список участников строительства Тары.

Среди прочих стрельцов московских – 100 человек, стрельцов казанских – 50. Выходцы с Севера, правда, с Предуралья, а не Поморья – «пермичи» – 50 человек, и это плотники. Север ими славился. Конечно, поморы славились и как корабельники и моряки, поэтому-то они и часто встречаются в поисковых отрядах, идущих «встречь солнцу».

Завербоваться или перевестись в служилые люди в Сибирь в конце XVI века проблемы не было, даже наоборот. Смотрим об этом у Катанаева.

В 1590 князь Болховской, тот самый, что пришёл в 1584 году на помощь казакам Ермака, требует у Строгановых предоставить из

Соли Вычегодской тридцать крестьян с семьями и предоставлением им материальной и денежной помощи для поселения и обживания в Сибири.

Следующее требование его Строгановым – собрать в Перми для направления на службу в Сибирь сотню вооружённых ратных людей [5, с. 6]. Это обязательная посылка. А вот следом: «В других актах того же времени московское правительство рассылало «бирючей» (глашатаев – С. 3.) «клич кликать» потребных для новой страны служилых людей и с Москвы, и с Перми Великой, и из пленных литовцев и из выезжих черкас, и из стрельцов и казаков разных приграничных городков (здесь имеются в виду казаки служилые городовые – С. 3.), и из детей боярских (низшая ступень служилого привилегированного сословия – С. 3.), и из служилых дворян, и из мурз татарских, и из местных инородцев, и из «гулящих людей», и из разного вида бывальцев и видальцев, к ратному делу обычных...» [5, с. 63]. Как видим, брались люди, годные к службе в тяжёлых климатических, природных и пространственных условиях Сибири. Направлялись сформированными отрядами. Мелкие партии, прежде всего ссыльные, уже шли в сформированные гарнизоны.

В первой половине XVII века гарнизоны усиливались за счёт переводимых воинов из Поволжья и Поморья. Например, в 1635 году из Великого Устюга, Каргополя, Холмогор, Вологды и Нижнего Новгорода в Сибирь было переведено около тысячи ратных людей. Позднее столь крупных перемещений воинских контингентов не наблюдалось [10, с. 30]. Хотя Н. И. Никитин ставит служилых северорусских гарнизонов на первое место, вряд ли гарнизоны Поволжья давали меньше бойцов. Скорее, наоборот, в Волжском приграничье гарнизонов было больше и они были крупнее. Вспомним, что и дружина Ермака была – волжская.

И ещё Приуралье, которое не Поморье. Откуда, как мы видим, в Сибирь также шли воинские люди. Опять же численно в Сибири служилые казаки заметно превосходили стрельцов [10, с. 33]. А городовые казаки никогда не располагались на северных рубежах – только там, где постоянно тревожили кочевники. Да и стрельцы тех же Холмогор не обязательно все были местными уроженцами.

Служилые люди того периода делились на две категории.

Первая категория – это служилые по отчеству, бояре и дворяне.

Вторая категория – непривилегированная, это служилые «по прибору». Попасть в неё можно было и независимо от родословной, как мы видим на примере верстания на службу в Сибирь.

Служилые по отчеству в Сибирь попадали редко. Это воеводы, стрелецкие и казачьи головы. Голова ведал приказом, состоявшим из нескольких сотен служилых. Полный приказ составлял пять сотен, но в небольших городах приказ мог быть не больше сотни [9, с. 80]. Затем шли стрелецкие сотники и казачьи атаманы. В казачьих командах также были помощники атаманов – есаулы (в конных сотнях), стрелецкие сотники, а у «литвы», как упоминалось, начальные люди могли именоваться по-европейски – ротмистры. Затем шли пятидесятники и десятники. Начальные люди могли выбиться в категорию «детей боярских», получившую наименование от продвинувшихся на службе боярских холопов.

В 1684 государевым указом в Сибири была введена новая, более высокая – служебно-административная категория. Это сибирские дворяне [2, с. 24].

Казаки делились на пеших и конных, конные казаки находились в более привилегированном положении, получали большее жалованье [12, с. 41].

Стрельцы в Сибири подчинялись Сибирскому приказу, а не Стрелецкому, как в европейской части страны. Это было особенностью сибирской службы, где все служилые люди сверху донизу назначались и управлялись Сибирским приказом [10, с. 43].

К стрельцам примыкали, но составляли отдельную, хотя и немногочисленную категорию пушкари, воротники и затинщики [5, с. 3].

Кто такие пушкари, понятно без пояснений.

Воротники – это стража при воротах, при въезде в город.

Затинщиками (от затЫнник) назывались крепостные стационарные стрелки из крупнокалиберных двухметровых пищалей. Пищали эти ложились на крепостной тын и упирались в его дальний край фигурным выступом, расположенном на конце цевья.

Эти три категории из-за своей малочисленности не составляли отдельных служб, а входили в состав гарнизонных команд и сотен. Находились они, конечно же, в ведении не Пушкарского, а Сибирского приказа.

Если в европейской части страны у стрельцов и городских казаков были различия в их служебных обязанностях, городовые казаки в 1613 году были даже переданы в новообразованный Казачий приказ, то в Сибири служебные обязанности между ними были нивелированы. Так, в 1652 даже последовал царский указ тюменских конных стрельцов писать казаками [10, с. 37].

Категория «пешие стрельцы» в Сибири существовала до первой четверти XVIII века, когда вследствие реформ Петра I были упразд-

нены многие не соответствующие новому времени категории служилых людей. Но следует отметить, что эти категории в Сибири из-за её геополитической особенности просуществовали дольше, нежели в европейской части страны. Так, стрельцы (команды которых назывались так, видимо, по старой традиции) официально не были упразднены, как в европейской России, а слились с городскими казаками. Также исчезли «литовские» и «черкасские» списки. В 50-е годы этого века исчезает деление на пеших иконных городских казаков. Категории «дети боярские» и «сибирские дворяне» в начале 60 годов отделяются от служилого списка и переходят на гражданскую административную службу [2, с. 73].

Но осталась ещё одна служилая категория в Западной Сибири, которая сохранилась и с определёнными модернизациями просуществовала до 1868 года, до упразднения там основной части городского служилого казачества (Берёзовский и Нарымский пешие батальоны упразднены позже, в 1881 году – С. 3.). Это западносибирские служилые татары.

Многие зачастую забывают, что начало присоединения Сибири к растущей державе Ивана Грозного было начато за двадцать шесть лет до похода Ермака, в 1555 году. Хан расположенного в Западной Сибири Сибирского ханства Едигер послал ко двору Ивана Грозного посольство с просьбой принять ханство в московское подданство и обязался выплачивать ясак пушниной.

Причина была в том, что молодой, амбициозный и воинственный бухарский царевич из рода Шейбанидов, стоявший во главе состоявшего из узбеков и ногайцев войска, начал завоевательный поход в Сибирь. Царевич желал иметь собственное ханство, но народы Сибири считали, что в подданстве Москвы им будет гораздо спокойнее, нежели под властью постоянно воюющих и меняющихся среднеазиатских деспотов. И Едигер даже начал выплачивать Москве ясак. Но бурные военно-политические события и удалённость Сибири не позволили тогда Ивану IV принять Сибирь под свою руку. В итоге Кучум в 1563 году захватил Сибирь, убил хана Едигера и его брата-соправителя Бекбулата, и объявил себя сибирским ханом [4, с. 344-245; 356].

И потому неудивительно, что после первых же поражений Кучума сибирские татары, ханты и манси стали переходить в московское подданство. Мало того, появляются сибирские служилые татары. Так, в отряде тарского воеводы Андрея Воейкова, добывавшего в 1596 году Кучумово войско в Кулундинских и Барабинских степях, упоминаются в числе прочих татарские «головы» и служилые тарские и тобольские татары [5, с. 70-71]. А ранее, как уже упоминалось, сибирские татары в числе прочих

активно участвовали в закладке Тарской крепости. Служилые татары как природные конные воины несли исключительно конную службу. Служили прежде всего представители родовой верхушки с сохранением за собой права на наследственные земли [9, с. 80]. Так, по рассказам потомков томских служилых татар, на царскую службу привлекались представители лучших семей, – служить было честью. Немаловажно было также то, что служилые татары получали жалованье и освобождались от уплаты ясака. Так, в таблице жалованья военно-служилых Тобольского гарнизона по окладным книгам за 1647–1648 годы мы видим, что денежный оклад служилого татарина в среднем равнялся окладу конного казака и превосходил денежные оклады стрельцов и пеших казаков. Но вот ржи, овса, соли служилые татары получали вдвое-втрое меньше этих трёх категорий [10, с. 112–113]. Возможно, это потому, что татары как коренные жители имели крепкое обустроенное хозяйство. Также надо учитывать, что именно юртовских служилых татар задействовали в ежегодных экспедициях на «Ямыш-озеро» за солью, экспедиция подкреплялась другими служилыми гарнизонами только в случае военного обострения обстановки [10, с. 91]. Вряд ли командируемые пренебрегали возможностью прихватить вне нормы бесплатной соли себе.

Естественно, команды служилых татар располагались по месту проживания последних, в граничащих со степью и лесостепью узловых крупных городах – Тобольске, Тюмени, а затем и в Томске.

Например, по уездам Тобольского разряда в Тобольске, Тюмени и Таре на 1699 год всего 429 служилых татар, а в Верхотурье, Туринске, Пельме, Берёзове и Сургуте ни одного [10, с. 32].

Так, в 1630 году служилых татар по спискам в Тобольске 252 человека, или 34,5 % от всех служилых;

в Тюмени соответственно 76 служилых татар, или 22,6 %;

в Таре их 50 человек, или 12 %.

В 1663 году в Тобольске их 249, или 15,1 %;

в Тюмени 107, или 15,2 %;

в Таре 66, или 10,2 %.

За 1699 год это следующие цифры:

в Тобольске 256 служилых татар, или 11,9 %;

в Тюмени 108, или 11,4 %;

в Таре 66, или 8,2% [10, с. 33].

То есть количество служилых татар за семьдесят лет остаётся практически одинаковым, а в Тюмени даже растёт. А вот процентный состав в списках служилых падает. Это связано прежде всего с присылкой новых партий служилых из европейской части страны.

К концу XVII века, до реформ Петра I, общее количество служилых татар по Сибири состав-

ляло свыше 500 человек из общего количества 10 тысяч служилых всех категорий [9, с. 80]. Татары на службе сохраняли мусульманскую веру, могли беспрепятственно совершать свои религиозные обряды. В 1822 году в результате проводимых среди городских казаков реформ из состоявших в казачьем сословии татар был сформирован отдельный конный Сибирский татарский казачий полк, который формировался исключительно из состоявших в казачьем сословии татар и офицеров-мусульман. Немусульманское вероисповедание в этом полку могло быть только у полкового командира [14, с. 565]. И если в православных казачьих селениях за несвоевременную подачу списков новорождённых отвечали атаман, священник и отец мальчика, то в татарских – атаман, мулла и отец [11, с. 30]. Не попавшая по каким-либо причинам в полк остальная часть татар-казачей несла местную, так называемую «станичную» службу, характерную в XIX веке именно для казаков Сибири. Но это уже другая эпоха, и упомянуто это для того, чтобы масштабно показать роль служилых татар в истории Сибири.

Была ещё одна категория служилых – новокрещёны. В работах, посвящённых истории и формированию служилого сословия Сибири, мы видим, что крещёные татары попадали в состав казаков [2, с. 40].

Новокрещёными в описываемое время назывались коренные народы Сибири и Поволжья, принявшие православную веру.

Но входили ли сибирские крестившиеся татары в категорию новокрещёнов, или сразу записывались в казаки? Или существовало сразу два варианта?

Вне всякого сомнения, в разряд служилых новокрещёнов попадали все принявшие православие представители бывших на государственной службе хантов (старое название «остяки») и калмыков (ойротов). Последние часто использовались как проводники и толмачи [10, с. 94]. Жалованье деньгами и продуктами они получали в среднем такое же, как «литва» и конные казаки [10, с. 111–112]. Но в целом это была категория малочисленная, немногим превышающая пушкарей и затинщиков. Так, по окладным книгам тобольского гарнизона за 1647–1648 годы новокрещёнов всего 22 человека, пушкарей и затинщиков 10, конных казаков же ровно 100 человек, а «литвы» 110 конников [10, с. 111–113].

Новокрещёны могли служить и не в своих списках. Так, в тарской переписной книге за 1701 год мы видим: «Литовской сотни казак Ивашко Яковлев сын Остяков. Сказался родом он... остяк, был ясашно» [10, с. 40]. Также мы видим, что в контингент сибирских служилых попадали и представители коренных народов

сибирского Севера, которые адаптировались в новой для себя среде, и со временем окончательно сливались с остальной служилой массой. Это происходило, как уже отмечалось, и с более многочисленными группами «литвы» и «черкас», тем более, что по языку и культуре они были близки к московским служилым. Встречаются в литовских списках также «волошенины» (молдаване и румыны) и «немцы» (немцы, шведы и другие представители Западной Европы) [10, с. 40]. Но их мало, и роль их незначительна. В связи с различными служебными обстоятельствами списки часто тасовались, и состав их редко был однородным. Службу несли вместе и одинаковую – и в гарнизонах, и в военных походах, и в «дальних посылках», которые включали и разведку «дальних земель», и дипломатическую миссию, и временную службу в отдалённом и малочисленном гарнизоне. Официально на службу «прибирать» можно было уже с 15 лет, и служили «доколе в силах», но обычно верстали с 18 до 25 лет [10, с. 61].

К концу царствования Петра I окончательно исчезает деление на литовский, черкасский, новокрещёный списки [2, с. 27]. Все служилые становятся официально казаками, хотя, по сути, ими они были и до этого. Городовому казачеству Сибири предстоит ещё долгая и тяжёлая служба. Но первый, самый тяжёлый, кровавый и боевой этап уже пройден. Закончилась эпическая и легендарная первопроходческая часть истории казачества Сибири. Благодаря своему современному присоединению громадных таёжных пространств в казну государства стал поступать пушной ясак, который в то время ценился на уровне драгоценных металлов; это в первую очередь соболя. А добычи своего золота и серебра на тот период в державе не было, и пошедший с конца XVI века ясак по сути являлся валютой. Благодаря этому страна смогла оправиться после Смутного времени, укрепить экономику и армию. И поэтому стало возможно Алексею Михайловичу ответить положительно на просьбу Богдана Хмельницкого о принятии Южной Руси в состав державы. В результате последующих событий была сломлена восточная экспансия Речи Посполитой и было положено начало образования Российской империи.

Литература:

1. Армия Польши в 1569-1696 // Новый солдат № 158, 2002. Типография «Книга», Артёмовск. 38 с.
2. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв. Барнаул, 1996. 227 с.
3. Казачьи войска. Хроника. Репринтное издание. Акционерное общество «Дорваль», 1992. 480 с.

4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. Издательство «Феникс» Ростов-на-Дону, 1994. 554 с.

5. Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб, 1908. 115 с.

6. Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. С-Пб., 1908. 67 с.

7. Козаченко А. И. Борьба украинского народа против иноземных поработителей за воссоединение с Россией. М., 1954. 284 с.

8. Мусикевич А. Ф. Казачество в освоении восточных районов России в XVI – начале XX веков // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Тезисы докладов научной конференции 18-21 мая 1992 года. Томск, 1994. 206 с.

9. Никитин Н. И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал, № 1, 1994. 96 с.

10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, издательство «Наука», 1988. 254 с.

11. Положение о Тобольском пешем батальоне и Тобольском конном полку. С-Пб., типография военных поселений, 1849. 81 с.

12. Резун Д. Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1993. 154 с.

13. Ригельман А. История о донских казаках. М., 1846. 154 с.

14. Сводзаконов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских. Часть вторая. Учреждения губернские. СПб, 1853. Стр. 565, абз. 2829.

15. Филь С. Г. Казаки «литовского» списка // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2009. 229 с.

16. Цвигун В. И. Гусары в русском войске XVII века // Военно-исторический журнал, № 6, 1993. 96 с.

17. Щербина А. Ф. История Кубанского казачьего войска. Том I. Екатеринодар, типография Кубанского Войскового Правления, 1910. 736 с.

Проект реформ атамана Ионова

«Идея территориального обособления должна стать главной целью строительства нашего войска»

(А. М. Ионов, 1919 г.)

Многие исследователи казачества продолжают утверждать, что политика Войскового Правительства по т. н. «оказачиванию» семиреченских крестьян-старожилов 1918–19 гг. была глубоко ошибочна и привела в конечном счёте к поражению в Гражданской войне на территории области. Так ли это, сказать сложно; одно несомненно – клубок сословных и этнических противоречий в крае возник задолго до пресловутого «оказачивания», восходя к началу русской колонизации края (с конца 40-х годов XIX века). Вначале это были противоречия главным образом между казаками-поселенцами и кочевым населением, затем – между кочевниками и крестьянами, а с начала водворения в крае столыпинских крестьян-новосёл – между последними и местным казачеством. В основе конфликтов – всё тот же неразрешённый земельный вопрос.

Антагонизма между казаками и крестьянами-старожилами не существовало. Более того, само семиреченское казачество – потомки сибирских казаков с Иртышской и Бийской линии – на добрую треть состояло из бывших сибирских крестьян, перечисленных в войсковое

сословие, а отдельные семиреченские станицы были образованы и заселены исключительно бывшими крестьянами – например, Голубевская (Борохудзир, ныне с. Коктал). С. 1856 по 1867 год в край из Западной Сибири прибывали наравне с казачьими партиями переселенцы из числа крестьян, зачисленных в казаки. Из 14 648 семиреченских казаков по состоянию на 13.07.1867 г. – 1610 чел. – вчерашние томские и тобольские крестьяне.

Правительство, проводя колонизацию отдалённой окраины, считало, что «каждое русское поселение сильнее привяжет эту окраину к русскому центру, чем лишний батальон, расположенный среди чуждого нам населения». Военно-казачья колонизация рассматривалась как основной способ закрепления вновь присоединённых земель к Империи. При этом удельный вес казаков в общем населении никогда не превышал 3,5 % (среди русского населения – 12,4 %).

Генерального штаба полковник Д. Фёдоров в стратегическом очерке «Чжунгарско-Семиреченский приграничный район», изданном штабом ТуркВО под грифом «секретно» в 1910 году, отмечал, однако: «Дальнейшее раз-

витие войска встречает препятствие вследствие неустройства его земельного положения, так как душевой надел казаков не доведён ещё до положенных 30 десятин. Кроме того, в период 1874–90 гг. от войска отобрано 213 тыс. десятин в пользу возникших близ станиц городов, а в 1906 г. передано в переселенческий фонд свыше 116 тыс. десятин войсковых запасных земель (т. н. Чуйские участки). Тяжесть казачьей воинской повинности также удерживает желающих от приписки к войсковому сословию».

И далее: «Семиреченское казачье войско представляет собою часть Сибирского казачьего войска, живёт в тех же почти условиях, и потому по опыту русско-японской войны может считаться вполне удовлетворительным типом лёгкой конницы. При ведении операций в районе полки этого войска будут чрезвычайно ценны знанием местных, климатических и географических условий, языка и быта инородческого населения».

Русское население области из старых поселений обладает приблизительно теми же качествами, и благодаря умению ездить верхом очень пригоден для формирования конно-разведческих команд, введённых в батальонах области, а также для службы в пограничной страже округа».

Ещё наказный атаман Семиреченского войска генерал-лейтенант М. Е. Ионов (отец будущего войскового атамана) с 1901 года представлял наверх «ряд проектов об обращении всех поселенцев-крестьян Семиречья в войсковое сословие, так как они «приобрели, благодаря условиям жизни в крае и соседству инородцев, многие качества, свойственные казачеству, и особенно пригодны для обороны окраины».

Как видно, политика «оказачивания» крестьянства не была в новинку для местной администрации. Непреодолимым препятствием для неё был дефицит войсковой земли. Точнее, не земли как таковой – в силу природно-климатических условий особое значение имели запасы воды для искусственного её орошения!

В 1909 году член Государственной Думы А. Трегубов, побывавший с инспекцией в Семиречье, писал: «Необходимо серьёзно взглянуть на Семиречье и позаботиться о скорейшем его заселении – этого требуют законы логики, законы государства, общества, сюда должны быть направлены землеотводные работы для окончательного устройства Семиреченского казачьего войска».

Казакам приличествует жить в самых опасных местах области вблизи границ, а не мирных центров, земель же здесь много, и такие долины, как Текеская, Кегенская, Сарыджасская, – вполне годятся для немедленного изъятия их из пользования киргиз, поэтому – наряду с устройством крестьян, сюда могли бы быть передвинуты и казаки тех казачьих станиц, которые считают, что у них земли не хватает».

Войсковой Атаманъ Семирѣченскаго Войска
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА, ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ИОНОВЪ

Войсковой атаман А. М. Ионов

На заседании земельной комиссии депутат Госдумы от партии кадетов Харламов высказывался за немедленное увеличение казачьего надела семиречков до 50 десятин: «Если в центре Империи теперь войско казачье потеряло былое значение, то на окраинах, на Амуре и в Семиречье, где они постоянно должны быть конны, оружны и готовы к выступлению, там ещё они своё значение имеют и будут долго иметь, и там широкое удовлетворение землёю этого войска имеет гораздо большее значение».

Высочайше утверждённым Законом от 03.07.1914 г. «Об установлении Правил о наделении землёй Семиреченского казачьего войска «...войску надлежало прирезать 345 тыс. десятин земли, однако из-за войны этим планам не суждено было сбыться. В 1916 году попытку решить земельный вопрос задумал С. Н. Велецкий, заведующий областным переселенческим делом, – он собирался отмежевать в пользу Семиреченского войска в пределах трёх уездов (Верненского, Джаркентского и Копальского) 550 947 десятин земли, в том числе в виде полосы шириной 5–10 вёрст на протяжении 150 вёрст вдоль обоих берегов р. Или. Предполагаемая «десятивёрстная семиреченская полоса» как бы напоминала аналогичную Сибирскую десятивёрстную полосу Прииртышья».

Таким образом, к 1917 году Семиреченское войско подошло с неразрешённым земельным вопросом, обострившим межсословные и межнациональные отношения. Войсковое правительство попыталось ещё раз реализовать на практике давно назревшие реформы в области землеустройства и административного управления в самый разгар Гражданской войны. Необходимость их проведения была вызвана, по словам атамана Ионова, «борьбой с тёмными силами, направленными к ослаблению, аннулированию или постепенному изживанию нашего казачества, утопающего среди моря разночинцев». В семиреченских станицах по данным на 01.01.1917 г. проживало в среднем около 30 % лиц невойскового сословия (духовенство, мещане, крестьяне, запасные и отставные нижние чины), особенно много посторонних было в выс. Каргалинском – 67, 6%, выс. Аксуйском – 63, 2 %, ст. Сергиопольской – 59, 2 %.

Автор проекта реформы видел «светлое будущее нашего казачества» в выделении особой территории под власть Войскового Правительства, «чтобы строить свою внутреннюю жизнь, не мешая жить соседям, не ведя тяжбу с переселенцами, с администрацией и другими ведомствами из-за воды, из-за земли, из-за пастбищ и из-за всего, что было причиной взаимного недружелюбия и что создало гражданскую войну».

Концепцию реформы Атаман изложил в докладах Верховному Правителю и Казачьему совещанию. В 1919 году в Омске вышла брошюра «Завет семиреченским казакам войскового атамана генерала Ионова», в ней он, в частности, называет две основные причины «затяжного, крайне озлобленного, кровавого характера Гражданской войны в Семиреченской области»:

- 1) ошибочную политику переселенческого дела, в связи с особенностями земельного вопроса;
- 2) отсутствие объединения на местах всех «отраслей» административного управления.

Оценивая обстановку в Семиречье, за исключением Лепсинского и части Копальского уездов, находившихся под контролем красных, он отмечал: «То, что творится ныне в крае, всё равно должно было рано или поздно случиться, и большевизм был лишь сигналом для захватных стремлений разнузданной массы новосёлов».

По мнению Ионова, сначала на казачьи земли селили с государственной целью крестьян, что создало земельную чересполосицу, затем города, построенные на казачьих землях, вплотную к старейшим станицам, получили громадные земельные нарезки из наиболее удобных для казаков площадей, и, наконец, почти насильно к казакам насадили крестьян-новосёлов, точно не установив их земельно-водных и административных отношений.

Зависть новосёлов и мещан, живущих фактически земледелием, к более культурному казачьему населению при ослаблении государственной власти вызвала междоусобную войну из-за земли. Постепенно и внутри казачества всё заметнее стало имущественное неравенство – в обладании скотом, постройками, инвентарём, в размерах посева.

Средний слой казачества, могущий выполнить воинскую повинность без значительного ущерба для своего хозяйства, составлял чуть больше 60 %, четверть казачьих хозяйств относилась к категории беднейших (всего на декабрь 1918 года в Войске числилось до 13 тыс. хозяйств с населением до 50 тыс. чел.).

Генерал Ионов характеризовал «большевицкий погром» в Семиречье как «гражданскую аграрную войну, поход разбойничьей массы новосёлов против коренных жителей, казаков и большинства старожилов-крестьян за землёй». Киргизский мятеж 1916 года он называл «актом самообороны киргиз от захвата переселенческим ведомством и самочинно крестьянами-новосёлами последних пахотных площадей киргиз».

По мнению Атамана, властями были проигнорированы казачьи права на землю в утверждённых границах, согласно Высочайшей грамоте 1868 года, где они были чётко определены.

Второй причиной затяжного характера Гражданской войны в Семиречье Ионов считал межведомственную неразбериху. Так, крестьяне-старожилы управлялись Губернским положением, подчиняясь военному губернатору; новосёлы – переселенческими распоряжениями, подчиняясь Главному управлению землеустройства и земледелия; киргизы – Степным положением, подчиняясь военному губернатору; города – городским положениям; казаки – своим положениям, подчиняясь наказному атаману; таранчи – положением об управлении Туркестанским краем с подчинением губернатору. «Столпотворение законоположений, положений и властей» вело к тому, что ни одно начинание не оканчивалось по намеченному плану, ни один местный проект.

«Дальше жизнь в крае так идти не может!». И, значит, управление в области должно быть реформировано, для чего нужно прекратить в Семиречье всякое переселение, до полного земельного устройства казаков, уже поселившихся крестьян и местных мусульман; лишь затем можно вновь приступить к крестьянской колонизации края – но совершенно на иных началах.

Для укрепления границы предлагалось усилить семиреченских казаков – привлечением в их ряды на добровольных началах старожильческого крестьянского и местного мусульманского элемента (по примеру бурят Забайкальского войска), а потом и новосёлов, наделяя их

землѣй: «Казачи должны быть наделены землѣй до установленной законом нормы – 30 десятин удобной поливной земли».

Политика Войскового Правительства в области земельных отношений была детально продумана, никакой речи не шло о принудительном «оказачивании», цель ставилась – склонить крестьян к добровольной приписке к войсковому сословию.

Семиреченское казачество, в отличие от «внутренних» казачьих войск, отнюдь не утратило своё военное значение из-за своего стратегического расположения на границе с Китаем, «откуда в будущем, возможно, хлынет волна монголов и китайцев». Проведя, как военный специалист, анализ плачевного состояния вверенного ему Войска, Атаман предлагал пути решения проблемы – создание нового областного административного механизма с разделом области по этнографическому принципу, с непременно выделением в её составе обособленной казачьей территории. «Самая идея казачества и стратегические условия указывают ту полосу, которая должна быть населена казаками, дабы они выполнили свою государственную задачу».

Казачья полоса «должна была тянуться вдоль государственной границы от хребта Тарбагатай до горного узла Хан-Тенгри, прикрывая четыре естественных входа из Китая между горными хребтами:

- 1) Чугучакская равнина (между Чугучаком и Бахтами);
- 2) Каптагайская десятивёрстная теснина между озёрами Эбинор и Алакуль (Джунгарские ворота);
- 3) Илийские ворота (между Суйдуном и Джаркентом);
- 4) Долина реки Текес (левый приток р. Или).

Автор проекта указывал на обязательное занятие Илийской долины и восточной половины озера Иссык-Куль казачьими поселениями – создание своеобразной «пробки из казачества», призванной служить надёжной гарантией от вторжения со стороны пробуждающегося и непредсказуемого Китая. Генерал Ионов, конечно, помнил слова Д. И. Менделеева: «Обратите внимание на то, что китайцы... начали заселять пустынную Монголию, и я полагаю, что нам следует усиленно заселять киргизские степи и всю длинную границу нашу с Китаем, чтобы не соблазнять его пустующими соседними землями».

Обозначенная приграничная полоса, включавшая почти все казачьи станицы (кроме четырёх – Сергиопольской, Самсоновской, Кегетинской, и выселка Занарынского), должна была образовать Казачий отдел, где действовали бы казачье самоуправление и войсковая власть.

Новое переселение крестьян на казачью территорию могло осуществляться исключительно

с разрешения войсковой власти. Всем живущим в этом районе предоставлялось право перехода в казачество. Здесь вводилось земское самоуправление, функции губернатора передавались Войсковому Правительству.

На остальной части области предлагалось образовать особые один или два киргизских (казахских) уезда, управляемых на основе изменённого Степного положения, а на юге Семиреченской области (бассейн реки Нарын), населённой «кара-киргизами», ещё один особый уезд.

В Пишпекском уезде, населённом преимущественно русскими крестьянами (долина реки Чу с притоком Кибен), вводилось земское управление.

Центром управления краем должен был оставаться город Верный, управляемый на тех же началах, что и города Области Войска Донского (Ростов и Таганрог), т. е. городским положением.

Непременным условием реформы было введение территориального разделения сфер влияния Войскового атамана и Управляющего Областью, т. к. управление казачеством было основано на выборном начале, а гражданская власть назначалась свыше, проводя «задания центрального правительства».

Ионов полагал, что «введение этого механизма произойдёт без всякой ломки местной жизни... будут лишь проведены по-новому границы уездов согласно этнографическому размещению населения и упразднены одно-три уездных управления».

Предлагая проект реформ, семиреченский атаман отмечал, что ещё более естественным было бы выделение в сферу влияния казачества всего Нарынского уезда (южнее озера Иссык-Куль-Сонкуль до китайской границы). Хотя это и не принесло бы материальных выгод казачеству из-за суровых природных условий, зато могло бы поставить его «в условия необходимости работать для создания из диких воинственных киргиз надёжного оплота и постепенно перевода в казачество». При реализации этого проекта реформы областной центр переносился в Пишпек.

Размышляя о будущем Русского Семиречья, автор проекта предлагал как запасной вариант включение в казачью территорию целиком Лепсинского, Копальского, Джаркентского, Верненского и Пржевальского уездов (с передачей Пишпекского в соседнюю Сыр-Дарьинскую область). И «оказачивание» крестьян было лишь одним из элементов реформы всей административно-хозяйственной системы области.

Начало территориальному обособлению семиреченского казачества положил приказ по Войску № 33 от 02.10.1918 г.: «Семиреченское казачество призывает всё крестьянское население старожиль-

ческих русских посёлков области, ближайших к казачьим районам, влиться в казачество со всеми землями, чем упрочить навсегда своё право и свою вольность, свободно избрав из своей среды народных представителей в Войсковой Круг на равных с остальным казачеством началах для свободного решения своей жизни и образования одной общей братской семьи, дабы под сенью казачьего знамени расти, богатеть и крепнуть на пользу и славу общей матери – Великой России.

Казачество не ищет власти, казачество протягивает братскую руку тем, кто, живя и выросши на далёкой окраине в полном согласии и дружбе с ним, ныне впали в неведение, бесправие и безвластие среди общей анархии. Протягивает руку, дабы, вытянув брата из общей разрухи, поставить наравне с собой для общего светлого будущего.

Казачество не может и не в силах призвать теперь в свою среду крестьян-новосёллов ввиду их враждебного к станицам и старожильческим посёлкам направления, которые, комплектуя красную гвардию, шли в передовых рядах большевизма на разрушение и на попрание права и свободы русского народа. Казачество зовёт лишь тех, кто, живя в сей стране много лет, не убивал ближнего, не попирает святыни, не расстреливал своих невинных братьев, не отбирал чужого, а честным трудом создал своё богатство, устроил цветущие посёлки, и много лет был гражданином русской государственности».

На воззвание Войска первыми откликнулись крестьяне старожильческих сёл Лепсинского уезда – Захарьевское (Бахты, осн. 1860 г.) и Стефановское (Уч-Арал, осн. 1874 г.), в соответствии со своими приговорами целиком перейдя в казачье сословие.

По приблизительным подсчётам всего в казачье сословие перешло порядка 6–7 тыс. семиреченских крестьян. Вслед за двумя старожильческими сёлами стали поступать просьбы о принятии в казачье сословие от новосёллов и даже ходатайства мусульман. Ионов называл эту «тягу в казаки» коренных жителей Семиречья доказательством жизненной силы и разума, заложенных в самостоятельном войсковом начинании.

Войсковое Правительство отклик широких слоёв населения приветствовало, но отнеслось к нему крайне осторожно, предпочитая проводить его в жизнь постепенно, «дабы казачество не ослабило бы своей самобытной души, присущей воинской доблести и устойчивости в государственных началах». Не имея возможности принять всех желающих в казачье сословие одновременно, войсковая власть обещала, что, добившись в конце концов своего территориального обособления, введёт для всех разночинцев земское самоуправление.

Генерал Ионов выражал при этом опасения попытки «расказачивания» семиреченцев большевиками, с тревогой обращая внимание на эту тенденцию, в условиях, когда «...управление войском выделено из рук лиц, объединявших всё управление областью до 1917 года». И в этом отношении Семиреченское войско (к 1917 году – 45 307 душ обоёго пола), как и другие небольшие войска – Енисейское и Иркутское, – было поставлено в самое тяжёлое положение.

К 1919 году наглядный пример «расказачивания» в Семиречье уже существовал – после поражения казачьего восстания в южных станицах весной 1918 года, Семиреченский обласполком принял ряд антиказачьих документов: Декрет № 1 от 03.06.1918 г. об аннулировании казачьего сословия, войсковых учреждений и должностей «в области навсегда» и Декрет от 06.06.1918 г. о конфискации пенсионных казачьих земель, а также Приказ № 164 от 03.07.1918 г. командующего красными войсками Семиреченской области об упразднении всех органов казачьего управления и конфискации имущества, дел и денежных средств, принадлежащих Войсковому Правлению.

Член Омского правительства Г. К. Гинс в опубликованных в эмиграции в 1921 году воспоминаниях писал: «Семиречье – арена борьбы за землю и воду (для орошения). Киргизы озлоблены против казаков и крестьян. Крестьяне ненавидят казаков, которые занимают лучшие земли и истоки рек. Казаки не удовлетворены своими наделами и требуют огромных прирезок. Такой проект был разработан и с одобрения казачьей конференции в Омске должен был появиться в Совете министров. К счастью, в Омске были люди, знавшие обстановку Семиречья, в том числе Иванов-Ринов, долго там служивший, и они содействовали провалу этого проекта».

Не последнюю роль в провале политики Войскового Правительства сыграл командующий отдельной Семиреченской армией Б. В. Анненков. Здесь переплелись и личная неприязнь к войсковому атаману (корни её, видимо, в прошлом этих двух казачьих генералов), так и намерение взять под свой контроль все процессы, происходящие на подконтрольной белым частям территории области, нежелание с кем-либо делиться властью. Семиреченский атаман был в этом смысле, несомненно, неудобным и несговорчивым конкурентом. Исследователь В. Шалагинов полагает, что Анненков «искал способа освободиться от опеки Ионина, похоронить его идею оказачивания и, скрутив новосёллов, утвердить над Семью реками одну господствующую фигуру казака-хозяйчика». С ним согласен В. Гольцев: «Анненков был против реформы Ионина, и принял все меры, что-

бы она провалилась, а для того, чтобы вообще вытеснить его из Семиречья, организовал арест своего соперника».

Победил тот, за кем стояла сила.

Выступал ли сам Анненков против «оказачивания» крестьян? Из его речи на судебном процессе такой вывод однозначно сделать нельзя. Вот его слова:

«На занятых нами местностях сразу же ликвидировалась советская власть и созывались крестьянские съезды. Участвовал в них и я. Цели съездов – прекратить рознь между казаками и крестьянами, относившимися враждебно друг к другу. Первым вопросом всегда было оказачивание области, так как генерал Ионов отдал приказ, чтобы все крупные селения и посёлки переписывались в казачье сословие. Среди крестьян произошёл страшный раскол: кто-то согласился, стал действовать как казаки, собирать мобилизацию. Но большая половина пошла против переписи. Для успешности оказачивания переписавшиеся посёлки облагались меньшими повинностями, а на крестьянские возложили все основные тяготы. Приезжавшие в посёлки наши комиссары говорили людям: кто не припишется к казачеству, будет выселен. Ионов надеялся оказачить всю Семиреченскую область, объединить крестьянство с казачеством. Но результат получился обратный. Между тем оказачивание давало большие возможности в проведении мобилизации, обеспечении продовольствием, лошадьми, подводами, вносило организованность в жизнь местного населения и облегчало управление территориями. За проявление волнений недовольное население облагалось контрибуцией. Иногда приходилось заниматься реквизицией продовольствия и лошадей – за изъятое выдавали квитанции».

Достаточно правдиво, все плюсы оказачивания Анненков называет, разве что не говорит, старожилы или новосёлы были против политики Войскового Правительства.

Вряд ли можно согласиться, что отношения казачества и крестьянства были обострены только лишь «из-за неправильных и вовсе не продуманных действий управляющего всем войскового атамана Ионова, решившего принудительно оказачить всю Семиреченскую область, (который) заставлял всех крестьян независимо от национальности перейти в казачье сословие, угрожая, что если они не подчинятся, то все будут насильственно выселены из пределов Семиречья в Сибирь. Переходить же в казаки отказывались целые посёлки». «Оказачить» всю область, неподконтрольную белым, было невозможно. Да и такая цель Ионовым никогда не ставилась. Известно, что кроме Уч-Арала и Бахтов в казачье сословие записались лишь крестьяне-старожилы селений Ивановского (Маканчи, осн. 1879 г.)

и Романовского (Кок-Терек, осн. 1872 г.). Никаких иных случаев «оказачивания» здесь не отмечено, тем более неких «крестьян нерусской национальности». Таковых просто не было: кочевники-киргизы (казахи) почти поголовно были на стороне Алаш-Орды, немногочисленные татары и сарты Сергиополя и Лепсинска, скорее, относились к мещанам, крестьян-новосёлов (выходцев из Малороссии и отчасти Западной Сибири, известных у казачества под именем «хохлы») трудно назвать «нерусскими», по крайней мере, они себя таковыми не считали.

Полагаю, ближе всех к истине исследователь сибирского казачества В. Шулдяков, считающий, что «...хотя Ионов декларировал необходимость объединения с казачеством всего крестьянства и доносил в Омск, что вся Семиреченская область добровольно хочет быть казаками, его планы действительно были скромнее и не столь далеко оторваны от реальности».

Проект реформирования земельного и административного устройства Семиреченской области и Казачьего Войска, известный как «Проект войскового атамана Ионова», потерпел неудачу. Но не потому, что был оторван от реальной жизни. Просто проводился он не в то историческое время. Начни его осуществление на два-три года раньше – возможно, всё сложилось бы иначе, в том числе и исход Гражданской войны в Семиречье!

Роль А. М. Ионова как реформатора ещё слабо исследована отечественными историками. Архивы ещё хранят тайны деятельности первого и последнего войскового атамана семиречев.

А. Ушаков

PS: Генерал Ионов после эвакуации из Владивостока оказывается в Новой Зеландии, затем в Канаде и в США. Он продолжает находиться на посту Семиреченского Войскового Атамана в эмиграции ещё долгие годы, если не до смерти своей, то по крайней мере до конца 30-х годов. Умер он в Нью-Йорке 18 июля 1950 года. Известно, выбирали ли семиреченские казаки, по примеру других войск в эмиграции, своего Атамана после смерти генерала А. М. Ионова, но мы можем сказать, что ещё в 1976 году в США существовал штаб Семиреченского казачьего войска, начальником коего был есаул В. М. Питалев. Так казаки-семиречевы далеко за рубежами своей страны пытались сохранить преемственность от старой России, надеясь, что придёт то время, когда начнут возрождаться казачьи войска и проходить выборы Атаманов на родине. Это время пришло к началу 90-х. Но это уже совсем другая история...

Журнал «Станица» № 1(52) февраль 2009 г.

http://ucs.ucoz.net/index/history_12/0-14

О НЕКРАСОВЦАХ

В 1708 году, после подавления восстания Булавина, казаки, жившие в городках по Верхнему Донцу и по северным притокам Дона (Хопру с Бузулуком и Медведице), в большей своей части были уничтожены карательным отрядом кн. Долгорукова, имевшего на этот счёт самые строгие распоряжения самого царя – Петра I. Остатки верховых казаков, спасаясь от верной гибели, разбежались по лесам и другим укромным местам. Казаки шести городков по Среднему Донцу – Есауловского, Зимовейского, Кобылянского, Верхне-Чирского, Нижне-Чирского и Пятиизбянского, опасаясь репрессий, со всеми семьями, в числе около 4 000 человек, во главе с атаманом Есауловского городка Игнатом Некрасовым, правой рукой Кондратия Булавина, совсем ушли с Дона. Некоторое время они жили на Кубани, но потом, не чувствуя себя в безопасности, вступили в переговоры с турецким правительством на предмет переселения в Турцию. Переговоры увенчались успехом. Казаки под водительством своего атамана Некрасова переехали в Турцию, где вокруг озера Майнос и образовали несколько поселений. Здесь они жили так, как жили на Дону, т. е. управлялись Кругом и выборными атаманами. Как общее правило, с местным турецким населением они не смешивались, рождались посредством браков между собой и свято соблюдая казачьи обычаи, православную веру и родной язык. До 1900-х гг. турки не брали казаков на военную службу, но позже на общих основаниях стали призывать их в армию. Немало казаков погибло в Первую мировую войну в турецких рядах. В 1913 г. часть некрасовцев решила вернуться на родину, и с этой целью двинулась в поход к русско-турецкой границе на Кавказе. Здесь казаков застала война, и они поселились кто где мог. Одним удалось устроиться на Кавказе, по ту сторону турецкой границы, другие рассыпались среди прифронтового турецкого населения.

После Второй мировой войны советский посол в Турции стал посещать некрасовцев и уговаривать их вернуться на «родину», где, по его словам, их ждала «прекрасная жизнь». Казаки

долго не соглашались, но были особые причины, которые заставляли их серьёзно думать об уходе из Турции. До 1920-х гг. казаки сохраняли свои фамилии, но после этого они должны были менять фамилии и имена на турецкие, т. ч. получилось, что у каждого казака было своё христианское имя и старая казачья фамилия, и в то же время имя и фамилия турецкие. Кроме того, за истекшие свыше двухсот пятидесяти лет казаки все перероднились между собой, смешиваться же с турками ни за что не хотели. Они обращались во многие страны с просьбой принять их, но дело подвигалось очень медленно и не было никакой уверенности в успешном его разрешении. Поэтому в 1962 году часть некрасовцев поддалась на уговоры советского посла и согласилась ехать в СССР. Уехало их туда 993 человека обоёго пола. Остальные же благодаря ходатайству Толстовского фонда, взявшего на себя всю ответственность за переселенцев, по особому разрешению генерального прокурора Роберта Кеннеди, брата президента, прибыли в США.

В США некрасовцев встретили очень хорошо – на аэродром прибыло много представителей американской общественности, печати и телевидения. Некрасовцев было 224 человека. В газетах их называли то староверами («олд беливер»), то казаками, или «казаками-некрасовцами». Подробно описывалось, почему и как более двухсот лет тому назад покинули казаки свою родину. Было множество фотографий. Прибыли казаки на двух самолётах, и были размещены в двух местах: на ферме Толстовского фонда и в местечке Сибрук. Одну группу (меньшую) составляли поповцы, другую – староверы-беспоповцы, не признающие священства. Обе группы привезли с собой старинные иконы и богослужебные книги, причём есть книги дониконовского периода. Иконы тоже очень старого письма, и, как и книги, довольно хорошо сохранились. Несмотря на то, что уже несколько поколений родилось в Турции, все казаки хорошо говорят по-русски – вернее, так, как говорили у нас на Дону в хуторах и в последнее

время до революции. Иногда попадают в разговор старославянские слова, но не так много. И взрослые, и дети говорят по-хуторскому, и это понятно, т. к. учились языку они у родителей, а писать – по богослужебным книгам. Казачки сохранили ту одежду, которую носили на Дону их прабабушки времён Булавина и Некрасова. Мужчины одеты более или менее по-городскому, но женщины почти все имеют одежду, сшитую ими самими, причём такую, какую носили их предки, по всей вероятности, покрой передавался от матери к дочке... Староверы-беспоповцы все носят бороды и никак не хотят бриться, староверы-поповцы – большей частью уже бритые, и многие из них жили по городам. Вообще же в Турции некрасовцы жили в своих сёлах, занимались рыбной ловлей и сельским хозяйством, и только кое-кто из них в последнее время жил в гор. Истанбуле. До 1926-1927 гг. управлялись сами и выбирали Атамана, но после править ими был назначен турецкий сельский начальник. Беспоповцы имели свой молитвенный дом и при нём наставника и попечителя, а у поповцев было две церкви и священник. Так хорошо, что они сохранили свой язык и веру, среди них можно себя почувствовать, будто очутился ты вдруг на Дону до революции... Такие же обычаи и весь уклад казачьей жизни, вплоть до мелочей. Песни – старые казачьи (булавинские-?)/ *builevuye*, давно уже забытые на Дону, новых, после Булавинского периода, не знают...

У всех некрасовцев турецкие паспорта, на второй странице которых, в графе «национальность», написано: «казак». В США они привезли, как уже упоминалось, иконы старого письма и богослужебные книги, и ждут из Турции церковные облачения, которые должны скоро прийти. Здесь им хотелось бы жить всем вместе, но это доволь-

но трудно, т. к. невозможно устроить столько людей, не знающих языка и новых условий жизни, куда-либо на одну фабрику. Многие из них уже устроились на работу, и когда могут, то собираются вместе по праздникам. Очень интересны песни старинного напева, которые они «играют», такого напева больше уже не услышишь. Хорошо было бы эти напевы записать теперь же, пока сами некрасовцы их ещё не забыли...

В первое воскресенье по приезде некрасовцев на ферму Толстовского фонда, где они тогда жили почти все вместе, явился много репортёров местных газет и камероманов, и последние сделали много снимков для программы телевидения. Теперь некрасовцы постепенно расходятся по разным городам и очень этим недовольны: это мешает им быть вместе. Поповцы хотят уже строить себе церковь, и все хотят иметь свой, некрасовский центр.

Когда некрасовцы прибыли в США, то газеты писали, что приехали казаки, и рассказывали подробно о том, почему они должны были покинуть свою родину – Тихий Дон. Правда, некоторые газеты называли их просто староверами, но большинство – всё же казаками. Все знали, что прибыли казаки, и местное население, никогда раньше не слышавшее слова «казак», теперь о казаках знает. Был такой случай: когда я поехал посетить некрасовцев в Сибруке и спросил в одном магазине, где живут приехавшие из Турции, то продавщица мне ответила: «А-а, это казаки, что прибыли недавно? Они живут (следовало название места)». В программе телевидения тоже много говорилось о казаках.

Нью-Йорк. РК № 49. Ноябрь-декабрь 1968

<http://cossacksmusic.ru/o-nekrasovczax.html#ixzz4jF1nwLuB>

Советы бывалого человека

25 советов по выживанию на войне, в плену и в тюрьме

Стабильности в мире нет, кругом очаги напряжённости. И вероятность оказаться в горячей точке, в окружении недружелюбных людей с оружием пугающе отличается от нуля. Опытным выживания на войне и поведения в подобных ситуациях мы попросили поделиться знаменитого публициста Аркадия Бабченко – человека, который прошёл несколько войн, бывал в плену и в застенках, и, в общем, знает, о чём пишет.

И – да, мы глубоко и искренне надеемся, что тебе никогда не понадобятся эти советы.

Но всё-таки:

1. Первые моменты – самые важные

Как ты себя поставишь в эти первые минуты, так с тобой и будут общаться в дальнейшем. Держись с достоинством, знай себе цену, пока-

жи, что можешь дать отпор и постоять за себя. Меньше говори, больше слушай. Не рассказывай о себе пока ничего. Не лезь со своими разговорами. Спросят – отвечай, не спросят – молчи.

Никогда не стесняйся спрашивать сам. Любой мужской коллектив в замкнутом пространстве – это всегда немного театр, где внешняя атрибутика имеет значение.

Поведение – та же самая атрибутика. На тебя будут смотреть: как держишься, как говоришь, какие слова употребляешь. Постарайся как можно быстрее понять, что здесь принято и допустимо, а что – нет. Смотри, что делают остальные, и делай то же самое. Когда поймёшь, что к чему и кто есть кто, можно будет уже немного раскрепоститься.

2. Проблема веса

Но, бога ради, только не начинай быковать с порога. Твой статус со временем определится сам – согласно твоим личным качествам. «Весить» ты, один чёрт, будешь столько, сколько «весишь», и не надо прибавлять себе веса искусственно. Не надо кичиться связями, знакомствами, деньгами, физической силой или умом. И не надо показывать людям, что ты считаешь себя выше их, – это самое худшее, что можно придумать. Приземлять. Очень быстро и очень больно.

А потом ещё начнутся проблемы. Ты говорил, что у тебя есть связи и деньги? Ну, неплохо бы поделиться...

3. Установи контакт

В критической ситуации (например, в районе боевых действий вооружённые люди останавливают тебя на улице) самое главное – понять, к кому попал и на какой стадии накрученности люди находятся. Война – всегда повышенный уровень агрессии. Тут главное – не быть убитым на истерике. Неси что угодно, включай дурака, твоя задача – зацепиться языком и не быть убитым в первые пятнадцать минут. Тогда шансы повышаются.

Основная цель – установить психологический контакт. Показать, что ты свой, ну или по крайней мере нейтральный.

4. Не изображай жертву

Никогда не ползай в ногах и не умоляй. Постарайся максимально сохранять достоинство, пока это возможно. Хотя это и сложно. Некая доля твёрдости – это уважается. Но и не перегибай палку. Не выпендривайся. Единственное, чего этим добьёшься, – прикладом в лоб и в багажник. Помни: ты себе больше не власть. Власть – другие. Те, у кого оружие. И они могут – и будут – распоряжаться твоей жизнью.

5. Если начнут избивать, приседай

Постарайся максимально закрыться руками и коленями. Не строй из себя героя. Не смотри в глаза. И ни в коем случае не пытайся ответить ударом на удар – убьют и всё. Постарайся казаться меньше, слабее и придурковатее. Выполняй все требования. Но опять же не унижайся. Будут грабить – отдавай всё. Вообще всё. Без машины можно уйти, с простреленными ногами – нет.

6. Тренинги по медицине и первой помощи бессмысленны

Парамедиком ты всё равно не станешь, да и инструментов нет. В экстремальной ситуации о первой помощи знать нужно только одно: если что-то оторвало, вкальваем промедол и перетягиваем жгутом; если перебило артерию или крупный сосуд, вкальваем промедол и перетягиваем жгутом до максимума. Не до боли – боль здесь не показатель. Перетягивать нужно со всей силой, пока не сможешь уже закручивать дальше, потому что остановить кровотечение из бедренной артерии очень сложно. А если что-то пробило – живот или грудину – вкальваем промедол, затыкаем дырку, перебинтовываем. Потом ничего больше не трогаем и при первой возможности отдаём врачам.

7. Алкоголь и агрессивные, а тем более вооружённые люди – несовместимы

Не пей. Никогда. Если началась попойка – уходи. Добром это не кончается. Никогда.

8. Беар Гриллс – это шоу

Не имеет к реальности никакого отношения. На самом деле всё всегда хуже, сложнее и тяжелее. Голод – не самое страшное. Куда серьёзнее холод и антисанитария, влекущие за собой всевозможные обморожения, нагноения, дизентерию, стрептодермию и экземы. При каждой возможности следует стирать бельё, мыть ноги, руки, пах, подмышки, сушить обувь. Обычные потёртости могут полностью вывести тебя из строя.

9. Будь всеяден

Но в чём наш английский спецназовский друг прав, так в том, что жрать и пить можно всё что угодно. Под Алхан-Юртом, выйдя из-под огня, мы пили прямо из болота, хруст живых мальков на зубах помню до сих пор. В Грузии, выйдя из боя, пили из ручья, где выше по течению валялся труп телёнка. В Грозном – из канавы, где лежала дохлая собака.

10. Дырку в теле можно затыкать чем угодно

Например, отлично подходят полиэтиленовые пакеты, сверху перемотанные скотчем. Смысл здесь в том, чтобы избежать пневмоторакса, чтоб воздух внутрь не попадал. При ранении в грудину это самое опасное.

11. Начни заниматься спортом

Начни прямо сейчас. Когда всё начнётся – нагрузки возрастут в несколько раз. Бронежилет – шестнадцать килограммов, шлем – два, автомат – четыре, вещмешок с патронами – ещё десяток, гранаты, жратва, фляга с водой, нож. Карандаш, в конце концов. Ты не представляешь, насколько тяжёлым может быть карандаш. Передвигаться со всем этим в режиме «бежим-лежим» очень сложно.

12. Жир у собак надо срезать

Он горчит. Голубей надо бить в голову, иначе пуля вырвет всё мясо, останутся только перья. Летящую утку из автомата не сбить, можешь

даже не пытаться. Коровам стрелять за рога. Черепах и рыбу можно глушить гранатами или из РПП. В остальном – мясо и мясо.

13. Садись на диету

Лично я на войне предпочитаю есть вообще раз в два дня. Во-первых, минимизируется одна из главных бытовых проблем на войне – поход на дальняк, что всегда доставляет массу неудобств. Срать в бронезилете с автоматом на коленях и одновременно пытаться контролировать обстановку – это очень неудобно, поверь. Да ещё и растяжки кругом. Пошёл в кусты и вернулся без ног – очень частые случаи.

А во-вторых, вообще лучше иметь пустой желудок: при ранении в живот меньше шансов перитонита.

14. Сломать можно любого

Мне, валявшемуся в собственной кровавой юшке на полу сортира в Моздоке, Саид, пытаясь стряхивать пепел на моё лицо, говорил: «Сломать можно любого, да, длинный?». Да. Сломать можно любого. Вопрос лишь времени и желания. А пытки ломают любого гарантированно, за исключением совсем уж единичных случаев. Но, поверь, шансы, что ты вступишь в их число, невелики.

Лучше не доводи до этого. Всё равно они добьются от тебя того, что им нужно, но только к тому моменту ты уже будешь без пальцев и с разорванным кишечником.

15. Редко когда избивают так, чтобы действительно убить или сделать инвалидом

Но удары по внутренним органам опасны, даже если они не самые сильные. Сломанный нос лучше, чем разорванная селезёнка. Постарайся защитить внутренности. Закрывай руками, коленями, сжимайся в клубок. При попадании в печень в правом боку взрывается нейтронная бомба, жжёт, как адское пламя, – не можешь уже ни стоять, ни говорить. В общем, береги печень, Сеня!

16. Топлёный снег уменьшается в объёме раз в десять

Из ведра снега получится котелок воды. Ну, это ты быстро поймёшь. Весь дистиллят – снег или дождь – необходимо подсаживать, иначе просто невозможно напиться. Дистиллированная вода только вымывает вещества из организма. Чем больше пьёшь, тем больше жажда. Нет соли – кинь щепотку золы. Но всё же лучше живая прокипячённая вода – из реки, болота, лужи.

Воду можно обеззараживать любой хлорсодержащей химией. Отбеливателем «Синева», «Белизной», «Доместосом». Плесни немного и дай постоять часа четыре. Не переборщи только, а то пить не сможешь.

17. Сигареты, спички, носки, солярка, водка, сладкое – это валюта

Постарайся иметь их как можно больше. Даже если не куришь и ходишь босиком.

18. Не вытирай сопли варежкой

Через два дня под носом сдерёшь кожу, через три – экзема или вечно не заживающая язва.

Экземе надо мазать любым кремом или добытым собачьим жиром (пункт 12). Стрептодермия хорошо лечится солнцем. Газета под носки и правда неплохо греет. Прокладки впитывают влагу. Варежки в выхлопе не грей – отсыреют. Положи лучше на двигатель, но смотри, чтоб не затянуло в ремни вместе с руками.

Пуля из патрона легко вынимается пассатижами или иным способом бокового ломанья, порох поджигается искрой – от аккумулятора переносной рации или даже камнем о камень. Трассер даёт сильный, хотя и короткий огонь. Выстрели в кирпичную стену и, пока горит, разводи костёр. Плавающей в миске с соляркой тряпкой хорошо топить печь. Даёт ровный, сильный жар, хотя и коптит нещадно.

19. Береги ноги

Здоровые ноги – это очень важно. Мне, например, никогда не удавалось найти валенки по размеру, они вечно натирали. В результате на одной ноге у меня было 13 мозолей, на другой – 18, две из них под ногтями, которые отвалились. Это превратило меня в практически неспособного ходить инвалида. А казалось бы – всего-то мозоли.

20. Война, тюрьма, любая экстремальная ситуация – это по большей части психология

Выживает не самый сильный. Выживает самый приспособленный. Тот, кто быстрее понимает, что к чему. В ком быстрее развиваются новые качества – способность чувствовать присутствие человека, быстро соображать, увеличить скорость реакции, принимать правильные или нестандартные решения.

Налёт цивилизации очень тонок, он слетает моментально. Человеческое уходит, остаётся животное. Но именно оно-то и помогает выживать. Война страшна не тем, что отрывает руки-ноги. Война страшна тем, что она отрывает душу. Как говорят, армия – это волчья тропа, по которой надо пройти оскалив зубы. Но остаться при этом человеком.

21. Нечищенные зубы – первый шаг к апатии

А следовательно, и к смерти. Уходя в свой воображаемый мир, перестаёшь адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства. В итоге допускаешь роковую ошибку. Именно поэтому солдат заставляют бриться и чистить зубы каждый божий день (вплоть до тумачков).

22. Если ситуация безвыходная – дерись

В моей армии дедовщина была махровойшая. Один раз мной выбили окно. Мне повезло, я упал не на улицу, а на пол. Лежал в кровавых соплях. Вокруг стояли пьяные обдолбавшиеся героином ублюдки. «А давай его опустим?» Рядом с моим лицом лежал осколок стекла. Примерно с полметра длиной. В виде клинка. Я зажал его в рукаве. Поднялся. Вжался в угол. Отстали. Позже за эту

вспышку сопротивления меня избили ещё сильнее, но до таких крайностей больше не доходило.

23. Вся твоя предыдущая жизнь перестанет иметь значение

Ты будешь «весить» ровно столько, сколько «весишь» здесь и сейчас. Ни золото, ни квартиры, ни должности, ни марки твоих бывших автомобилей тебе веса не прибавят. Если у тебя в прошлой жизни был «мазератти», а в этой ты не умеешь добыть жратвы или снарядных ящиков для печки – ты говно.

Городские люди вообще плохо приспособлены к экстремальным ситуациям. Лучшие солдаты, ээки, выживальщики – как правило, простые мужики из глубинки с грубыми, словно вытесанными топором лицами. Учись у них. Держись их. Они самые надёжные.

Вообще хороший солдат всегда выглядит скорее как бомж, нежели как Рэмбо. Может показаться странным, но просто удивительно, для какого количества людей это становится открытием. И они по привычке хвастаются прошлым богатством и считают, что это делает их более значимыми, чем остальные. Пока всем это не надоест окончательно. Тогда такие люди получают прикладом по башке и отправляются на своё место – в самый низ социальной лестницы. Для многих это становится серьёзной психологической травмой, а кого-то может и сломать.

24. Постарайся не бояться

Самый глупый совет. Он всё равно невыполним, но ты постарайся. Не бойся. Страх придёт, но старайся ломать его изо всех сил. Не дай ему завладеть тобой, иначе перестанешь быть человеком, превратишься в мычащее животное. А это точка. Дно. Борись со своим страхом каждую секунду, не показывай его другим. Сторонись тех, кто уже поражён им. Страх заразен.

Дурацкая поговорка про «смелого пуля боится», отчасти правда. Страх лишает воли к действию и способности адекватно оценивать ситуацию. В итоге ты принимаешь неправильные решения: идёшь не туда, делаешь не то, падаешь не так быстро, не можешь ватными пальцами снять оружие с предохранителя, и в итоге погибаешь.

25. И самый главный совет – сваливай

Как только появилось подозрение, что в вашем городе должна начаться стрельба, тебе светит тюрьма, возможно появление вооружённых алкоголиков на блокпостах, – быстро-быстро-аллюр-три-креста хватай детей под мышку, садись в машину-маршрутку-автобус и беги далеко-далеко. Всё остальное – уже частности. Без ковра, телевизора, квартиры и даже без дома прожить можно. Без головы – нельзя. Хотя, впрочем, некоторые умудряются.

http://news.mirtesen.ru/newdata/news?ad=3090381&bl=82631&ct=direct&st=20&ag=16&ev=H4sIAAAAAAAAAAAAEqANX_Cij25rsBy8O8Ac_SvAGK1LsB-eu8Ac3PvAGk47wB_W2AdrPvAGX6LwBQu9gTioAAAA

Воспоминания о войне

Отдать трибунал под трибунал или Рассказ о настоящем Офицере и Человеке

«Приносит мне председатель трибунала бумагу:

– Подпишите, Иван Михайлович! Завтра в 09:00 хотим новобранца у вас тут перед строем расстрелять.

– За что, – спрашиваю, – расстрелять?

– Бежал с поля боя. Всем другим трусам в назидания.

А я эти расстрелы, скажу тебе, терпеть не мог. Я же понимаю, что этот молокосос вчера за материну юбку держался, дальше соседней деревни никогда не путешествовал. А тут его вдруг схватили, привезли на фронт, не обучив как следует, сразу бросали под огонь. Я ведь тоже (даже в книжке своей об этом пишу) с поля боя по молодости бегал. И не раз, пока дядя (я под его началом был) своими руками пристрелить не пообещал – и я был уверен, что пристрелит. Это же стра-а-ашно! Взрывы, огонь, вокруг тебя людей убивают, они кричат – с разорванными животами, с оторванными ногами-руками... Вроде и мысли в голове о бегстве не было, а ноги тебя сами несут, и всё дальше и дальше.

Ох, как же трудно со своим страхом справиться! Огромная воля нужна, самообладание, а они с опытом только приходят. С ними люди не рождаются.

И вот этого мальчишку завтра в 09:00 возле моего КП убьют перед строем...

Спрашиваю председателя трибунала:

– А вы разобрались во всех деталях его воинского преступления?

Тот мне:

– А чего тут разбираться? Бежал – значит, расстрел, о чём тут ещё можно разговаривать? Всё ясно.

Говорю:

– А вот мне не ясно из твоей бумаги, куда он бежал. Направо бежал, налево бежал? А может быть, он на врага бежал и хотел других за собой увлечь! А ну, сажай свой трибунал в машину и следуй за мной – поедем в эту часть разбираться.

А чтобы в эту часть проехать, нужно было обязательно пересечь лощину, которая немцем простреливалась. Ну, мы уже приспособились и знали, что если скорость резко менять, то немецкий артиллерист не сможет правильно снаряд положить:

один обычно разрывается позади тебя, другой впереди, а третий он не успевает – ты уже проскочил.

Ну вот, выскочили мы из-за бугра и вперёд. Бах-бах, – пронесло и на этот раз. Остановились в перелеске, ждём – а трибунала-то нашего нет, не едут и не едут. Спрашиваю шофёра:

- Ты точно видел, что немец мимо попал?
- Точно, – говорит, – оба разрыва даже не на дороге были!

Подождали мы их с полчаса и поехали дальше сами. Ну, всё я там выяснил насчёт новобранца: бежал в тыл, кричал: «Мама», сеял панику и т. д. Поехали обратно.

Приезжаем на КП.

- Что случилось с трибуналом? – спрашиваю.
- Ничего не случилось, – мне говорят. –

Они сейчас в столовой чай пьют.

Вызываю командира комендантского взвода, приказываю немедленно доставить трибунал ко мне. Через пять минут приводят ко мне эту троицу. Один ещё печенье дожёвывает.

Спрашиваю:

– Куда вы делись? Почему не ехали за мной, как я приказал?

– Так ведь обстрел начался, товарищ генерал-полковник, поэтому мы назад и повернули.

Говорю им:

– Обстрел начался, значит, бой начался. А вы меня бросили в этом бою, трусили. Кто из вас законы военного времени знает? Что полагается за оставление командира в бою и бегство с поля боя?

Побелели. Молчат. Приказываю командиру комендантского взвода:

– Отберите у этих дезертиров оружие! Под усиленную охрану, а завтра в 09:00 расстреляйте всех этих троих перед строем!

Герой Советского Союза, один из самых популярных и любимых в армии военачальников. Генерал-полковник Иван Михайлович Чистяков.

Тот:

– Есть! Сдать оружие! На выход!

В три часа ночи звонит Хрущёв (член Военного совета нашего фронта):

– Иван Михайлович, ты что, вправду собираешься завтра трибунал расстреливать? Не делай этого. Они там уже Сталину собрались докладывать. Я тебе прямо завтра других пришлю взамен этого трибунала.

– Ну, уж нет, – я Хрущёву говорю. – Мне теперь никаких других не нужно! Только этих же хочу.

Тот засмеялся, говорит:

– Ладно, держи их у себя, раз хочешь.

И вот аж до самого конца войны мне ни одного смертного приговора больше на подпись не приносили...»

Детская страничка

А. О. Ишимова

История России в рассказах для детей

Глава VI

Дети Владимира

Из двенадцати сыновей Владимира по смерти его осталось семь: Святополк жил в Киеве, потому что недавно был выпущен из тюрьмы и ещё не уехал в свой удел, а Борис ходил с войском на печенегов и ещё не воротился в Киев. Старше всех был Святополк, но Владимир и народ не хотели, чтобы он был киевским князем. Владимир больше других сыновей любил Бориса. Думают, хотя наверное неизвестно, что только Борис и Глеб были дети греческой царевны Анны, а прочие сыновья Владимира были от жён-язычниц; может быть, поэтому-то Владимир и прочил киевское княжество Борису.

Борис был князь добрый, храбрый, справедливый, потому народ и желал иметь его князем. Для того-то и хотели киевляне скрыть, что умер Владимир, чтобы успел прийти Борис, но это не удалось. Святополк стал княжить в Киеве. Только боялся он Бориса. Дружина и киевское войско были у него под начальством и очень его любили, так что он мог, пожалуй, и выгнать Святополка из Киева. Поэтому Святополк послал ему сказать, что хочет жить с ним в любви и дружбе и прибавить городов к его уделу. Дружина уговаривала Бориса идти и взять Киев, но он им сказал: «Не подниму руку на старше-

го брата». Он говорил это не потому, что верил Святополку, а только по своей правоте и доброму сердцу. Дружина и войско ушли от него, осталось только немного отроков, то есть слуг.

Святополк узнал об этом, позвал к себе своего дружинника Путшу и ещё троих и спросил: «Любят ли они меня всем сердцем?». Они сказали: «Готовы за тебя головы положить». А он им на это: «Так убейте моего брата Бориса».

Взяли они ратных людей, поехали к реке Альте, где был Борис в это время, подъехали к княжескому шатру и услышали, что князь Богу молится. Борис уже знал, что замыслил брат, и теперь за него молился и пел святые псалмы. Путша с товарищами остановился. «Пусть, – говорят, – лучше, когда заснёт...»

Князь лёг; в одном шатре с ним спал его отрок Георгий. Путша с товарищами ворвался в шатёр и бросился к князю, Георгий загородил его, но они закололи верного слугу, пронзили копьями и самого Бориса, завернули его тело в полотно и повезли. Князь ещё дышал. Святополк узнал об этом и послал двух варягов докончить его. Они ему и вонзили меч в сердце. Святополк стал думать: «Бориса я убил, как бы убить и Глеба». Но Глеб был далеко, в своём уделе, в Муроме. Святополк послал сказать: «Отец очень занемог и хочет тебя видеть».

Глеб пошёл с малою дружиною к Киеву, по дороге вывихнул себе ногу и поехал на лодке. Новгородский князь прислал ему сказать: «Не езд дальше. Святополк убил брата Бориса, убьёт и тебя». Вслед за тем приехали и убийцы, которых подослал Святополк. Глебу служил повар из народа торков, который жил в степях, так же, как и печенеги. Этот повар перешёл на сторону Святополка и убил князя Глеба. Тело Глеба бросили сперва между двумя колодами, а потом привезли в Вышгород и положили вместе с телом Бориса. Господь прославил их тела нетлением и чудесами. Стали они святыми благоверными князьями, молитвенниками за русскую землю. Русские впоследствии всегда обращались к ним в молитвах в своих горестях и напастьях. А Святополка прозвали окаянным – так за ним это прозвище и осталось.

Святослав услышал об убийстве Бориса и Глеба и побежал из древлянской земли, но по приказу Святополка его догнали и убили. Святополк взял себе уделы Бориса, Глеба и Святослава. Сестра их Предслава послала сказать новгородскому князю, что Святополк хочет и всех братьев перебить. А в Новгороде в это время вот что делалось. Ярослав, как перестал слушаться отца, послал за варягами, чтобы они его защитили, когда придёт Владимир с войском. Варяги пришли и стали в Новгороде своевольничать. Новгородцы не стерпели этого и перебили несколько варягов, а Ярослав позвал к себе этих новгородцев будто в гости, да тоже их перебил. В эту са-

мую пору и пришла ему весть от Предславы. Он испугался, созвал новгородских старшин, заплакал и сказал: «Ах, моя любимая дружина! Убил я тебя, а теперь бы золотом купил. Святополк братьев убил, хочет и меня убить. Кто меня оборонит?». Новгородцы хоть и сердились на князя за убийство своих, однако не выдали его, сказали: «Пойдём за тебя биться, и казны дадим». Знали они, что если Ярослав убежит, то Святополк посадит у них наместника, а они любили жить лучше с князем, чем с наместником. Кроме того, и мерзко показались им дела Святополка.

Собрали они войско, дали князю денег для найма варягов; Ярослав нанял их, да вместе с новгородцами и пошёл на Святополка. Святополк тоже войско собрал и нанял печенегов. Сошлись оба войска у Днепра и стали друг против друга. Ни те, ни другие через реку не переходили, стояли да поддразнивали друг друга. Воины Святополка говорили новгородцам: «Эх вы, плотники! Туда же пришли воевать с своим хромым князем». Новгородцы рассердились, говорят князю: «Завтра пойдём на них», а в то же время из войска Святополка один доброхот Ярослава прислал ему сказать, что в ту ночь всего удобнее напасть на Святополка. И точно, Святополк и его войско всю ту ночь пировали. Новгородцы переехали через реку, лодки оттолкнули от берега, чтобы нельзя было воротиться и пришлось либо победить, либо головы положить. Победили они Святополка. Ярослав вошёл в Киев, а окаянный убежал к своему тестю, Болеславу, польскому королю.

Болеслав собрал большое войско из поляков, нанял ещё немцев, варягов и печенегов и пошёл на Ярослава. Опять две рати сошлись у реки Буг и стали друг друга поддразнивать. Будый, пестун и воевода Ярослава, стал смеяться над толщиной Болеслава. Болеслав, как услышал это, не вытерпел, бросился на коне в реку и поплыл; дружина за ним, ударили на русских и побили их. Ярослав убежал к варягам. Святополк стал княжить в Киеве, а поляки принялись страшно своевольничать. Святополк придумал перебить их всех и с Болеславом. Но польский король узнал об этом, награбил всё, что мог, и ушёл с войском из Русской земли, да ещё мимоходом завоевал червенские города, которые прежде Владимир взял у поляков.

Ярослав опять воротился и привёз с собой варягов; новгородцы за него стали. Святополк убежал к печенегам и привёл их страшное множество. Битва вышла на реке Альте, близ того места, где убит святой благоверный князь Борис. Сеча была жестокая. Даже до того ожесточились, что схватывались боец с бойцом за руки и рубились; наконец русские одолели. Святополк бежал в пустыню между чешской и польской землёй, и умер там. А есть и иное предание о его смерти. Был тогда варяжский витязь Эймунд. Так о нём есть такой рассказ.

Служил он Ярославу, бился очень храбро, помог одолеть печенегов. Святополк бежал к ним, а потом, слышат, опять набрал у них войско и идёт на Киев. Эймунд и сказал Ярославу: «Что же это у вас и конца не будет. Позволь мне сделать по-моему». Князь отвечал: «Хорошо». Эймунд взял с собою только десять варягов и поехал в степь навстречу печенегам. Нашёл он места, в каких они любили останавливаться на ночлег, и спрятался подле этого места в кустах. Точно, печенеги остановились на этом месте, а палатку Святополка разбили подле тех самых кустов, где варяги спрятались; ночью они вышли, убили Святополка, отрубили ему голову и поехали с нею в Киев. Печенеги, как увидели мёртвого князя, испугались и ушли в степь. А Эймунд привёз голову Святополка к Ярославу, думал, что князь наградит его. Но Ярослав сказал: «Как ты смел это сделать? Вернись и похорони тело убитого князя, а без того не смей мне на глаза показаться». Варяги говорили, что это Ярослав сделал нарочно, чтобы не дать им награды, потому что был скуп.

Эймунд воротился в степь, похоронил Святополка и уехал от Ярослава служить полоцкому князю.

Владимир дал Рогнеде и сыну её Изяславу город Полоцк. Когда Рогнеда и Изяслав умерли, у него остался сын Брячислав и стал княжить в Полоцке. Из братьев Ярослава были живы двое: Судислав и Мстислав. Судислава посадил за что-то Ярослав в тюрьму, а удел его себе взял. От Мстислава же ему самому плохо пришлось.

Мстислав княжил в Тмутаракани, на острове между Кубанью и двумя морями. Недалеко от этого места есть высокие горы; народы, которые жили тут, назывались ясами или косогами. С ними-то и стал воевать Мстислав. А князем у них был Редедя, великан ростом. Он и сказал Мстиславу: «Побьёмся один на один, одолеешь ты – возьми моё именье и княжество, а я одолею

– твоё возьму». Мстислав согласился, схватились они; начал Редедя одолевать, Мстислав помолился: «Пресвятая Богородица! Помоги мне одолеть врага: я построю церковь во имя Твое». И как помолился, то собрался с силами, одолел Редедю, убил его и завладел его княжеством. Исполнил свой обет, построил церковь Божией Матери и прославился очень в том краю. А как услышал о гибели братьев, то и послал сказать Ярославу, чтобы тот отдал ему часть Русской земли до Днепра. По тогдашнему обычаю так и следовало, но Ярослав отказал, собрал большое войско, нанял и варягов. Однако Мстислав победил его, взял земли до Днепра и стал дружно жить с братом. Даже вместе на поляков пошли и отняли у них червенские города. Когда же Мстислав умер, сыновей у него не осталось, и Ярослав завладел всей Русской землёй, кроме Полоцка.

Брячиславу полоцкому показалось обидно, что ему дядя не дал ничего из уделов других князей, он напал на Новгород, ограбил его и пошёл обратно в Полоцк. Ярослав настиг его, победил и взял в плен, однако помиловал племянника, опять посадил князем в Полоцке и ещё прибавил два города. Есть рассказ, в котором объявлено, как это случилось. Ярослав был женат на шведской королеве Индигерде, которую очень любил и уважал. Она поехала к нему с дружиной по лесу. А Эймунд так искусно захватил её, что дружина и догадаться не могла, куда она девалась. Чтобы выручить жену, Ярослав и помирился с племянником.

Потом Ярослав управился с печенегами. Они подступили было к Киеву, но Ярослав побил их так сильно, что после того они не смели уже нападать на Русскую землю. И сделался он таким же могучим государем, как отец его Владимир, породнился со многими государями, сестру свою отдал за польского короля, одну дочь за короля венгерского, другую за французского, сына Всеволода женил на греческой княжне. А самое лучшее для Руси сделал то, что составил законы. Для народа это очень хорошо. Если писаных законов нет, то судьи как хотят, так и судят; если и неправо что-нибудь сделают, то могут вывернуться, сказать, что не знали, как надо было дело решить; но если есть написанный закон, то и нельзя сказать этого. Законы, которые написал Ярослав, назывались Русской Правдой. В них, главное, говорилось о том, как надобно наказывать убийц и воров, и что следует уплатить тем людям, у кого убит кто-нибудь из родных либо что-нибудь украдено. Ярослав так же, как и Владимир, строил церкви, заводил училища. Духовные его любили и в летописях называли мудрым, а народ не столько любил, как Владимира.

Продолжение следует.

«Русские забавы» – движение вместе

В школе-студии народного танца «Русские забавы» танцуют ярко, с огоньком. Этот учебный год был для ребят незабываемым. Юбилей коллектива – 25 лет творческой деятельности – отметили сольным концертом во Франции, в городе Париже. К юбилею ребята готовились тщательно, программа концерта получила название «Русские забавы – движение вместе», 25 лет в городе Томске. Для постановки к ребятам приехал из Красноярска ведущий солист ансамбля им. Годенко Андрей Кульманов, он поставил для школы-студии яркую весёлую композицию «Зимушка», в которой приняли участие 60 исполнителей разных возрастов. Шили костюмы, тщательно репетировали программу, обсуждали предстоящий юбилей и первые гастроли за рубежом. Собралось более 30 выпускников разных лет, чтобы поучаствовать в юбилейном концерте.

Праздник получился на славу!

В театре драмы два часа не смолкали аплодисменты зрителей. В концертную программу вошли лучшие танцевальные номера школы.

Как уже говорилось, особое событие этого юбилейного года – поездка в Париж в рамках культурной манифестации «Разноцветный Париж» по приглашению Французской Культурной Ассоциации ЮНЕСКО «Эспланада». Концерт проходил в сердце Парижа, на площади Републик, в старинном театре «Апполо».

Программу приняли на ура. Восторженные зрители долго не отпускали со сцены участников, благодарили, дарили подарки, фотографировались с ребятами. Благодарные организаторы провели ряд экскурсий по Парижу и в регионе Нормандия.

Школа-студия «Русские забавы» ведёт несколько творческих проектов, один из них –

это «Казачьи России», при поддержке томского казачества. Восемь лет ребята изучают обычаи, костюмы, танцевальное творчество казаков разных регионов России.

Постановка «Томская крепость», основанная на исторических событиях освоения Сибири казаками, и, в частности, основания г. Томска, занимает особое место в репертуаре. На юбилей коллектива мэр г. Томска И. Г. Кляйн лично вручил руководителю, Алексеевой Ольге Владимировне награду города «За отличие».

С 4 по 7 августа коллектив «Русские забавы» представлял «Томскую крепость» на отборочном этапе Всероссийского конкурса «Казачий круг» в г. Иркутске. В составе жюри был руководитель Государственного академического Кубанского хора, народный артист Российской Федерации, профессор Виктор Гаврилович Захарченко. И снова кропотливая работа летом на творческой смене в ДООЛ «Пост № 1». В 2014 году коллектив уже принимал участие в гала-концерте победителей конкурса «Казачий круг», который проходил в театре Российской Армии в г. Москве, где «Русские забавы» вошли в десятку лучших коллективов России по казачьему творчеству. В 2018 году, в марте, школа-студия «Русские забавы» расширяет творческий проект «Казачьи России». Руководитель проекта Алексеева Ольга Владимировна планирует при поддержке областной администрации провести конкурс казачьего творчества «Казачья звонница» в г. Томске, где своё творчество представят многие творческие коллективы города и области. В состав жюри войдут ведущие специалисты России по казачьему творчеству.

9 августа ансамбль школы-студии народного танца «Русские забавы» принял участие в межрегиональном этапе Всероссийского фольклорного конкурса «Казачий круг». Первый этап проходил в г. Иркутске 5–7 августа 2017, в архитектурно-этнографическом музее Тальцы, на берегу реки Ангары. В конкурсе приняли участие казачьи коллективы из Новосибирской, Томской, Омской, Иркутской областей, республик Бурятии и Хакасии, а также Красноярского, Забайкальского и Алтайского краёв. Выступающие коллективы представляли Иркутское,

Сибирское, Енисейское и Забайкальское казачьи общества, с общим количеством участников около 400 человек в 36 коллективах.

Коллектив школы-студии принимает участие, в таком значимом событии второй раз! В 2013 году ребята стали победителями этого конкурса на Всероссийском этапе. Его финал проходил в г. Москве, в Театре российской армии, и транслировался по телевизионному каналу «Культура».

Каждый участник конкурса и все члены жюри высоко оценили исполнительское мастерство коллектива, а так же историческую постановку «Томская крепость»!

<https://www.youtube.com/watch?v=0tUMLNFUhNM> Телекомпания "Аист"

<http://irkutsk.bezformata.ru/listnews/kazachij-krug-proshel-v-taltcah/59719928/> - Новости Иркутска и Иркутской области.

<http://vesti.irk.ru/news/culture/229254/> - Вести Иркутск, канал Россия

http://iodnt.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1428:kazachij-krug-lyubo&Itemid=234

Композитор из Парабели

Евгений Зубарев, поэт и композитор, родился в селе Нарым Парабельского района в 1961 году. К искусству юношу тянуло с детства. Первая проба пера была ещё в школе: вёл спортивные репортажи в школьной стенгазете, «пописывал стишки». Музыкальное образование получил в томском культпросветучилище на оркестровом отделении. В настоящее время владеет балалайкой, гитарой, гусями и всякого рода духовыми инструментами. Много лет играл в различных рок-группах на бас гитаре.

В 2001 году переехал в село Парабель, создал рок-группу «7-й тоннель», затем Парабельский рок-клуб, руководил им 15 лет.

Организовал ансамбль фольклорной музыки «Светец» и ансамбль авторской песни «НБФ». Написал около 300 песен. Как поэт публиковался в литературном альманахе «Сибирские Афины» и в сборнике стихов томских политехников «Сто десятая весна». Издал два сборника парабельских поэтов. Член Союза томских композиторов.

Родовой казак, предки – казаки с 17 века, позже были переведены в разряд казаков-однодворцев. Корни в Донецком округе, станице Луганской, хуторе Болотенном Войска Донского. Вступил в реестровое казачество. Сейчас служит в ПХКО, хорунжий.

Осень-недотрога

Слова Г. Григорьева, музыка Е. Зубарева

- I
Осень разливает краску по земле,
По лугам, по перелескам, по полям,
Кисточкой разводит в банке акварель,
Мажет краску со слезами пополам.
- На боярышник с рябиной – красную,
На берёзы с тополями – жёлтую,
На озёра с облаками – серую,
А на голову мою – белую.
- Припев: Осень-недотрога, лёгкое крыло,
Плачет осень по любому поводу,
Это не прощанье с летом, хоть оно прошло,
Это моих лет непрошенные провода.
- II
Осень, дай мне краски, холст и кисти,
Я примкну сейчас к твоим ученикам.
Разрисую веточки и листья,
Яркий цвет добавлю я к твоим слезам.
- Попрошу у неба краску синюю,
У подсолнуха спрошу жёлтую,
У рассвета я возьму красную,
А у седины моей белую.
- III
А у осени моей зимы глаза,
Волосы – как крылья птиц, летящих вдаль.
А с ресниц стекает мокрый след-слеза,
С красками смешав былых потерь печаль.
- Расставания мои – золотом,
А потери от небес просинью,
Все заботы облачною белизной,
Ну, а годы – серебром-проседью.

Осень - недотрога

муз. Е. Зубарев
сл. Г. Григорьев

am G dm7 em

О - сень раз - ли - ва - ет крас - ку по зем - ле по - лу - гам по пе - ре - лес - кам

am G dm7 em

4 по по - лям Кис - точ - кой раз - во - дит вбан - ке ак - ва - рель Ма - жет крас - ку со - сле - за - ми

am C G dm7

8 по - по - лам На бо - я - рыш - ник сря - би - ной крас - ну - ю На бе - ре - зу сто - по - ля - ми

am C G dm7 E

12 жел - ту - ю На о - зе - ра соб - ла - ка - ми се - ру - ю А - на го - ло - ву мо - ю бе - лу - ю

dm am dm G C A7

17 О - сень не - дот - ро - га лег - ко - е кры - ло Пла - чет о - сень по лю - бо - му по - во - ду

dm E am G F dm

21 Э - то не про - шань - е сле - том хоть о но прош - ло Э - то мо - их лет не - про - шен - ны - с

E am

24 про - - - - во - - - - ды.

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

**Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока**

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар» и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте единственного в России Музея НКВД.
Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»: nkvd.tomsk.ru

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея», «Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

«Проект журнала «Казачи за Камнем» нуждается в стабильном финансировании, поэтому просим всех казаков, заинтересованных в продолжении нашей работы, оказать посильную материальную поддержку, отправив деньги на карту Сбербанка № 4276 6405 9884 4092

*Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале,
может не совпадать с мнением редакции.*

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

НАШИ ГЕРОИ КАЗАКИ.

Героическая борьба казака Козьмы Крючкова со 11 парчами.

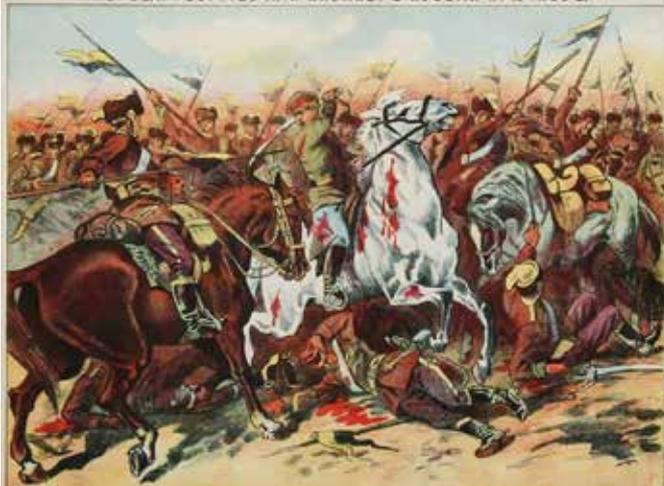
КАСАКА КАЗАКАМИ ГЕРМАНОВИХЪ ГРОСАРЪ СМЕРТЬ ПОДЪ ШАНФЕЛЬДОМЪ.

Подвигъ казака Давина.

ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКІЙ КАВАЛЕРЪ КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ.

НАШИ ГЕРОИ КАЗАКИ.

Подвигъ казака Крючкова.

Подвигъ казака Крючкова.

ВЕЛИКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ВОЙНА

